

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

4/2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 13, № 4

Октябрь – декабрь 2020

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 13, No. 4

October – December 2020

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенев Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD (Doctor of Philosophy in History), Senior specialist of Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent analyst and consultant, associate researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, candidate of historical sciences.

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Богданова М.В., Бакштановский В.И. Университетская этика: динамика проблематизации	9
Довбыш В.О., Максимов Л.И. Инновационное развитие университета	19
Величко А.Н. Информационная безопасность образовательной организации: проблемы управления	32
Кондаков В.А. Спрос и предложение в дискурсе экономической социологии	43
Сбитнев В.Д., Шестаков С.А. Общественно-политические молодежные движения на современном этапе развития гражданского общества (на материалах юга Тюменской области)	55
Погребинская Ю.А., Пезин Д.А. Анализ опыта перехода к дистанционному образованию в период пандемии на примере Тюменского индустриального университета (социологический аспект)	64
Калугина Д.А., Черкасова В.Ю. Ограничения и последствия самоизоляции в восприятии населения Свердловской области по результатам социологического исследования	73
Попкова А.А., Конев Ю.М. Управление развитием сельских территорий: вызовы и возможности	85
Вукчевич Н. Социологическая ретроспектива проблемы миграционных процессов в постюгославском хронотопе	94

CONTENTS

Bogdanova, M.V., Bakshtanovsky, V.I. University ethics: dynamics of problematization	9
Dovbysh, V.O., Maksimov L.I. Innovative development of the university	19
Velichko, A.N. Information security of educational organization: management problems	32
Kondakov, V.A. Supply and demand in economic sociology	43
Sbitnev, V.D., Shestakov, S.A. Socio-political youth movements at the present stage of civil society development (based on materials from the south of the Tyumen region)	55
Pogrebinskaja, J.A., Pezin, D.A. Analysis of the experience of the transition to distance education during a pandemic on the example of Industrial University of Tyumen (sociological aspect)	64
Kalugina, D.A., Cherkasova, V.Y. Restrictions and consequences of self-isolation in the perception of the population of the Sverdlovsk region according to the results of a sociological study	73
Popkova, A.A., Konev, Y.M. Rural development management: challenges and opportunities	85
Vukčević, N. A retrospective analysis of the problem of migration processes in the post yugoslavian chronotope – sociological aspects	94

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЭТИКА: ДИНАМИКА ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

Марина Владимировна Богданова¹, Владимир Иосифович Бакштановский¹

¹*Научно-исследовательский институт прикладной этики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Предпринятая в статье проблематизация ценностных ориентиров развития отечественного университета основывается на анализе рефлексии опыта его самоопределения. Ситуации самоопределения в постсоветском пространстве, а также в условиях коммерциализации, корпоративизации, цифровизации университетской деятельности информативны для понимания современных этических вызовов университету. Университетская этика операционализируется в статье как императивно-ценностная система, содержащая мировоззренческий ярус; ярус реально-должного, нормативный ярус. Обращение к анализу кейса Тюменского индустриального университета (ТИУ), осуществленного в проектах Научно-исследовательского института прикладной этики ТИУ, представляет собой микроуровень исследования заявленной темы. Анализ рефлексии о ситуации изменений в университете с середины 90-х гг. XX в. по второе десятилетие XXI в. позволил зафиксировать определенную динамику в проблематизации университетской этики. Преимущественная проблематизация мировоззренческого яруса университетской этики: от идеи служения обществу — к идее служения целям развития инновационной экономики (со второй половины 90-х гг. XX в.). Преимущественная проблематизация преемственности ориентиров реально-должного, то есть сообразования представлений о долге и ответственности профессионала с требованиями актуального времени и социальным контекстом (в первом десятилетии XXI в.). Актуализировавшаяся к концу второго десятилетия XXI в. проблематизация одновременно норм профессионально-правильного в исполнении профессии, ориентиров реально-должного и предназначения университета — в условиях его встраивания в инновационную экономику и цифровизации его научно-образовательной деятельности. В статье выдвигается гипотеза о том, что в условиях одновременной проблематизации трех ярусов университетской этики системообразующим элементом в ее осмыслении может выступать предикат «образование человека в условиях перемен». Образование, способное перевести человека из позиции объекта воздействия в позицию субъекта изменений в обществе, профессии, экономике, в современных обстоятельствах представляет собой вектор конкретизации трех ярусов университетской этики.

Ключевые слова: университетская этика, мировоззренческий ярус, реально-должное, профессионально правильное исполнение профессии, трансформирование отечественного университета.

University Ethics: Dynamics of Problematization

Marina V. Bogdanova¹, Vladimir I. Bakshtanovsky¹

¹*Applied Ethics Research Institute, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The problematization of the value orientations of the development of the national university undertaken in the article is based on the analysis of the reflection of the experience of its self-determination. Situations of self-determination in the post-Soviet space, as well as in the conditions of commercialization, corporatization, digitalization of university activities, are informative for understanding modern ethical challenges to the university. University ethics is operationalized in the article as an imperative-value system containing a worldview tier; the tier of the really-due, the normative tier. The appeal to the analysis of the case of Industrial University of Tyumen, carried out in the projects of the Applied Ethics Research Institute at Industrial University of Tyumen, is a micro-level of research on the stated topic. Analysis of reflection on the situation of changes in the university since the mid-90s. XX century to the second decade of the XXI century allowed to fix a certain dynamic in the problematization of university ethics. The predominant problematization of the worldview tier of university ethics: from the idea of serving society to the idea of serving the goals of developing an innovative economy (since the second half of the 90s of the XX century). The predominant problematization of the continuity of the real-due guidelines, that is, the conformity of ideas

about the duty and responsibility of a professional with the requirements of the current time and social context (in the first decade of the 21st century). Actualized by the end of the second decade of the XXI century problematization of both the norms of the professionally correct in the performance of the profession, the benchmarks of the really proper and the purpose of the university – in the context of its integration into the innovative economy and the digitalization of its scientific and educational activities. The article proposes a hypothesis that in the context of the simultaneous problematization of three tiers, the predicate "human education under conditions of change" can act as a system-forming element in understanding university ethics. Education, capable of transferring a person from the position of the object of influence to the position of the subject of changes in society, profession, economy, in modern circumstances, is a vector of concretization of the three tiers of university ethics.

Keywords: university ethics, worldview tier, really-due, professionally correct execution of the profession, transformation of the national university.

Введение

Современные трансформации отечественных университетов, продолжающиеся уже четверть века, характеризуются различной направленностью выбора стратегий развития. В середине 90-х гг. XX в. университеты вынуждены были во многом самостоятельно определять эти стратегии (точнее — выживания?). А на исходе второго десятилетия XXI в. выживание и развитие многих отечественных университетов (пожалуй, за исключением элитных университетов с долгой историей — таких, как МГУ, ЛГУ, МИФИ, МГТУ им. Баумана, ТГУ) связаны с движением по маршрутам «дорожных карт», заданных извне. При этом ситуации университетов 25 лет назад и сегодня с точки зрения альтернатив выбора стратегии развития имеют, как представляется, схожие признаки. В первом случае объективные обстоятельства не предлагали изначально варианты выбора, из которых один можно было бы предпочесть всем иным — альтернативы предстояло выделить, рассмотреть, взвесить. Во втором случае, скорее, можно говорить о наличии практически единственного варианта действия.

Выбор стратегии развития университета одновременно является выбором моральных ориентаций и, соответственно, меры нравственной ответственности за решение и последующие действия [1]. Столкновение в ситуации выбора нормативно-ценностных систем — как и убеждение об отсутствии альтернатив выбора — создает у субъекта особое моральное напряжение. Коллизии такого рода, возникающие, например, при выстраивании университетами стратегий своего развития в условиях становящейся инновационной экономики, усиливают дезинтеграцию солидарного существования профессорско-преподавательского корпуса на основе ценностей базовых профессий научно-образовательной деятельности. Знание о ценностях и нормах профессиональной деятельности в такой ситуации не подкрепляется практическим следованием им. Хотя рассогласование ценностно-нормативных ориентиров в профессиональных видах деятельности в современном обществе является общей тенденцией, тем не менее согласованность такого рода этических ориентиров является важным условием его устойчивости и развития.

В статье предпринимается попытка этической проблематизации ценностных ориентиров стратегий развития отечественного университета в ситуации самоопределения в постсоветском пространстве (с 1995 г.); в условиях коммерциализации, корпоративизации университетской деятельности (\approx с 2005 г.); в обстоятельствах интенсивной цифровизации (\approx с 2019 г.). Обращение к теме трансформирования отечественного университета середины 90-х гг. XX в. — второго десятилетия XXI в., возникающих в этой связи ситуаций выбора, обусловленного ими морального напряжения в деятельности, прежде всего, профессоров, администраторов, может быть целесообразно для понимания востребованности имеющегося у университета опыта в новых условиях функционирования образования, устанавливающихся новых ценностных ориентирах научно-образовательной деятельности и потенциала его развития.

Материалы и методы

Университетская этика (наряду с этикой академической) уже не одно десятилетие входит в актуальную повестку отечественных исследований высшей школы. Широкий спектр практикуемых значений данного понятия (в том числе как учебный предмет, обязательный для высшего образования [2]; как профессиональная этика конкретной институциональной среды — университетской — предназначенная создать этическую культуру в университете [3]; как один из видов прикладной этики [4]) указывает не столько на неустойчивость дефиниции, сколько, скорее, на многообразие попыток осмысления из различных исследовательских позиций возможных направлений развития университетской этики, а также проявлений аномии в практике трансформируемых университетов.

Для целей данной работы методологически значимо описание университетской этики через характеристику трех ее ярусов [1]. Университетская этика представляет собой императивно-ценностную систему, содержащую, во-первых, мировоззренческий ярус (миссия-кредо университета, в которой аккумулирована идея университета, при всей социокультурной динамичности данного института, характеризующая его не только как «бюрократическое учреждение», но как научно-образовательную корпорацию, удерживающую в стратегии своего развития смыслоценностные ориентиры этики профессора).

Во-вторых, ярус реально-должного — его образуют не абстрактные (вне социального времени и пространства), а сообразованные с требованиями локального времени и пространства представления о долге и ответственности, и, тем самым, отчасти утрачивающие свой изначальный универсализм.

В-третьих, нормативный ярус университетской этики — минимальный стандарт (нормы профессионально-правильного в исполнении профессии, в том числе профилактирующие искажение представлений о моральном регулировании, отождествлении его с требованиями регламентов, дисциплины и прочее).

Проблематизация университетской этики предполагает характеристику особенностей столкновения моральных принципов, убеждений, норм, интересов в поле интенсивно трансформируемых отечественных университетов. Следует отметить, что в постмодернистской философии «проблематизация» определяется как подход, позволяющий осмыслить уже имеющийся опыт для понимания проблем настоящего. Например, Р. Кастель, характеризуя «проблематизацию» в качестве подхода к прочтению исторических источников в работах М. Фуко, указывает на значимую для разработки данной темы особенность [5]. Проблематизация позволяет рассмотреть ситуацию, опираясь на ряд категорий, и, тем самым, сконструировать иное ее описание. Такой подход расширяет знание о ситуации, не пересматривая ни ее элементы, ни в целом историчность. При этом проблематизация, возникающая в определенный момент, трансформируется в силу того, что ее элементы относятся к вопросу, задаваемому сегодня, исходя из внутренних противоречий современной ситуации.

Эмпирическую основу статьи составляют материалы рефлексии ситуации отечественного университета, созданные в проектах Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского индустриального университета (НИИ ПЭ ТИУ) с 1995 года; вторичный анализ материалов социологических обследований ситуации отечественных университетов в условиях пандемии.

Результаты и обсуждение

Исследование современных трансформаций отечественных университетов и в целом системы высшего образования сохраняет свою актуальность уже на протяжении четверти века. При достаточно широком спектре направлений этой темы запрос на исследования такого рода сохраняется. При этом в фокусе внимания находятся вопросы в диапазоне от направлений

развития системы отечественного высшего образования [6] до вклада системы высшего образования в решение конкретных задач социально-экономического развития страны [7], изменения содержания и функций деятельности преподавателей в сфере бизнес-образования и в высшей школе [8].

Обращение к теме университетской этики с привлечением в качестве эмпирической основы материалов исследовательских проектов ситуации лишь в одной стране и тем более в одном университете создает определенные риски. В том числе риск экстраполяции полученных результатов на ситуацию в университетах в целом, основанной на убеждении, что академическая жизнь в университетах различных стран не имеет существенных различий. Известно, что для профилактики такого риска целесообразно обращение к опыту разных университетов и в отдельной стране, и в других странах, в том числе чтобы понять, каким образом они определяют действия и изменения [9]. В то же время исследование изменений ценностного содержания воспроизводства деятельности специфического региона, предусматривающее, исходя из уникальности бэкграунда конкретного университета, анализ предпринятого в его пространстве исследовательского кейса, представляет собой микроуровень исследования заявленной темы.

Рассматриваемый далее кейс Тюменского индустриального университета (до 2016 г. — Тюменского государственного нефтегазового университета (ТюмГНГУ)) на временной траектории в четверть века, представлен проектами, инициированными НИИ ПЭ ТИУ.

В исследовании университетской этики информативными являются материалы, содержащие рефлексию ситуаций самоопределения университета.

Во-первых, в отношении стратегии его развития после смены имени «институт → университет».

Во-вторых, между преимущественно коммерческим развитием и приоритетностью поддержания этически полноценного профессионализма в сфере научно-образовательной деятельности, в том числе в отношении конфликта двух миссий. Речь идет о миссии, ориентирующей университетских администраторов и профессоров на преимущественное развитие организационно-корпоративных ценностей, присущих коммерческому предприятию, и о миссии, ориентирующей администраторов и профессоров на ценности университета как научно-образовательной корпорации, присущие производству и воспроизводству знания.

В-третьих, проблематизацию ценностного напряжения в связи с интенсивной цифровизацией научно-образовательной деятельности университета.

В случае ТюмГНГУ рефлексия ситуации его самоопределения после смены имени «институт → университет» (1995 г.) была сосредоточена на образах Идеи университета, его предназначения. В материалах проблемных семинаров, индивидуальных экспертных интервью (предпринятых в этот период в рамках проектов НИИ ПЭ) среди прочего был проблематизирован феномен корпоративности как корпоративного духа применительно к университету. В том числе идентификация университета как научно-образовательной корпорации успешных профессионалов, наделенных особым духом сотрудничества, корпоративным этосом. Этот аспект рефлексии выводил на вопросы ценностного содержания миссии университета — определения ценностного мира науки и образования как профессий, призванных к служению (не отменяя стремление к честному заработку профессионала) в качестве системообразующего ориентира самоопределения ТюмГНГУ.

В то же время в рефлексии была обозначена проблема усиливающейся в этот период в коллективе университета дезинтеграции солидарного существования, обусловленной внутрикорпоративной дифференциацией по материальному признаку, в том числе «новой классификацией» кафедр и факультетов с точки зрения их активной включенности — невключенности в рыночные отношения. Проблематизация такого рода актуализировала вопросы определения стратегии университета и долгосрочных целей его деятельности [10].

В ситуации, когда наиболее востребованными в условиях перехода постсоветского общества к рыночной модели экономики стали специальности менеджмента и маркетинга, возник вопрос об идентичности ТюмГНГУ, связанной с его нефтегазовым профилем, местом и ролью в обществе, которому он предназначен служить. Должен и может ли университет в таких условиях ориентировать свою стратегию на задачи, решение которых важно не только для актуальных потребностей, но и для сохранения и развития высшего технического образования наряду с востребованными специальностями, приносящими университету доход «здесь и сейчас»? В целом в этой ситуации самоопределения университета основная проблематизация затрагивала мировоззренческий ярус его императивно-ценностной системы. В то же время была актуализирована проблема преемственности ориентиров реально-должного в научно-образовательной деятельности. В том числе принципов коммунизма (результаты исследований должны быть открыты для научного сообщества, в том числе и студентов); бескорыстности (при опубликовании результатов исследователь не должен стремиться к получению какой-либо личной выгоды).

Среди вызовов, адресованных университету в первом десятилетии XXI в., особо острыми оказались вызовы тенденции коммерциализации, а затем и бюрократизации его деятельности. Проблематизация университетской этики возникала в связи с обозначившейся дилеммой в идентификации университета: является ли он скорее «хозяйствующим субъектом» на рынке образовательных услуг, или научно-образовательной корпорацией, ориентирующейся на ценности *высокой* профессии. Предпринятая в проектах НИИ ПЭ экспертиза предусматривала обращение к идее *высокой* профессии и проблеме дуализма корпоративной идентификации университета. Идея *высокой* профессии была актуализирована в ситуации привнесения в университетское пространство терминологии рыночной экономики, прежде всего идентификации научно-образовательной деятельности со сферой услуг. Следует отметить, что *высокие* профессии, к которым относились профессии профессора и профессора-администратора, не противопоставлялись «низким профессиям». Таким образом, предпринималась попытка сделать исключение в отношении тезиса «все профессии обслуживают»: некоторым профессиям (с выраженной в них ролью мировоззренческих ориентиров и установки на служение в профессии) общество намеренно дает особое назначение [11].

В рефлексии дилеммы были проблематизированы смыслы предназначения университета и, соответственно, возможности осуществления на практике ориентиров этики базовых профессий научно-образовательной деятельности. Таким образом, речь шла о ярусе реально-должного университетской этики — согласовании представлений о долге и ответственности профессионала с требованиями локального времени и пространства.

В этот же — второй — период актуализировалась задача закрепления ценностных ориентиров университета в этических документах, предназначенных помочь университету не поддаться ни стратегии, превращающей его в «образовательный супермаркет», ни стратегии герметизации — ухода из реальности, превращения в «башню из слоновой кости». В создаваемых с участием коллектива университета документах «Миссия-кредо ТюмГНГУ», «Профессионально-этический кодекс ТюмГНГУ» реализовывалась установка зафиксировать ценности мировоззренческого яруса университетской этики, ориентиров реально-должного, нормативного яруса. В процессе рефлексии проблематизации роли таких документов — воплощают ли они лишь ложный пафос, выражение заносчивости или интонацию рационально принимаемой на себя ответственности коллективом университета? не станет ли этический кодекс «добровольным ошейником» и не заменит ли он самостоятельный нравственный выбор субъекта профессии? — обнаружилась иная возможная роль этих документов. Как известно, необходимость такого рода фиксации возникает, когда этическое ноу-хау высоких профессий уже не передается непосредственно в практической деятельности. Создание этических документов представляет собой попытку документально зафиксировать

принципы, ценностные ориентиры, образующие этику базовых профессии научно-образовательной деятельности университета. В условиях массовизации, глобализации университетов документальная фиксация принципов и ценностей университетской этики обнаружила свою востребованность.

Наблюдаемая в начале второго десятилетия XXI в. редукция содержания этических кодексов, создаваемых во многих университетах, к корпоративным регламентам, с одной стороны выражала необходимость разработки дополнительных инструментов управления университетами, все более превращающимися в транснациональные корпорации. С другой стороны, замещение ими профессионально-этических ориентиров и норм *высокой* профессии отражало тенденцию изменения статуса преподавателя в университете: от субъекта базовой профессии научно-образовательной деятельности — к наемному работнику, профессиональная деятельность которого регулируется правилами, не предусматривающими профессионально-нравственную автономию и самовозложение ответственности профессионала.

Окончание второго десятилетия XXI в. ознаменовано активным встраиванием отечественных университетов в инновационную экономику, интенсификацией процессов цифровизации научно-образовательной деятельности. Как известно, знание рассматривается в качестве основной производительной силы развития инновационной экономики. Соответственно, основным фактором инновационного развития страны провозглашается создание конкурентоспособных университетов. При этом новым форматам университетов — прежде всего, исследовательскому и опорному — отводится особая роль в становлении нового типа экономики. В университетском дискурсе, в том числе на уровне официальных документов, в качестве основного фактора ускоренного экономического развития рассматривается «человеческий капитал». Современное определение данного понятия — «система рентообразующих активов, отражающих разные грани личности человека, эффективное формирование которых приходится на самые ранние этапы развития индивида» [12].

В рефлексии о ситуации университета в этот период обнаруживаются существенные изменения в сравнении с предшествующим периодом с точки зрения предназначения университета: четверть века назад в качестве базового провозглашался принцип служения обществу, а в конце второго десятилетия XXI в. — провозглашается служение целям развития инновационной экономики.

Один из вызовов современной ситуации университета — процессы цифровизации его научно-образовательной деятельности. Цифровизация, при всей неопределенности ее последствий, сегодня задает общий контекст изменений в современном обществе в целом. Человечество вступает в новый технологический уклад, соответственно трансформируются и образовательные технологии. С использованием современных технологий дистанционного обучения связывается повышение качества, доступности, непрерывности и актуальности образования. Ситуация в связи с COVID-19 конца 2019 — середины 2020 гг. фактически «забросила» современного человека, социальные институты в новую реальность — виртуальную. Стало очевидным, что этот процесс трансформирует и формы, и суть общественных институтов, особенно основанных на публичных коммуникациях. И этическая рефлексия онлайн-образования сегодня приобретает уже иные временные координаты, модальность и степень актуальности. Так, опросы студентов и преподавателей российских вузов в период вынужденной дистанционной работы выявили проблемы, связанные не только с неготовностью преподавателей эффективно использовать цифровые технологии, с ростом методической нагрузки и интенсивности учебной работы преподавателя, но и с рисками социальной изоляции, (не)вовлеченности студентов в образовательный процесс, с риском увеличения практик нечестного поведения среди студентов во время экзаменов, в целом — трансформации роли преподавателя в процессе образовательной деятельности, в том числе и норм профессионально-правильного в исполнении профессии [13].

Следует отметить, что вынужденное тотальное введение дистанционной формы обучения в университетах, можно сказать, вдохнуло новую жизнь в уже реализуемые проекты по цифровизации университетской деятельности (Хартия о цифровизации образовательного пространства [14]; проект «Цифровой университет» [15]; «Совет по цифровому развитию и ИТ» при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [16]). Тем не менее вопросы о том, как цифровизация образования проблематизирует этику университета и как университетская этика проблематизирует цифровизацию образования, требуют специального исследования. В том числе вопросы о личностном и профессиональном самоощущении человека — «пользователя университета», выражаясь словами Г. Розовски.

Как влияет изменяемый цифровизацией образования тип взаимодействия в университете на человека? Какие глубинные нравственные конфликты возникают в этой связи? Каковыми видятся уже сегодня этико-прикладные смыслы возникающей новой сферы взаимодействия? Трансформируется ли в связи с цифровизацией образования университет как многопоколенческое сообщество? Как влияет на университетскую этику исчезновение в связи с цифровизацией образования разграничения между рабочим временем и нерабочим, рабочим пространством и нерабочим; привычных этикетных норм взаимодействия в университете? Что теряется и что приобретает в коммуникации «профессор — студент» в связи с цифровизацией образования? В том числе с точки зрения педагогического воздействия?

Как в целом влияет на университетскую этику перевод профессиональной деятельности в университетах в виртуальную реальность (Радикальная проблематизация такого вопроса — *«можно ли вообще “приложить” этическое измерение к проблемам цифрового пространства, если в соответствии с постмодернистской логикой “добро и зло” у всех людей разное, а виртуальное “добро и зло” тем более — сюжет абсолютно запутанный и никоим образом не продуманный и не прописанный?»* [17])?

Этические вызовы университету в условиях ускоряющейся цифровизации университетского образования акцентируют внимание на смыслоценностных аспектах научно-образовательной деятельности и на личностных и профессиональных рисках. Прежде всего, речь идет о том, что цифровизация — как технология — является средством, предназначенным служить человеку, однако уже и в сфере образования намечается тенденция редукции человека к фактору экономического развития [7].

Выводы

В целом анализ рефлексии о ситуации трансформирования отечественного университета середины 90-х гг. XX в. — второго десятилетия XXI в. позволяет зафиксировать определенную динамику в проблематизации университетской этики.

Самоопределение отечественного университета со второй половины 90-х гг. XX в. характеризовалось проблематизацией мировоззренческого яруса его императивно-ценностной системы (предназначения, современных смыслов Идеи) — от идеи служения обществу к идее служения целям развития инновационной экономики. Особое этическое напряжение в первом десятилетии XXI в. было связано с идентификацией научно-образовательной деятельности университета в качестве сферы услуг. Решение задачи развития университета как субъекта бизнес-деятельности актуализировало проблематизацию преемственности ориентиров реально-должного научно-образовательной деятельности — согласования представлений о долге и ответственности профессионала с требованиями актуального времени и специфики социального контекста. В том числе речь шла о таких базовых ориентирах научной деятельности, как коммунизм и бескорытность.

В условиях встраивания отечественных университетов в инновационную экономику, цифровизации научно-образовательной деятельности проблематизация университетской этики выражает намечающиеся изменения личностной и профессиональной идентичности профессора, студента, администратора в складывающейся практике университетской

деятельности. На повестку дня университетской этики выходят вопросы как ее нормативного яруса (норм профессионально-правильного в исполнении профессии), ориентиров реально-должного (причем не только согласования представлений о долге и профессионализма с требованиями актуального времени, но о смысловом наполнении данных категорий в этих условиях), так и предназначения университета. В пределе — вопросы о шансах на будущее университета как специфического социального института с особой миссией.

Одновременную проблематизацию в конце второго десятилетия XXI в. всех трех ярусов университетской этики можно метафорически охарактеризовать как следствие сложения совокупности факторов, кратно увеличивающих партикуляристское воздействие на нее. В условиях одновременной проблематизации трех ярусов университетской этики системообразующим элементом в ее осмыслении может выступать предикат «образование человека в условиях перемен». Образование, способное перевести человека из позиции объекта воздействия в позицию субъекта изменений в обществе, профессии, экономике, в современных обстоятельствах представляет собой вектор современной конкретизации университетской этики.

Библиографический список

- [1] Бакштановский В.И. Университетская этика: Прикладная этика. Инновационный курс для магистрантов и профессоров. Часть третья. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2014. – 242 с.
- [2] Ethics in Higher Education Values-driven Leaders for the Future / Singh D., Stückelberger Ch. (Eds.) Globethics.net. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/21903/GE_Education_Ethics_1_isbn9782889311644%20%281%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- [3] Keenan S.J.F. University Ethics: How Colleges Can Build and Benefit from a Culture of Ethics. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2017. – 296 p.
- [4] Этика профессора. Опыт коллективной рефлексии. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского; составитель М.В. Богданова. – Тюмень: ТИУ, 2020. – 232 с.
- [5] Кастель Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – Санкт-Петербург; Москва: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – 349 с.
- [6] Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. – 2019. – 539 с.
- [7] Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? [Текст] / Под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина, П. С. Сорокина. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 284 с.
- [8] Багирова А.П., Ключев А.К., Нотман О.В., Шубат О.М., Щербина Е.Ю., Яшин А.А. Преподавательский труд в современной России: трансформация содержания и оценки: монография / Под ред. проф. А. П. Багировой. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 207 с.
- [9] Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / Пер. с англ. А. Смирнова. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 360 с.
- [10] Становление духа университета: Опыт самопознания. Коллективная монография. / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ; Центр прикладной этики, 2001. – 755 с.
- [11] Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2008. – 699 с.

- [12] Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. – Т. 18. – № 4. Сентябрь. – 2017. – С. 120–156.
- [13] Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад / Ред. группа К.А. Баранников, И.А. Карлов, О.В. Лешуков, О.Л. Назайкинская Е.А. Суханова И.Д. Фрумин, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1GMcBlOp8ITzE_WDVh4nFksX6lceotZY3/view (дата обращения 15.09.2020).
- [14] В России 26 вузов будут совместно формировать рынок IT-решений для образования // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1687 (дата обращения 10.09.2020).
- [15] Университет будущего: как будет выглядеть высшее образование онлайн // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/universitet-budusego-kak-budet-vygladet-vyssee-obrazovanie-onlajn> (дата обращения 07.09.2020).
- [16] Совет по цифровому развитию и ИТ // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/digitalcouncil/> (дата обращения 10.09.2020)
- [17] Согомонов А.Ю. Этическая повестка цифрового общества // Профессор в трансформируемом университете: «вне-алиби-бытие». Ведомости прикладной этики. Выпуск 56. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – С. 71–85.

References

- [1] Bakshantovskij, V.I. (2014). *University Ethics. Applied ethics: innovation course for masters and professors. Suppl 3*. Tyumen: AERI TSOGU.
- [2] Singh, D., & Stückelberger, Ch. (Eds.) *Ethics in Higher Education Values-driven Leaders for the Future* Globethics.net, 2017. Retrived from <http://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/21903/GE_Education_Ethics_1_isbn9782889311644%20%281%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- [3] Keenan, S.J.F. (2017). *University Ethics: How Colleges Can Build and Benefit from a Culture of Ethics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- [4] Bakshantovskij, V.I. (Ed.). (2001). *Professorial ethics: an experience of collective reflection*. Tyumen: IUT.
- [5] Castel, R. (2001). "Problematization" as a way of reading history. In O. Kharkhordin (Ed.), *Michel Foucault and Russia: Collection of articles*. St. Petersburg; Moscow: European University at St. Petersburg: Publishing house Summer Garden.
- [6] Zborovskij, G.E., & Ambarova, P.A. (2019). *Sociology of Higher Education*. Yekaterinburg: University for Humanities.
- [7] Kuzminova, Ya.I., & Frumin, I.D., & Sorokin, P.S. (Eds.). (2019). *How to make education an engine of social and economic development?* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
- [8] Bagirova, A.P., Klyuev, A.K., Notman, O.V., Shubat, O.M., Shherbina, E.Y., & Yashin, A.A. (2016). *Teaching work in modern Russia: transformation of content and assessment: monograph*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House.
- [9] Klark, B.R. (2011). *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
- [10] Bakshantovskiy, V.I., & Karnaukhov, N.N. (Eds.). (2001). *Formation of the spirit of the university: An experience of self-knowledge*. Tyumen: Research Institute of Applied Ethics, TSOGU.
- [11] Bakshantovsky, V.I., & Karnaukhova, N.N. (Eds.). (2008). *Self-Determination of the University: The Way of the Real-Due*. Tyumen: Research Institute of Applied Ethics.

- [12] Anikin, V.A (2017). Human capital: the formation of the concept and basic interpretations. *Journal of Economic Sociology*, 18 (4), 120–156.
- [13] Barannikov, K.A., Karlov, I.A., Leshukov, O.V., Nazaikinskaya, O.L., Sukhanova, E.A., & Frumin, I.D. (Eds.). (2020). Lessons from the “stress test”. Universities in a pandemic and after it. Analytical report. Retrieved from https://drive.google.com/file/d/1GMcBIOp8ITzE_WDVh4nFksX6lceotZY3/view
- [14] In Russia, 26 universities will jointly form the market of IT solutions for education. Retrieved from https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1687
- [15] University of the future: how higher education online will look like. Retrieved from <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/universitet-budusego-kak-budet-vygladet-vyssee-obrazovanie-onlajn>.
- [16] Council for Digital Development and IT. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Retrieved from <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/digitalcouncil>.
- [17] Sogomonov, A.Yu. (2020). Ethical agenda of the digital society. Professor at a transforming university: “out-of-alibi-being”. In *Sheets of applied ethics, Iss. 56*. Tyumen: AERI IUT.

Получена / Submitted: 07/10/2020

Доработана / Revised: 11/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 27/11/2020

УДК 316.354

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Вадим Олегович Довбыш¹, Лев Игоревич Максимов²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Сектор фундаментальных и прикладных исследований, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается специфика управления современным высшим учебным заведением, в частности, раскрываются вопросы управления инновационным развитием университета. Представлены существующие подходы исследователей к определению понятий инновационного развития и управления инновационным развитием университета. Анализируется влияние государственной политики в сфере образования на развитие и роль университета в национальном развитии. Проанализирован ряд авторских подходов к управлению инновационным развитием университета, выявлены их отличительные особенности, достоинства и недостатки. Отмечается, что управление инновационным развитием в существенной степени зависит от концептуального подхода, согласно которому предполагается осуществлять воздействие в структуре организации. Отмечается, что управление университетом и его инновационным развитием направлено на достижение принципиально новых, в первую очередь качественных результатов, которые должны обеспечивать конкурентоспособность и эффективность образовательной организации на отечественном и мировом уровне.

Ключевые слова: инновационное развитие, управление, университет.

Innovative Development of the University

Vadim O. Dovbysh¹, Lev I. Maksimov²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Fundamental and Applied Research Department, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the specifics of management of a modern higher educational institution, in particular, the issues of management of the innovative development of the university are disclosed. The existing approaches of researchers to the definition of the concept of innovative development and management of innovative development of the university are presented. The influence of the state policy in the field of education on the development and the role of the university in national development is analyzed. A number of author's approaches to the management of the innovative development of the university are analyzed, their distinctive features are revealed and the advantages and disadvantages are highlighted. It is noted that the management of innovative development largely depends on the conceptual approach, according to which it is supposed to influence the structure of the organization. It is noted that the management of the university and its innovative development is aimed at achieving fundamentally new, first of all, high-quality results, which should ensure the competitiveness and efficiency of an educational organization at the domestic and world level.

Keywords: innovative development, management, university.

Введение

Понятие «управление» в широком значении можно трактовать как целенаправленное воздействие, которое осуществляется посредством субъект-объектного взаимодействия для решения исчерпывающего ряда задач, выполнение которых должно приводить к запланированным изменениям объекта относительно его исходного состояния [1]. В контексте

системы высшего образования под управлением университетом принято понимать принятие стратегических решений, разработку и реализацию систем контроля и координации, которые позволяют организовать деятельность сотрудников в соответствии с установленными директивами, концепцией и политикой организации [2]. На первое место в процессе управления университетом выходит совокупность решений и предпринятых действий по достижению стратегических целей, далее идет управление системами контроля, планирования и мотивации сотрудников. Перед тем как рассматривать процесс инновационного развития университета и управления им, зафиксируем понимание самого управления развитием университета, которое можно разделить на две составляющие. Первая — администрирование — это совокупность взаимоотношений и процессов, определяющих организацию, способы и условия функционирования объектов администрирования, с учетом при этом воздействия со стороны административного аппарата, которое представлено деятельностью государственных органов управления в сфере образования. Вторая составляющая представлена самоорганизацией образовательных систем — это совокупность формальных и неформальных структур управления, которые обеспечивают управляемое взаимодействие внешней среды и образовательной системы. В то же время эти структуры отвечают за выстраивание внутрисистемного взаимодействия, которое направлено на процессы адаптации и организационного развития образовательной системы в контексте изменений, происходящих в обществе.

Также стоит отметить, что в современном обществе термин «инновация» приобрел довольно широкое распространение и популярность в разного рода словосочетаниях и нормативных документах: «инновационный кластер», «инновационная политика государства/предприятия», «Стратегия инновационного развития», «рейтинг инновационного развития», «инновационный конкурс» и так далее. Характерным в данной ситуации является отсутствие у общества единого понятийного аппарата относительно инновации. Что касается вузов, несмотря на то что понятие закреплено в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ, исследователи продолжают уточнять и формулировать новые определения и предлагать авторские интерпретации [3].

Исходя из вышеизложенного, цель работы — рассмотреть особенности процесса управления в университетской среде, проанализировать ряд авторских подходов к управлению инновационным развитием университета с их отличительными особенностями, выделив их достоинства и недостатки, проанализировать существующие подходы к определению понятий инновационного развития и управления инновационным развитием университета, сформулировать определение феномена, согласованного в свою очередь с понятием инновации — подвижной категории, способной видоизменяться под воздействием социальных, экономических, политических и других факторов, представленной процессом, направленным на достижение качественно превосходящего результата, посредством разработки принципиально новых или улучшения существующих решений (способов, методов, технологий и так далее), со свойственной и характеризующей его высокой динамикой протекающих позитивных изменений, проявляющихся в качественном и/или количественном выражении.

Согласно поставленной цели были определены задачи исследования:

- рассмотреть особенности процесса управления применительно к среде университета;
- проанализировать существующие подходы исследователей к определению понятий инновационного развития и управления инновационным развитием университета;
- дать авторское определение понятию управления инновационным развитием университета;
- представить теоретические выводы и обозначить перспективы развития исследования.

Вопросам управления университета и его инновационного развития посвящены работы ряда исследователей: В.Б. Тарабаевой, Я.И. Серкиной, Н.И. Пирогова, А.И. Таюрского, Р.А. Ставратия, Е.А. Монастырного, А.А. Розанова, Е.Н. Беловой, А.М. Аронова, С.Н. Спорыхина, В.Е. Шукшунова, И.Д. Белоновской, В.П. Ковалевского и других.

Материалы и методы

Руководствуясь поставленной целью и задачами, в статье были использованы следующие методы исследований: анализ, синтез, диалектический, обобщение, системный и другие. Диалектический метод исследований позволил выявить текущее состояние вопроса управления инновационным развитием университета, предлагаемые на сегодняшний день ключевые принципы управления и определить тенденции развития; системный метод был использован при исследовании подходов к управлению инновационным развитием университета и принципов управления; методы анализа и синтеза позволили сформулировать авторскую трактовку процесса управления инновационным развитием университета и так далее.

Использованные в работе методы позволили выявить актуальность исследования, обусловленную в первую очередь целями национального развития, сформулированными в указе Президента от 07.05.2018 г. № 204: ускорение технологического развития, обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий, вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора [4]. В свою очередь, система высшего образования должна осуществить вклад в национальное развитие посредством реализации «Программы стратегического академического лидерства», которая будет формировать реалии высшей школы на период 2020–2030 гг. В рамках программы на конкурсной основе запланировано сформировать когорту Национальных исследовательских и Опорных университетов. Таким образом, акцентируется внимание не только на том, что университет должен обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров, способных задать интенсивный темп технологического развития базовых отраслей экономики, но также качественно повысить уровень научных исследований, обеспечив их значимость в мировом академическом сообществе, конкурентоспособность и востребованность на рынке.

Инновационному развитию университета посвящены следующие работы: А.И. Владимирова «Об инновационной деятельности вуза» (2012 год), А.М. Аронова и Е.Н. Белова «Принципы управления инновационной деятельностью вуза» (2013 год), А.А. Розанова «Базовые принципы управления Инновационным развитием вуза» (2014 год). Среди авторов диссертационных работ можно выделить следующих исследователей: Я.И. Серкина «Социальные технологии управления инновационным развитием вуза» (2013 год), Е.А. Монастырский «Методологическое обеспечение развития региональной инновационной системы в условиях современной экономики России» (2009 год).

Результаты и обсуждение

Перед тем как рассмотреть инновационное развитие университета, стоит отметить, что учреждения высшего образования являются сложными организациями с точки зрения управленческого процесса, и их базовые функции управления (планирование, организация, координация, мотивация и контроль) обладают своей спецификой. При этом организация как функция предполагает разработку структуры управления, ранжирование полномочий, задач, а также распределение ресурсов.

Университет в своей структуре содержит большое количество элементов (отделы, департаменты, управления, кафедры и прочее), и на первый взгляд эффективность его управления должна быть обеспечена посредством первичных регламентированных взаимодействий вертикального типа по траектории от руководства верхнего эшелона к среднему управленческому звену и к подчиненным [5]. Что на практике приводит к бюрократизированности управленческого аппарата в университетской среде.

По мнению Н.Н. Богдана и И.Ю. Парфеновой, характерные сложности процесса управления университетом обуславливаются его структурой, имеющей бюрократический вид, еще называемой «профессиональной бюрократией» [6]. В своих работах исследователи выявляют следующие особенности, снижающие эффективность процесса управления:

- отсутствие зачастую в университете профессионального управленческого состава;
- академическая автономность профессорско-преподавательского состава и перераспределение полномочий в среднем уровне управленческого звена, что приводит к децентрализации власти;
- неразвитая технологическая структура;
- регулярные прецеденты главенства частных интересов над общеуниверситетскими, порожденные ярко выраженным горизонтальным типом специализации кафедр;
- упрощение управленческого процесса за счет стандартизации и нормирования организационного поведения работников в условиях широкой разнородности видов деятельности организации;
- обязательная стандартизация норм организационного поведения сотрудников, как инструмент для упрощения процесса управления в условиях их разнообразия.

В то же время исследователи А.А. Панова и А.В. Давыдова в своих работах аргументируют, что отечественные университеты не соответствуют в полном объеме модели «профессиональная бюрократия», которая подразумевает коллегиальный характер принятия решений [7; 8]. Коллектив авторов отмечает авторитарный характер контроля руководства по отношению к работникам, сосредоточение власти вокруг административного аппарата, приводящие к ситуации, в которой профессорско-преподавательский состав, обучающиеся и профсоюзы совершенно не влияют на управленческие процессы. В.С. Диев в своей публикации «Управление университетом в условиях академического капитализма: иерархия или сеть?» оценивает университетскую систему управления, акцентирует внимание на преобладании иерархического строя с присущим ему недостатком в виде использования механизма по назначению лиц в руководящий состав [9].

Таким образом, работы исследователей дополняют друг друга, описывают и отображают диалектические особенности функционирующих структур. Также при существующей структуре, со свойственной ей в большинстве случаев высокой степенью инертности и строгой иерархией, стоит отметить характерную отечественным университетам проблему гибкости и адаптивности управления.

На сегодняшний день управление университетом осуществляется согласно управленческим процессам национальной системы образования. Фундамент управления российской системы образования заложен в образовательной политике государства, приоритеты и направления развития которой обозначены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [10], Нацпроекте «Наука» [11], Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [12], проекте «Программа стратегического академического лидерства» и перечне прочих нормативных документов. Проведя анализ сложившейся ситуации, программ и проектов развития в сфере образования, В.В. Власов приходит к выводу о сложившемся деструктивном характере образовательной политики, подвергает ее критике и указывает на то, что практика управления образовательной системой находится на неудовлетворительном уровне. Он формулирует следующие тезисы: отсутствие закрепленной за государством ответственности за качество образования; нехватка финансовой поддержки со стороны государственного бюджета; превращение образовательной системы в структуру с неустойчивой позицией, которая преследует обтекаемые цели и обладает нечеткими функциями, ориентированными на коммерческий тип взаимодействий между субъектами. Исследователь убежден, что реализация предлагаемой образовательной политики в действительности не позволяет достичь поставленных целей и задач. Основная проблема, по

мнению В. В. Власова, заключена в самой используемой модели управления. Это иерархическая модель управления, которая неэффективна в условиях слабой центральной власти; разногласия позиции центральной власти с направлением развития прогрессивного общества [1]. Недостатки образовательной политики выявляет Г.В. Морозова, апеллируя к большому объему критических оценок на основе полученных результатов в процессе модернизации. Внимание обращено к проблеме фактического несоответствия уровня предоставляемого образования к требуемому уровню подготовки со стороны профессионального сообщества [13].

При анализе специфики управления российской системы образования нужно брать во внимание следующее:

- продолжительность временного периода нерыночных отношений, в котором она развивалась;
- сопутствующая этому периоду сильная централизованная система управления,
- принятие решений в верхнем эшелоне.

В частных случаях можно наблюдать низкую управляемость университета и отсутствие инициативы со стороны структурных подразделений. Так, в момент перехода университета к самостоятельной форме хозяйственной деятельности нехватка опыта работы в условиях рыночной экономики и отсутствие внутренних норм и регламентов приводили к инцидентам, в которых определенный сотрудник или структурное подразделение были наделены избыточными полномочиями [14].

Обозревая действующие условия, можно наблюдать, что управление в российском университете, как правило, строится по принципу субъект-объектных отношений и ориентировано на административные механизмы воздействия. Большинство университетов присуща закрытая система управления с линейно-функциональным типом, и небольшая когорта университетов применяют модель открытого типа, которая характеризуется большей степенью отклика к изменениям, происходящим как внутри организации, так и во внешней среде. Последним это предоставляет возможность повысить свой уровень конкурентоспособности. В целом наблюдается укрепление процессов бюрократизации и централизации управления, где ситуацию усугубляет реализация системы показателей эффективности (KPI). Эта система направлена на коммерциализацию видов деятельности университета, что приводит к обострению проблем, связанных с нарушением принципов академических свобод при отсутствии поддержки инициативных исследований ученых, чья работа не попадает под критерии системы KPI. В действительности можно наблюдать снижение уровня либеральной компоненты, под которой подразумеваются высокая степень свободы профессиональной деятельности работников; личная коммуникация руководства университета с подчиненными по инициативе последних; отсутствие строгой формы контроля над деятельностью структурного подразделения. С другой стороны, большая часть российских государственных университетов не имеет альтернативы выбора при взаимодействии с регулятором, так как под его влиянием формируется существенный для организации объем финансирования. В связи с чем представляется эффективным интеграция в структуру по горизонтали принципов самоорганизации в модель централизованного управления, обеспечивающих оптимальное отношение KPI и уровня академической свободы сотрудников, сохраняя при этом место для инициативы исследователей.

Рассмотрим инновационное развитие университета. Сформулированное определение инновационного развития В.Б. Тарабаевой как качественного системного изменения организации в результате реализации целенаправленных процессов по разработке и внедрению инноваций в научную, учебную и воспитательную деятельность университета с акцентом на то, что инновационное развитие университета обеспечивается в результате осуществления инновационной деятельности, носит довольно общий характер и с точки зрения инновационного развития, как процесса качественных изменений, в большинстве своем, не противоречит убеждениям большинства исследователей [15].

Также можно встретить определения, имеющие весьма частное содержание, так, Я.И. Серкина, рассматривая процесс инновационного развития, характеризует его как перечень системных изменений пространства университета, направленных на получение инновационной ренты [16]. В понятие инновационной ренты автор вкладывает следующий смысл: извлечение сверхдохода, обеспеченного посредством реализации высокоинтеллектуального производства и применения эффективных технологий и изобретений. Сама инновационная рента является средством для обеспечения конкурентоспособности университета в ходе реализации культурно-цивилизационных и технологических функций образования. В своих работах автор проводит границу между понятиями инновационного процесса и инновационного развития. Инновационный процесс — это полный комплекс, включающий и разработку, и внедрение новшества в среде университета; в то время как инновационное развитие определяется как общее направление трансформации среды университета, и разработка частных инновационных процессов не всегда может и должна быть с ним сонаправлена в реальных условиях. Соответственно, в понятие управления инновационным развитием университета Я.И. Серкина вкладывает смысл комплексно воздействующих технологий, которые направлены на субъект инновационного процесса и обеспечение прироста человеческого капитала, что в результате должно привести к поступлению инновационной ренты.

Важные, на наш взгляд, отличительные особенности в определении понятия инновационного развития университета обозначает Н.Н. Володин. Так, в концепции инновационного развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации в г. Москве инновационное развитие университета — это процесс по изменению состояния, который характеризуют целенаправленность, объективная обусловленность и необратимость. Изменения протекают приоритетно благодаря целенаправленному внедрению в деятельность университета качественно новых характеристик и элементов, без которых организация не может существовать. Автор формулирует понятие как: «Инновационное развитие вуза — это процесс качественных изменений системы, предпосылкой, условием и содержанием которых выступают инновации и нововведения, обеспечивающие ее оптимальное и устойчивое развитие». Следовательно, инновации необходимы для обеспечения устойчивого развития и в то же время являются предпосылками к изменениям, а не реализуют потребность в изменениях (не являются последствием), как можно наблюдать на практике.

Рассматривая процесс управления инновационным развитием университета, мы понимаем его как реализацию комплекса технологий воздействия, ориентированных в первую очередь на стратегические точки роста организации (проекты/программы), которые обеспечивают уровень опережающего развития всей организации в соответствии с актуальными социальными, экономическими и политическими условиями. Вступая на инновационный путь развития, университет и его система управления претерпевают широкий перечень частных сложностей, которые обусловлены различными факторами. А.И. Таюрский убежден, что университеты в процессе ориентации на существующие потребности рынка труда и образовательных услуг не занимаются выстраиванием взаимодействий с инновационным производством, находящимся на начальной стадии своего развития [17]. А.М. Федотов считает, что недостатки системы, обеспечивающей реализацию инноваций в образовательном процессе, как правило, обусловлены слабым кадровым ресурсом и организационными проблемами [18]. В недостаточной проработке содержания инновационного процесса от этапа идеи до стадии конечного образовательного продукта с последующим его внедрением и масштабированием в образовательном процессе выделяет ключевую проблему управления инновационным развитием университета Р.А. Ставригий; именно это, по мнению исследователя, не позволяет повысить конкурентоспособность и

качество образования [19]. Также довольно часто можно встретить критическую позицию, указывающую на неэффективность самого набора предпринимаемых действий на пути разработки, внедрения и использования инноваций, сторонником которой выступает Е.А. Монастырный [20].

На наш взгляд, для уменьшения риска процесс управления инновационным развитием университета должен иметь под собой фундаментальный набор основных принципов управления, объективно отвечающих направлению развития, по которому идет организация. Также важным аспектом является аргументированная трансляция фундаментальных принципов управления, разделяемых всем коллективом. Эти принципы должны предопределять структурные особенности организации; правила и закономерности развития университета; инструментарий способов взаимодействия коллектива внутри организации; способы мотивации сотрудников.

В настоящее время каждый университет, вступивший на путь инновационного развития, индивидуально формирует для себя принципы управления, что говорит об отсутствии единого набора принципов управления инновационным развитием университета среди исследователей.

А.А. Розанова среди базовых принципов управления инновационным развитием университета выделяет следующий перечень неотъемлемых систем/компонентов [21]:

- планирование и прогнозирование;
- модернизация, реализация и разработка инновационных методов управления;
- создание инновационных разработок;
- трансфер инновационных решений, разработанных в университете;
- контроль и корректировка инновационного развития;
- внедрение инновационных технологий в образовательный процесс.

Четыре ключевых принципа управления инновационным развитием университета формулирует Я.И. Серкина:

- процесс управления инновационным развитием должен иметь аксиологическое обоснование, быть одинаково ориентирован на ценности, цели и смыслы, что, в свою очередь, обеспечивает содержательную компоненту;
- управление инновационным развитием должно иметь научный характер, который подразумевает использование и базирование на современной теории инновационных процессов, обладающих высоким эвристическим потенциалом;
- наличие системного характера процесса по внедрению инноваций;
- концептуальность, которая заключается в целостности представления о характере деятельности, едином смысле, сформулированном в миссии организации, соотносящимся с потребностями и ценностями объекта воздействия и целями участников.

Определяя сущность процесса управления инновационным развитием университета, Е.Н. Белова и А.М. Аронов предлагают четыре основных принципа [22]:

- определение (наличие) предела управляемости инновационных процессов;
- возможно предвидеть, ожидать и вызвать инновации;
- необходимо готовиться к инновациям;
- инновационные процессы возможно сдерживать.

О. Водачкова полагает, что управление инновационным развитием университета основывается на следующих принципах [23]:

- инновации необходимо позиционировать и воспринимать как конкурентное преимущество университета;
- саморазвитие университета должно иметь инновационную модель;
- инновационное развитие должно осуществляться на основе целевой инновационной программы;
- открытость инновациям.

В представленных принципах можно выделить общую составляющую, заключенную в понимании исследователями необходимости использования инновационных методов управления развитием университета, согласованных с современными условиями и трендами, также есть понимание того, что необходимо обеспечивать контроль и своевременные корректировки направления инновационного развития в силу возрастающего темпа изменений, происходящих в обществе [24; 25].

Стоит отметить, что процесс управления инновационным развитием университета в существенной степени подвержен влиянию концептуального подхода, в рамках которого осуществляется воздействие. Проанализирован ряд авторских подходов с их отличительными особенностями, выделены достоинства и недостатки (таблица 1) [26–29]:

Таблица 1. Подходы к управлению инновационным развитием университета

Подход	Содержание и особенности управления инновационным развитием (достоинства и недостатки)		Представитель
Прогнозно-аналитический	<p>Управление инновационным развитием университета рассматривается как возможность прогнозировать определенные направления подготовки. В свою очередь, эти направления в перспективе должны быть наиболее востребованы и предопределять области знания необходимые в, будущем.</p> <p>Следующий аспект подхода выражен в анализе изменений, происходящих в обществе с целью выявления роли университета в перспективе развития и заблаговременной реализации необходимых программ, направленных на актуализацию видов деятельности организации.</p>	<p><i>Недостатки:</i></p> <p>Абстрактные представления о процессе инновационного развития университета на практике.</p> <p>Отсутствие действий, реально влияющих на развитие по причине неточных и обтекаемых формулировок для конкретных показателей развития.</p> <p><i>Достоинства:</i></p> <p>Возможность для формирования модели инновационного университета в будущем, определение его качественных характеристик, соответствующих актуальным нормативам.</p>	С.Н. Спорыхина
Диалектический	<p>Под управлением инновационным развитием университета подразумевается деятельность, обеспечивающая баланс между текущим состоянием/стабильностью и изменениями. В частности, ставится акцент на том, что эта деятельность должна обеспечивать не только получение нового знания, необходимого для разработки и реализации инноваций, но и</p>	<p><i>Недостатки:</i></p> <p>Трудоемкость поддержания баланса между текущим состоянием/стабильностью и изменениями при условиях перманентного характера изменений, происходящих во внешней среде. Латентность существующих противоречий и, как следствие, сложность своевременного выявления.</p> <p><i>Достоинства:</i></p> <p>Верификация инновационного развития как противоречивого процесса, что формирует необходимость поиска эффективных</p>	В.Е. Шукшунов

	поддерживать текущую систему подготовки и повышения квалификации акторов в устойчивом состоянии.	решений, соблюдающих баланс между нововведениями, еще не прошедшими полноценную критическую оценку, и излишне консервативными способами. Воспроизводство успешных решений и их обновление.	
Системно-целевой	Управляющие воздействия формируются для взаимосвязанных структурных подразделений посредством количественных показателей, выступающих итоговыми позициями в процессе анализа полученных результатов.	<i>Недостатки:</i> Неоднозначность и сложность принятых решений в ходе определения вектора инновационного развития. Проблематичность выявления взаимосвязи и уровня влияния управляющих воздействий на промежуточный и итоговый результат при изменениях в определенных характеристиках инновационного процесса.	И.Д. Белоновская В. П. Ковалевский
		<i>Достоинства:</i> Целеполагание предусматривает комплексное решение проблем, учитывая все взаимосвязи составляющих инновационного процесса. Что позволяет воплощать стратегию развития с учетом общей картины.	
Интегральный социально-технологический	Социальным технологиям на системной основе отводится особая роль в процессе управления инновационным развитием университета. Так, на основе определенных алгоритмов реализованы процедуры воздействия на нормы и правила поведения участников процесса инновационного развития университета.	<i>Недостатки:</i> Чрезмерное влияние традиций и организационной культуры университета.	Я.И. Серкина
		<i>Достоинства:</i> Подход ориентирован на рациональный, аргументированный и компромиссный синтез между происходящими изменениями и текущим/устойчивым состоянием. Согласование процесса инновационного развития с происходящими культурными изменениями.	

Выводы

На сегодняшний день процесс управления университетом и его инновационным развитием направлен на достижение принципиально новых, в первую очередь качественных результатов, которые должны обеспечивать конкурентоспособность и эффективность образовательной организации на отечественном и мировом уровне. Для того чтобы университет был способен разрешать характерные для траектории инновационного развития задачи, уменьшая при этом возможные риски, процесс управления должен иметь под собой фундаментальный набор основных принципов, объективно отвечающих направлению развития, по которому идет организация. Также важным аспектом является аргументированная трансляция фундаментальных принципов управления, разделяемых всем коллективом. Эти принципы

должны предопределять структурные особенности организации; правила и закономерности развития университета; инструментарий способов взаимодействия коллектива внутри организации; способы мотивации сотрудников. При этом сам процесс управления инновационным развитием университета понимается как реализация комплексного воздействия, которое в первую очередь ориентировано на стратегические точки роста организации (проекты/программы), которые обеспечивают уровень опережающего развития всей организации в соответствии с актуальными социальными, экономическими и политическими условиями.

В современных условиях управление университетом осуществляется в общих рамках процесса управления системой образования. Так, основой управления отечественной системой образования выступает образовательная политика, направления и приоритеты которой сформулированы в ключевых законах, программах развития и национальных проектах, где отчетливо прослеживается запрос со стороны государства на самодостаточность университетов и получение новых по содержанию (инновационных) результатов за краткосрочный период. В свою очередь, это вносит свои коррективы в направления и видение развития университета, формирующиеся внутри организации.

В связи с этим в качестве перспективы развития исследований видится разработка вопросов повышения конкурентоспособности университетов.

Библиографический список

- [1] Власов В.В. Интерактивно-рациональное управление развитием социальной системы российского образования: автореф. дисс. докт. социол. наук. – Москва, 2007. – 41 с.
- [2] Беляков С.А. Зарубежный опыт совершенствования управления образованием: основные модели // Университетское управление. – 2009. – № 1. – С. 45–63.
- [3] Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О науке и государственной научно-технической политике». Статья 2. Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f (дата обращения: 28.06.2020).
- [4] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 01.10.2020).
- [5] Грудзинский А. О. Социальный механизм управления инновационным университетом: дис. докт. социол. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 354 с.
- [6] Богдан Н.Н., Парфенова И.Ю. Организационная культура вуза в условиях реформ // Университетское управление практика и анализ. – 2009. – № 6. – С. 23–30.
- [7] Панова А.А. О структуре управления и принятия решений в российских вузах. Препринт WP10/2006/05. – Москва: ГУ ВШЭ, 2006. – 28 с.
- [8] Давыдова А.В. Взаимодействие руководителей и преподавателей высших учебных заведений как результат сложившейся управленческой культуры // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 7 (15). – С. 1–11 с.
- [9] Диев В.С. Управление университетом в условиях академического капитализма: иерархия или сеть? // Идеи и Идеалы. – 2017. – Т. 1., №1 (31). – С. 128–135.
- [10] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 19.09.2020).
- [11] «Паспорт национального проекта “Наука”, утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол» от 24.12.2018 № 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72192484/> (дата обращения: 28.09.2020).

- [12] Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.11.2008 (ред. от 28.09.2018) № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 30.09.2020).
- [13] Морозова Г.В. Современная парадигма образовательной политики России: оценки преобразований // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Том 18, № 3. – С. 4–11.
- [14] Серкина Я.И. Социальные технологии управления инновационным развитием вуза: дис. канд. социол. наук. – Белгород, 2013. – 188 с.
- [15] Тарабаева, В.Б. Инновационное развитие вузов: проблемы управления конфликтами: монография. – Белгород: БелГУ, 2007. – 259 с.
- [16] Серкина Я.И. Социальные технологии управления инновационным развитием вуза: дис. канд. социол. наук. – Белгород, 2013. – 188 с.
- [17] Таюрский А.И. Концептуальные основы формирования системы кадрового обеспечения инновационного производства // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 12. – С. 101–103.
- [18] Федотов А.М. Модели управления инновационными процессами в образовательной среде: дис. канд. социол. наук. – Москва, 2005. – 20 с.
- [19] Ставратий Р.А. Управление инновационным развитием образовательного комплекса всовременной экономике России: автореф. дис. канд. экон. наук. – Москва, 2007. – 26 с.
- [20] Монастырский Е.А. Методологическое обеспечение развития региональной инновационной системы в условиях современной экономики России: дис. канд. экон. наук. – Томск, 2009. – 46 с.
- [21] Розанова А.А. Базовые принципы управления инновационным развитием вуза // Проблемы экономики и менеджмента. – 2014. – №11 (39). – С. 48–52.
- [22] Аронов А.М., Белова Е.Н. Принципы управления инновационной деятельностью вуза // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №4 (132). – С. 9–13.
- [23] Водачек Л., Водачкова О. Стратегия управления инновациями на предприятии / Пер. со словац. – Москва: Экономика, 1989. – 167 с.
- [24] Полетаева Ю.Г. Методологический анализ учебного эвристического диалога // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2011. – № 7-8 (15-16). – С. 36–38.
- [25] Чеха В.В. Создание инновационной инфраструктуры в образовательном учреждении // Справочник руководителя образовательного учреждения. – 2010. – № 11. – С. 40.
- [26] Ковалевский В.П. Интегрально-целевой метод управления деятельностью регионального университетского комплекса // Университетское управление. – 2004. – № 3. – С. 13–17.
- [27] Спорыхина С.Н. Инновационные подходы к опережающему образованию: социально-управленческий аспект: дис. канд. социол. наук. – Москва, 2001. – 22 с.
- [28] Владимиров А.И. Об инновационной деятельности вуза. – Москва, 2012. – С. 48–49.
- [29] Шукшунов В.Е. Социальные перспективы развития и повышения эффективности инновационной деятельности высшей школы России // Инновации. – 2005. – № 6 (83). – С. 11–18.

References

- [1] Vlasov, V.V. (2007). *Interactive and rational management of the development of the social system of Russian education* (PhD thesis, Russian State Social Institute, Moscow, Russian Federation).
- [2] Belyakov, S.A. (2009). Foreign experience of improvement of educational governance organizing: the main models. *University Management. Practice and Analysis*, (1), 45-63.
- [3] Federal Law of 08.23.1996 No 127-FL (edited on 24.04.2020) “On Science and the State Scientific and Technical Policy”. Article 2. Basic Concepts Used in this Federal Law. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/.

- [4] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No 204 (as amended on 21.07.2020) "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024". Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432.
- [5] Grudzinsky, A.O. (2005). *Social mechanism of management of an innovative university* (PhD thesis, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
- [6] Bogdan, N.N., & Parfenova, I.Yu. (2009). Organizational culture in reform conditions. *University Management Practice and Analysis*, 6, 23-30.
- [7] Panova, A.A. (2006). *On the structure of management and decision-making in Russian universities*. Moscow: GU HSE.
- [8] Davydova, A.V. (2012). Interaction between heads and teachers of higher educational institutions as a result of the existing management culture. *Modern Studies of Social Problems*, 7(15), 1-13.
- [9] Diev, V.S. (2017). University governance under academic capitalism: hierarchy or network? *Ideas and Ideals*, 1(1(31)), 128-135.
- [10] Law of the Russian Federation "On Education in the Russian Federation". (2012). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
- [11] "Passport of the national project "Science" approved. by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol". (2018). Retrieved from <https://base.garant.ru/72192484/>.
- [12] Order of the Government of the Russian Federation "On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020". (2008). (as amended on 28.09.2018) No. 1662-r. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134
- [13] Morozova, G.V. (2018). The modern paradigm of educational policy in Russia: assessing transformations. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 18(3), 4-11.
- [14] Serkina, Ya.I. (2013). *Social technologies of management of innovative development of the university* (PhD thesis, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation).
- [15] Tarabaeva, V.B. (2007). *Innovative development of universities: problems of conflict management*. Belgorod: Belgorod State University.
- [16] Serkina, Ya.I. (2013). *Social technologies of management of innovative development of higher education institution* (PhD thesis, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation).
- [17] Tayursky, A.I. (2011). Conceptual bases of formation of system of personnel support of innovative production. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 12, 101-103.
- [18] Fedotov, A.M. (2005). *Models of management of innovative processes in the educational environment* (PhD thesis, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation).
- [19] Stavradi, P.A. (2005). *Management of innovative development of the educational complex in modern economy of Russia* (PhD thesis, State Academy of Specialists in The Investment Sphere, Moscow, Russian Federation).
- [20] Monastyrny, E.A. (2009). *Methodological support for the development of the regional innovation system in the modern Russian economy* (PhD thesis, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation).
- [21] Rozanova, A.A. (2014). Basic principles of management of Innovative development of the University. *Problems of Economics and Management*, 11(39), 48-52.
- [22] Aronov, A.M., & Belova, E.N. (2013). Principles of management of innovative activity of the University. *TSPU Bulletin*, 4(132), 9-13.
- [23] Vodacek, L., & Bogachkova, O. (1989). *Management Strategy innovation in the enterprise*. Moscow: Economics, 167 p.
- [24] Poletaeva, Yu.G. (2011). Methodological analysis of educational heuristic dialogue. *Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia*, 7-8(15-16), 36-38.
- [25] Chekha, V.V. (2010). Creation of an innovative infrastructure in an educational institution. *Handbook of the Head of an Educational Institution*, 11, 40.

- [26] Kovalevsky, V.P. (2004). Integral-target method of managing the activities of the regional University complex. *University Management*, 3, 13-17.
- [27] Sporyhina, S.N. (2001). *Innovative approaches to accelerated education: sociological and managerial aspect* (PhD thesis, Russian State Institute of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation).
- [28] Vladimirov, A.I. (2012). *On innovative activity of the University*. Moscow: Nedra.
- [29] Shukshunov, V.E. (2005). Social prospects of development and increase of efficiency of innovative activity of higher school of Russia. *Innovations*, 6(83), 11-18.

Получена / Submitted: 02/10/2020

Доработана / Revised: 13/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 24/11/2020

УДК 316.354:351/354

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Андрей Николаевич Величко¹

¹*Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена обзору текущего положения и проблем управления информационной безопасностью образовательной организации, анализу и формулированию теоретических положений, а также разработке научных выводов в области определения наиболее эффективных моделей управления информационной безопасностью и механизмов их реализации в образовательной организации. В результате проведенного исследования были раскрыты и обобщены виды обрабатываемой в образовательной организации информации и информационные технологии ее обработки; виды инцидентов информационной безопасности, характерных для образовательной организации; определены условия обеспечения уровня информационной безопасности, достаточного для устойчивого функционирования образовательной организации. Проведенный анализ литературы показал практическое отсутствие научных исследований в области управления и проблем информационной безопасности образовательной организации, с учетом чего в статье были сформулированы исследовательская проблема и научная гипотеза исследования. Были предложены этапы решения исследовательской задачи, включающие направления достижения поставленной цели и примерный результат научного исследования. В статье научно обоснованы и предложены, как итоговая цель исследования, разработка эффективной модели управления информационной безопасностью образовательной организации и определение механизмов ее реализации, а также представлена схема проведения научного исследования.

Ключевые слова: информационная безопасность, образование, модель управления, угроза, риск, инцидент.

Information Security of Educational Organization: Management Problems

Andrei N. Velichko¹

¹*Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the review of the current state and problems of information security management in educational organizations, the analysis and formulation of theoretical positions and the development of scientific ideas to determine the most effective model of information security management and mechanisms for their implementation in educational organizations. As a result of the research, the types of information processed in an educational organization, as well as information technologies for its processing, were disclosed and generalized; the types of information security incidents that are characteristic of an educational organization are defined; the conditions for ensuring a level of information security sufficient for the sustainable functioning of an educational organization are determined. The analysis of the literature has shown the practical insufficiency of scientific research in the field of management and information security of an educational organization, taking into account which the research problem and scientific hypothesis of the study were formulated in the article. The stages of solving the research problem, including the direction of achieving the goal and the approximate result of scientific research, are proposed. The article provides a scientific basis and suggests, as the final goal of the study, the development of an effective model of information security management of an educational organization and the definition of mechanisms for its implementation, a scheme for conducting scientific research is also presented.

Keywords: information security, education, management model, threat, risk, incident.

Введение

На современном, информационном этапе развития общества образовательная организация при реализации образовательных программ использует целый арсенал современных, порой инновационных информационных систем и технологий, включающий в себя программные, технические (программно-технические) средства обеспечения функционирования образовательного процесса, создает информационные массивы, защищаемые авторским правом, обрабатывает персональные данные субъектов персональных данных и другим образом создает и использует в своей деятельности информацию и информационные технологии. При этом обрабатываемая в образовательной организации информация, учитывая разнообразие ее видов [1–3], может быть как внутренней общедоступной, доступ к которой не ограничен законодательством РФ, но потеря этой информацией таких свойств, как целостность и доступность может привести к проблемам достижения целей всех видов деятельности образовательной организации как краткосрочного, так и долгосрочного характера; так и ограниченного доступа, например, персональные данные, банковская, налоговая, врачебная, коммерческая, служебная, государственная тайна, сведения из НИОКР, ноу-хау и другие сведения.

Для предотвращения инцидентов, связанных с деструктивным воздействием на обрабатываемую информацию и ее несанкционированным разглашением, в образовательных организациях, как правило, создаются либо привлекаются на аутсорсинг подразделения информационной безопасности, укомплектованные квалифицированными специалистами в области информационной безопасности и оснащаемые программными и техническими (программно-техническими) средствами обеспечения безопасности информации. Однако, несмотря на наличие подразделений по защите информации, а также достаточно подробно разработанной мировой и отечественной законодательной и нормативно-методической базы в области информационной безопасности [4–7], в условиях, когда на рынке представлен широкий выбор программных, технических и программно-технических средств защиты информации [8; 9], в образовательных организациях ежегодно фиксируется высокий процент прецедентов, связанных с нарушениями в области информационной безопасности.

Вышеизложенное обуславливает необходимость проведения всестороннего анализа вопроса создания эффективной системы управления информационной безопасностью образовательной организации, позволяющей снизить до приемлемого уровня риски возникновения инцидентов информационной безопасности. В теоретическом плане исследование внесет определенный вклад в решение научной проблемы поиска соответствующих современным реалиям способов обеспечения информационной безопасности организации, в практическом плане полученные научные результаты могут быть применены при принятии управленческих решений в управлении информационной безопасностью образовательной организации, что позволит на практике повысить устойчивость образовательной организации к различного рода негативным воздействиям в области информационной безопасности.

К настоящему моменту существующие публикации охватывают лишь смежные темы исследований, связанные с вопросами обеспечения информационной безопасности общества, государства, организации и личности в целом; фактически отсутствуют научные публикации, связанные с управлением и проблемами информационной безопасности образовательной организации. Исходя из вышеизложенного, целью статьи являются обзорный анализ отдельных проблем управления информационной безопасностью образовательной организации, формулирование рабочих гипотез и определение перспектив и особенностей построения эффективной системы управления информационной безопасностью образовательной организации в условиях постоянного мирового роста информационных угроз

и инцидентов информационной безопасности, а также построение схемы проведения научного исследования. Материалом для исследования послужили научные статьи, публикации отечественных и зарубежных ученых, нормативно-правовые акты национального и международного законодательства в исследуемой сфере.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели определены основные этапы выполнения исследований:

- сформулировать научную гипотезу;
- определить состав и категории защищаемой информации в образовательной организации;
- рассмотреть основные типы угроз и уязвимостей безопасности информации образовательной организации, а также инциденты, связанные с реализациями таких угроз, и риски их возникновения;
- провести социологическое исследование причин возникновения проблем информационной безопасности в образовательной организации;
- сформулировать теоретические выводы и очертить перспективы и особенности построения эффективной системы управления информационной безопасностью образовательной организации.

Согласно поставленной цели, в исследовательской работе необходимо будет использовать общенаучные (диалектический, системный, гипотетико-дедуктивный, аналитический, структурный, метод анализа и синтеза, формально-логический, инструментальный, моделирования и другое) и специально-научные методы (документальный, метод экспертных оценок, формально-юридический и другое). Так, например, диалектический метод позволил определить состояние и перспективы развития научных исследований в области управления информационной безопасностью образовательной организации; системный метод использовался при рассмотрении и анализе законодательных и иных актов в области информационной безопасности; с использованием гипотетико-дедуктивного метода были выведены дедуктивные выводы следствия из гипотезы о проблемах существующих моделей управления информационной безопасностью, которые впоследствии подлежат эмпирической проверке с использованием, например, таких методов, как документальных и экспертных оценок.

Результаты и обсуждение

Так, по данным компании InfoWatch, в 2018 году в России произошло 270 случаев утечки информации ограниченного доступа, в результате которых было скомпрометировано 26 миллионов записей, относящихся к персональным данным (имена, паспортные данные, адреса электронной почты) и платежной информации (реквизиты пластиковых карт, данные банковских счетов). По сравнению с 2017 годом число утечек увеличилось на 6 %. Наибольший процент инцидентов, связанных с утечкой информации, пришелся на персональные данные (80,2 %), коммерческую тайну (8,2 %), государственную тайну (6,2 %) и платежную информацию (5,4 %). При этом 90,5 % утечек произошло по вине внутренних нарушителей, 9,5 % — по вине внешних злоумышленников. Главными виновниками утечек являются сотрудники организации:

- 77,9 % — непривилегированные сотрудники;
- 8,8 % — руководство организаций;
- по 1,5 % — бывшие сотрудники и подрядчики;
- 0,8 % — системные администраторы.

Самыми значительными каналами утечки информации оказались такие, как бумажная документация — 44,6 %, сеть (браузер, Cloud) — 42,7 % и ИМ (текст, голос, видео) — 6,6 %. По критерию отраслевого распределения утечек процент инцидентов, связанных с утечкой информации, в сфере образования составил 7,4 %, что выше показателя 2017 года и расположило образование на 6-м месте среди таких отраслей, как банки и финансы, медицина, торговля, NoReCa, высокие технологии, промышленность и транспорт, госорганы и силовые структуры, образование, муниципальные учреждения, другое/не определено. Такой процент инцидентов в образовании вряд ли может определяться как допустимый. В сфере образования в 2018 году число умышленных утечек персональных данных и платежной информации достигло 22,2 % [10]. При этом необходимо отметить, что приведенные результаты взяты из данных, попавших в открытое информационное поле, и учитывая высокий уровень латентности инцидентов, охватывают не более 1 % случаев совокупного количества утечек. В 2019 году число утечек в сфере образования выросло на 20 %.

Основную долю утечек составили инциденты внутреннего характера (78,3 %). При этом в результате действий внешних злоумышленников информация стала утекать вдвое чаще — 21,7 % случаев против 10 % годом ранее [11]. По данным Positive Technologies, в 2019 году сфера науки и образования вошла в пятерку отраслей, наиболее часто подвергавшихся кибератакам [12]. Также можно отметить и положения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, где в п. 18 раздела 3 «Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности» сказано, что «состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности, а также низкой осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая ее целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую не имеют комплексной основы» [13].

Описание статистических и иных исследований можно продолжать, приводя более детализированные данные, например, по типам и классам инцидентов, по видам и типам атак и уязвимостей и применяемого вредоносного обеспечения, по целям, типам атакуемых данных и устройств, но и вышеизложенных данных достаточно, чтобы сделать вывод об огромном массиве угроз безопасности информации, направленных на устойчивое функционирование образовательной организации, и не самом лучшем состоянии информационной безопасности в ней [14; 15].

В таких реалиях обеспечить непрерывность образовательного процесса, избежать финансовых и имиджевых потерь, связанных с инцидентами в области информационной безопасности, а также соблюсти требования законодательства РФ, предъявляемые к защите отдельных видов информации, для образовательных организаций становится возможным только при условиях:

- соблюдения требований и рекомендаций отечественных и зарубежных нормативно-правовых и методических документов в области информационной безопасности;
- проведения соответствующей оценки рисков, основанной на адекватном определении категорий защищаемой информации и актуальных угроз безопасности такой информации;
- укомплектования штата подразделений информационной безопасности квалифицированными специалистами;
- разработки, внедрения и эффективного использования арсенала необходимых организационных и технических мер по защите информации;

- должного финансового обеспечения деятельности в области информационной безопасности;
- эффективного управления системой информационной безопасности.

И если первые пять условий достаточно подробно рассмотрены и описаны на научном, теоретическом и практическом уровнях, то последнее условие, связанное с созданием действительно эффективной системы управления информационной безопасностью образовательной организации, в настоящий момент с научной точки зрения почти не изучено; сообщества ученых и практиков фактически не обсуждаются вопросы, связанные с едиными подходами к формированию системы управления информационной безопасностью образовательной организации, работы современных исследователей рассматривают, как правило, общие вопросы, связанные с организационно-техническими аспектами функционирования информационной безопасности в организациях обобщенного типа. Так, по мнению А. Маркова, информационная безопасность — относительно новое понятие. Оно вошло в нашу жизнь первоначально как производное кибернетического направления научно-технической революции. Поэтому проблемы информационной безопасности вначале изучались и исследовались специалистами технических наук. Когда же информационное общество в России из абстрактного стало приобретать зримые очертания, стало понятно, что наряду с благами такого общества в информационной сфере содержатся негативные субстанции, способные отрицательно воздействовать на интересы этого общества и его членов, и тогда проблематикой информационной безопасности занялась социология.

Информационная безопасность во многих своих аспектах и проявлениях на сегодняшний день является достаточно актуальной и одновременно малоисследованной социологической темой [16]. Ряд других исследователей отмечают, что проблема заключается в том, что социальный аспект остается вне рамок методического обеспечения, отсутствует инструментарий оценивания готовности персонала корпорации компетентно решать задачи по обеспечению информационной безопасности. Следовательно, система организационно-режимных мер обеспечения информационной безопасности корпорации нуждается в вовлечении механизмов социального управления в арсенал защиты информации [17; 18].

Уникальное своеобразие структуры образовательной организации, заключается, во-первых, в достаточно большом количестве лиц, имеющих статус обучающихся, и, по сути, не подчиняющихся основным требованиям трудового распорядка, во-вторых, в разнообразном режиме работы профессорско-преподавательского состава, что в совокупности позволяет сделать вывод о том, что основное количество участников образовательного процесса не взаимодействует между собой и организацией по каким-либо единым и формальным правилам, их функционирование в какой-то мере можно представить, как «броуновское движение», что, в свою очередь, делает крайне затруднительным, построение единой системы информационной безопасности в образовательной организации. Возникает потребность в создании связующего звена между отдельными элементами такой системы в виде эффективной системы управления информационной безопасностью, позволяющей значительно снизить риски возникновения инцидентов информационной безопасности в образовательной организации. Для достижения указанной цели требуется решить ряд исследовательских задач.

В первую очередь формулируется научная гипотеза исследования. Так, основная научная гипотеза исследования заключается в предположении, что ныне существующие модели управления информационной безопасностью образовательных организаций не в полной мере обеспечивают защиту информационных ресурсов от внутренних и внешних угроз, сохраняя высокий процент инцидентов информационной безопасности; создание эффективной модели управления системой информационной безопасности образовательной организации позволит существенным образом снизить процент критичных инцидентов информационной безопасности, тем самым снизив риски нанесения ущерба деятельности образовательной организации.

Построение и функционирование максимально эффективной системы управления информационной безопасностью будет зависеть от:

- единства понимания и заинтересованности в воплощении концептуальных и оперативных подходов к обеспечению информационной безопасности в образовательной организации всеми субъектами как образовательной организации (менеджмент, лица, ответственные за обеспечение информационной безопасности, профессорско-преподавательский состав, обучающиеся), так и третьими лицами, прямо, либо опосредованно влияющими на процессы функционирования информационной безопасности в образовательной организации (регуляторы в области образования, информатизации и безопасности) и едином трактовании нормативно-правовой базы в области информационной безопасности такими субъектами;

- эффективных управленческих решений в разрезе организационно-штатного и финансового обеспечения мероприятий по защите критичной информации, реализации политик повышения мотивации, осведомленности, эффективного распределения обязанностей в области информационной безопасности;

- наличия независимого внешнего аудита в области информационной безопасности;

- наличия эффективной обратной связи между всеми субъектами отношений в области информационной безопасности как в образовательной организации, так и с третьими лицами;

- реализации достоверного, эффективного и непрерывного процесса оценки рисков информационной безопасности, проведение с учетом экономической целесообразности организационно-технических мероприятий по защите информации и готовности к восстановлению нарушенных процессов в деятельности образовательной организации и других управленческих аспектов, влияющих на эффективность системы информационной безопасности образовательной организации, позволяющих добиться максимального снижения процента критичных для образовательной организации инцидентов.

Как представляется, именно отсутствие в текущий момент эффективной модели реализации таких условий делает процесс управления информационной безопасностью в образовательной организации недостаточно эффективным, влекущим возникновение рисков возникновения инцидентов информационной безопасности. Имея представление о цели и гипотезе научного исследования, необходимо определиться с направлениями достижения указанной цели. Реализовываться этот этап научного исследования будет через решение следующих задач:

- *Рассмотрение теоретико-методологических проблем информационной безопасности образовательной организации.* Выявление сущности и содержания понятий информатизации, безопасности общей и информационной, системы управления информационной безопасностью образовательной организации и ряда других.

- *Выявление содержания, структуры, функций, направленности и проблем управления информационной безопасностью образовательной организации (включая определение перечней защищаемой информации и их категорирования, составление моделей угроз и оценки рисков возникновения инцидентов информационной безопасности).* Так, в целях ясного представления о масштабах и нюансах построения и взаимодействия основных частей системы информационной безопасности, учета экономической целесообразности предполагаемых мероприятий по защите информации и понимания причин возникновения инцидентов информационной безопасности необходимо определиться с составом защищаемой в образовательной организации информации и ее категориями, учитывая требования законодательства РФ в области отдельных видов тайн; определить основные типы угроз и уязвимостей безопасности информации, являющихся актуальными для образовательной организации.

В образовательной организации перечень защищаемой информации может состоять из следующих блоков информации ограниченного доступа с различными категориями ценности: 1) персональные данные работников, обучающихся и третьих лиц; 2) служебная тайна государственных и муниципальных органов власти и местного самоуправления; 3) сведения, связанные с обеспечением сопровождения основных видов деятельности (банковская, налоговая и др. виды тайн, информация для внутреннего использования в образовательной организации); 4) коммерческая тайна как собственно образовательной организации, так и третьих лиц; 5) государственная тайна и другие виды защищаемой информации.

Актуальными блоками угроз и уязвимостей безопасности информации для образовательной организации (по результатам проведения внешнего аудита) могут быть:

- угрозы утечки информации по техническим каналам (угрозы утечки акустической, видовой информации, утечки информации по каналам побочных электромагнитных излучений и наводок);
- угрозы несанкционированного доступа (как в информационные системы, так и в физическую среду);
- социальная инженерия, угрозы специальных воздействий на информационное пространство и другие виды угроз, нарушающие такие свойства информации, как конфиденциальность, целостность и доступность, а также такие типы уязвимостей, как уязвимости системного, прикладного обеспечения, средств защиты информации, протоколов сетевого взаимодействия, аппаратные закладки, технические каналы утечки информации, недостатки организации технической защиты информации и другие уязвимости, через которые возможна реализация угроз безопасности информации.

На следующем этапе, учитывая определенные на предыдущем шаге основные угрозы безопасности для квалифицируемой, как защищаемой в образовательной организации информации, актуальным представляется определение рисков информационной безопасности, критичным образом влияющих на все аспекты деятельности, через определение которых возможно будет сформировать предполагаемый рейтинговый перечень инцидентов в области информационной безопасности, наиболее типичных для образовательной организации. Вероятно, основными критичными, способными нанести наибольшие виды ущерба (как материального, так и имиджевого) для образовательной организации инцидентами, определенными на этом этапе, будут следующие: нарушения законодательства РФ в области персональных данных; нарушения правил защиты информации; кража, разглашение, компрометация информации с ограниченным доступом; физический ущерб для оборудования и носителей информации; нецелевое использование информационных ресурсов; несанкционированные действия со стороны как внешних, так и внутренних нарушителей; реализация отдельных видов угроз (программно-математические воздействия, атаки и прочее); ошибки пользователей; избыточные ограничительные меры, создающие трудности для осуществления основных видов деятельности и другие инциденты.

- *Определение принципов формирования системы управления информационной безопасностью образовательной организации.*
- *Формирование подхода к управлению информационной безопасностью образовательной организации в зеркале общественного мнения (по результатам авторских социологических исследований с использованием различных методов и инструментария, таких как анкетный опрос, анализ документов и других).*

В результате описанный выше механизм исследования можно отобразить в виде схемы, представленной на рисунке 1.

В схеме отображены основные блоки исследования, необходимые для решения поставленной задачи — создания эффективной модели управления информационной безопасностью образовательной организации.

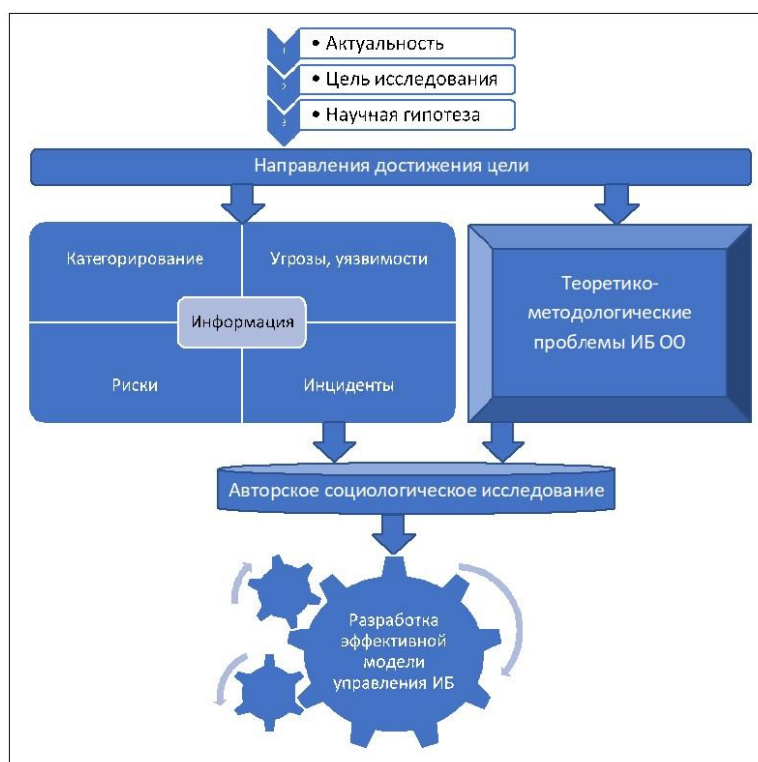

Рисунок 1. *Схема научного исследования проблем управления информационной безопасностью образовательной организации*

Как видно из схемы, достижение поставленной цели научного исследования будет зависеть в первую очередь от качественного уровня проведения аудита безопасности информационной среды образовательной организации, а также разработки методов и инструментария проведения авторского социологического исследования.

Учитывая полученные на предыдущих этапах знания и практические материалы, авторским предложением будет являться разработка эффективной модели управления информационной безопасностью образовательной организации на современном этапе и определение механизмов ее реализации, что позволит образовательной организации существенно снизить процент инцидентов в области информационной безопасности, несущих риски для стабильной и безопасной деятельности образовательной организации.

Выводы

Стремительное развитие информационной составляющей общества ознаменовалось для человечества не только возникновением огромного количества новых либо перешедших на более развитый уровень духовных и материальных благ, но и параллельным лавинообразным ростом угроз безопасности информационных массивов. Негативное воздействие на личность, организацию, государство и общество, обусловленное инцидентами в области информационной безопасности, может приводить, а зачастую и приводит к тяжким последствиям для существования последних.

Образовательная организация, в силу своего общественного положения, находится на острие информационных отношений, что, в свою очередь, обуславливает ее столкновение со всем спектром угроз в области информационной безопасности. Социологические и статистические исследования указывают на достаточно высокий уровень проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности образовательной организации, решение которых может быть найдено лишь благодаря глубокому исследованию всех аспектов обеспечения информационной безопасности. В связи с этим весьма обоснованным

представляется научное исследование проблем эффективного управления информационной безопасностью образовательной организации с целью ее адекватного реагирования на угрозы безопасности информации любого масштаба и максимальное снижение рисков возникновения критичных для организации инцидентов информационной безопасности.

Особо перспективной должны стать разработка эффективной модели управления информационной безопасностью образовательной организации и определение механизмов ее реализации, что будет являться условием и конечным итогом устойчивого и безопасного функционирования и развития образовательной организации.

Библиографический список

- [1] Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 07.04.2020).
- [2] Сизоненко А.Б. Систематизация видов тайн и терминологии в области защиты информации // Информационная безопасность регионов. – 2011, № 2 (9). – С. 34–40.
- [3] Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980/ (дата обращения: 07.04.2020).
- [4] Нормативные правовые акты, организационно-распорядительные документы, нормативные и методические документы и подготовленные проекты документов по технической защите информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fstec.ru/normotvorcheskaya/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii> (дата обращения: 07.04.2020).
- [5] Нормативные правовые акты ФСБ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/npd.htm> (дата обращения: 07.04.2020).
- [6] Стандарты ИСО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iso.gost.ru/wps/portal!/ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gLHzeXUFNLYwMLgwBXA09vVw-XYJ9gQxM_c6B8JG55H0NKdHuaEtAdDnItHtsN8MuDzAfJG-AAjgT0A33n55Gfm6pfbBsaYZDpqQsAIB0jyQ!!/dl3/d3/L2dJQSEvUUt3QS9ZQnZ3LzZfOE xGRFU1OTMwODBQRTBJS0VIRFNMUzE0NzU!/ (дата обращения: 07.04.2020).
- [7] Национальные стандарты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iso.gost.ru/wps/portal!/ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gLHzeXUFNLYwMLgwBXA09vVw-XYJ9gQxM_c6B8JG55H0NKdHuaEtAdDnItHtsN8MuDzAfJG-AAjgT0A33n55Gfm6pfbBsaYZDpqQsAIB0jyQ!!/dl3/d3/L2dJQSEvUUt3QS9ZQnZ3LzZfOE xGRFU1OTMwODBQRTBJS0VIRFNMUzE0Tjc!/ (дата обращения: 07.04.2020).
- [8] Все продукты Код безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitycode.ru/products/> (дата обращения: 07.04.2020).
- [9] Каталог оборудования и программного обеспечения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mascom.ru/equipment/> (дата обращения: 07.04.2020).
- [10] Утечки данных. Россия. 2018 год // Аналитический центр InfoWatch. 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Russ_Report_2018.pdf?rel=1 (дата обращения: 07.04.2020).
- [11] Сферу образования накрывают внешние угрозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infowatch.ru/analytics/digest/21986> (дата обращения: 07.04.2020).
- [12] Актуальные киберугрозы: итоги 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/> (дата обращения: 07.04.2020).
- [13] Указ Президента РФ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 07.04.2020).

- [14] Лебедева О.В. Обеспечение информационной безопасности в системе МИД и загранучреждениях в эпоху цифровой дипломатии в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 18-21.
- [15] Рябцев С.В. Функционирование сетевых коммуникаций в контексте социальной мифологии // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 30-34.
- [16] Марков А.А. Актуальные аспекты социологического подхода к проблематике информационной безопасности // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 12. – № 3. – С. 377–384.
- [17] Журавлев Н.Ю., Лобжанидзе Н.Д., Белоусов Р.Г. Сравнительная характеристика подходов к обеспечению информационной безопасности в РФ и США // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2015. – № 7–4 (18–4). – Т.3. – С. 176–179.
- [18] Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 9(64). – С. 100–108.

References

- [1] Federal law No. 149-FZ “On information, information technologies and information protection”. (2006). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
- [2] Sizonenko, A.B. (2011). Systematization of types of secrets and terminology in the field of information protection. *Information Security of Regions*, 2(9), 34–40.
- [3] List of normative acts that relate information to the category of restricted access Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93980/
- [4] Normative legal acts, organizational and administrative documents, normative and methodological documents and prepared draft documents on technical protection of information. Retrieved from <https://fstec.ru/normotvorcheskaya/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii>
- [5] Normative legal acts of the FSB of the Russian Federation. Retrieved from <http://www.fsb.ru/fsb/npd.htm>
- [6] ISO Standards. Retrieved from http://iso.gost.ru/wps/portal!/ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gLzhxufnlywmlgwbxa09vwwXYJ9gQxM_c6B8JG55H0NKdHuaEtAdDnIthtsn8mudzafjgAAjgT0A33n55Gfm6pfbBsaYZDpqQsAIB0jyq!~/dl3/d3/L2dJQSEvUUt3QS9ZQnZ3LzZfOExGRFU1otmwodbqrbj0virfnmuze0nzu!/
- [7] National standards of the Russian Federation Retrieved from http://iso.gost.ru/wps/portal!/ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gLzhxufnlywmlgwbxa09vww-XYJ9gQxM_c6B8JG55H0NKdHuaEtAdDnIthtsn8mudzafjg-AAjgT0A33n55-Gfm6pfbBsaYZDpqQsAIB0jyq!~/dl3/d3/L2dJQSEvUUt3QS9ZQnZ3LzZfOExGRFU1otmwodbqrbj0virfnmuze0tjc!/
- [8] All products security Code. Retrieved from <https://www.securitycode.ru/products/>
- [9] Catalog of hardware and software. Retrieved from <https://www.mascom.ru/equipment/>
- [10] Data Leaks. Russia. Two thousand eighteen. InfoWatch analytical center. 2019. Retrieved from https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/_Russ_Report_2018.pdf?rel
- [11] The Sphere of education is covered by external threats. Retrieved from: <https://www.infowatch.ru/analytics/digest/21986>
- [12] Actual cyber threats: results of 2019. Retrieved from <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/>
- [13] Decree of the President of the Russian Federation No. 646 “On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation”. (2016). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/

- [14] Lebedeva, O.V. (2019). Ensuring information security in the system of the Ministry of Foreign Affairs and foreign institutions in the era of digital diplomacy in Russia. *Modern Science: Topical Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 1, 18-21.
- [15] Ryabtsev, S.V. (2012). Functioning of network communications in the context of social mythology. *Discussion*, 6, 30-34.
- [16] Markov, A.A. (2010). Actual aspects of the sociological approach to the problem of information security. *Vestnik SPbSU*, 12(3), 377–384.
- [17] Zhuravlev, N.Yu., Lobzhanidze, N.D., & Belousov R.G. (2015). Comparative characteristics of approaches to ensuring information security in the Russian Federation and the USA. *Actual Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice*, 7–4((18–4) 3), 176–179.
- [18] Vorontsov, S.A., & Shteynbukh, A.G. (2015). On the need to improve approaches to ensuring national security of Russia in the information sphere. *Science and Education: Economy and Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 9 (64), 100–108.

Получена / Submitted: 05/10/2020

Доработана / Revised: 09/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 18/11/2020

УДК 339.132:339.133

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ДИСКУРСЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Вадим Авенирович Кондаков¹

¹*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Спрос и предложение являются базовыми элементами рыночной экономики. От степени интенсивности связей, когерентности спроса и предложения, доминирования в этой дихотомии одного элемента над другим зависят эмерджентные качества экономической жизни советского и российского общества. Все эти обстоятельства актуализируют проблему диалектики спроса и предложения, которая до последнего времени рассматривалась в рамках дисциплинарного, а не междисциплинарного подхода. На основании этого определена цель статьи, заключающаяся в исследовании спроса и предложения в дискурсе экономической социологии. В результате исследования было установлено, что приоритет отраслей группы «А» по отношению к предприятиям группы «Б», гонка вооружений стали причинами сужения рынка предложения, который не удовлетворял платежеспособный спрос населения СССР. Во второй части статьи автор не ограничивается констатацией приоритета рынка сбыта в основном импортируемой продукции по отношению к платежеспособному спросу населения. С точки зрения методологии постмодернистской политической экономии знака осуществлен детальный анализ рекурсивной петли, включающей спрос, предложение и производство. Центральными категориями такого исследования стали постмодернистские понятия «символическая стоимость», «рынок симулякров» и другие. Установлена роль моды, рекламы в формировании симулятивных потребностей, которые наряду с реальными доходами населения образуют ядро спроса. Определено, что интериоризация симулятивных потребностей, подкрепленная высокими, медианными и низкими доходами граждан, производит различия в социальной дифференциации современного российского общества.

Ключевые слова: потребительная стоимость, меновая стоимость, символическая (знаковая) стоимость, производство, рынок предложения, спрос, рекурсивная петля, мода, реклама, кредит, социальная дифференциация.

Supply and Demand in Economic Sociology

Vadim A. Kondakov¹

¹*Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. Supply and demand are the basic elements in the market economy. The emergent qualities of the economic life of Soviet and Russian society depend on the degree of intensity of connections, the coherence of supply and demand, and the dominance of one element over another in this dichotomy. All these circumstances actualize the issue of the dialectic of supply and demand, which until recently was considered in the framework of a disciplinary rather than interdisciplinary approach. Therefore, the aim of the article is to study supply and demand in the discourse of economic sociology. As a result of the study, it was found that the priority of the "A" group industries in relation to the "B" group enterprises, the arms race became the reasons for the narrowing of the supply market, which didn't satisfy the solvent demand of the population of the USSR. In the second part of the article, the author doesn't limit himself to stating the priority of the market for mainly imported products in relation to the effective demand of the population. From the point of view of the methodology of postmodern political economy of the sign, a detailed analysis of the recursive loop, including demand, supply and production, is carried out. The main categories of the study are the postmodern concepts, such as "symbolic value", "simulacrum market" and others. The role of fashion and advertising in the formation of simulated needs, which, along with the real incomes of the population, form the core of demand, is established. It is determined that the interiorization of simulated needs, supported by high, median and low incomes of citizens, makes differences in the social differentiation of modern Russian society.

Keywords: use value, exchange value, symbolic (sign) value, production, supply market, demand, recursive loop, fashion, advertising, credit, social differentiation.

Введение

Спрос и предложение — динамичные элементы экономической жизни общества, находящиеся в большинстве случаев в состоянии далеком от равновесия. Эти феномены имеют фундаментальное значение в понимании специфических особенностей рыночной экономики на различных этапах ее эволюции. Следствием различной конфигурации спроса и предложения в советский период отечественной истории явилась экономика дефицита и продавца, в настоящее время в развитых и транзитивных странах — экономика общества потребления и продавца. В современной справочной экономической литературе спрос обычно рассматривают как общественную и индивидуальную потребность в материальных благах, услугах и предметах потребления, ограниченную платежеспособными возможностями населения; предложение — количество товаров и услуг, предназначенных для реализации на рынке [1].

Можно заметить, что в современных учебниках и словарях по экономике не встречаются сведения о законе спроса и предложения, в котором фиксируется необходимая, существенная, повторяющаяся связь между этими явлениями. Но при этом в них говорится об одновременном существовании закона спроса и закона предложения. Такую ситуацию с точки зрения экономической социологии можно объяснить существенными изменениями в механизме действия закона спроса и предложения, на которые в конце XIX — начале XX вв. обратил внимание американский экономист и социолог Т. Веблен (1857–1929). Мы имеем в виду «завистнические сравнения», эксплицитные или имплицитные установки покупателя приобретать вопреки здравому смыслу товары по завышенным ценам. Делается это из соображений престижа, почета и признания, что влечет за собой нарушение императивов закона спроса и предложения. Дилемма между экономическим здравым смыслом и иррациональным стремлением к самоутверждению посредством гипертрофирования престижной, а не реальной стоимости товаров получила название парадокса (эффекта) Веблена [2].

Заслуживает внимания классификация потребительского спроса на функциональный и нефункциональный американского экономиста Х. Лейбенстайна. Функциональный спрос, по его мнению, обусловлен потребительной стоимостью товара. Нефункциональный спрос, напротив, несет на себе субъективную нагрузку. В этом смысле американский ученый дифференцировал этот спрос на три составные части, которые он называл эффектами: эффект «присоединения к большинству» (это то, что ведет к увеличению спроса на товар, так как его покупают другие), эффект «сноба» (падение спроса на товар вследствие того, что его приобретают другие), эффект Веблена (возрастание спроса на товар потому, что он имеет не низкую, а высокую цену) [3].

Революционным переворотом в понимании диалектики спроса и предложения явились труды французского социолога и философа-постмодерниста Ж. Бодрийяра (1929–2007). Безусловная заслуга ученого состоит прежде всего в том, что он положил начало разработке «внутренне согласованного универсума стоимости», в состав которого входят потребительная стоимость, меновая стоимость, символическая (знаковая) стоимость. Последняя, являясь составной частью товара, обеспечивает производителям высокую добавленную стоимость, формирует развитую инфраструктуру продвижения продукции к потребителю со знаковой ценностью (мода, реклама, кредит), служит гарантией роста цен на брендовую продукцию и так далее [4].

Т. Веблен, Х. Лейбенстайн, Ж. Бодрийяр наметили перспективные пути междисциплинарных исследований диалектики спроса и предложения. К сожалению, в России лишь немногим ученым удалось по достоинству оценить значение трудов зарубежных коллег и использовать их в своих исследованиях. Мы имеем в виду прежде всего А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, которые рассматривали спрос и предложение с точки зрения рынка симулякров, товаров-симулякров, симулятивных потребностей [5].

Теоретическая и практическая значимость статьи состоит в осуществленном анализе прямых и обратных связей между спросом, предложением и производством в рамках рекурсивной петли.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является постмодернистская парадигма Ж. Бодрийяра. Отдавая должное марксову анализу потребительной и меновой стоимости, Ж. Бодрийяр под влиянием идей швейцарского лингвиста Ф. Соссюра вводит понятие символической стоимости (ценности), а потребительную ценность рассматривает как алиби меновой стоимости. Символическая стоимость производит радикальные изменения в производстве, рынке сбыта, спросе, социальной структуре общества. В статье использован методологический потенциал теории сложности. Идея рекурсивной петли, эмерджентность, флуктуация относятся к гносеологическому инструментарию представляемой работы. Важнейшими теоретическими источниками статьи являются труды таких известных зарубежных ученых, как К. Маркс, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Дж. Стиглиц, Я. Корнаи. В контексте темы исследования заметный интерес представляли работы отечественных академиков Л.И. Абалкина, Н.Я. Петракова, О.Т. Богомолова, К.И. Микульского, С.Ю. Глазьева. Заслуживают внимания труды А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, которые призывали экономистов использовать категориальный аппарат постмодернизма. Особого внимания заслуживает тот факт, что они дополнили линейку понятий политической экономии знака категориями «рынок симулякров», «симулятивное производство», «симулятивное предложение», «симулятивный спрос», «симулятивные потребности». Отсюда ясно, что не следует противопоставлять марксистскую и бодрийяровскую парадигмы, а стоит рассматривать их с точки зрения принципа дополнительности, чтобы адекватно описать диалектику спроса и предложения в условиях позднего капитализма и общества потребления. Достоверность основных теоретических положений статьи подтверждаются данными Федеральной службы государственной статистики, социологических опросов населения Российской Федерации ВЦИОМ и Левада-Центра.

Результаты и обсуждение

Проблема данного исследования состоит в том, чтобы определить возможности применения нелинейной динамики, политической экономии знака в анализе спроса и предложения, которые не настолько хорошо изучены в современном российском обществе, чтобы стать основой социально-экономических практик. Прежде чем перейти к рассмотрению обозначенной проблемы, необходимо в соответствии с требованиями исторического метода сделать исторический экскурс в соотношение диалектики спроса и предложения в советский период отечественной истории. Ибо любая система, в том числе и экономическая, сохраняет, как мы покажем ниже, память о предшествующих состояниях.

Целевой причиной общественного производства при социализме являлось, как указывалось в Конституции СССР, материалах съездов партии, пленумах ЦК КПСС, наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. При капитализме такой целью, по Марксу, было производство прибавочной стоимости или наживы. Несмотря на эту цель, экономика СССР являлась неравновесной и дефицитной. Ведущий специалист в области экономики дефицита классической социалистической системы профессор Гарвардского университета Я. Корнаи в книге «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» к основным характеристикам явления дефицита относил, во-первых, всеобщность, означающую, что оно имеет место как в I, так и во II подразделениях общественного производства, то есть в производстве средств производства и производстве предметов потребления, а также сфере услуг. Во-вторых, явления дефицита отличаются частотой возникновения, то есть они не являются эпизодическими и

спорадическими. В-третьих, как показывает экономическая история стран социализма, явления дефицита характеризуются высокой степенью интенсивности протекания не только в области материального производства, но и в сфере производства нематериальных услуг и благ. В-четвертых, они носят не скрытый временной, а явный хронический характер.

Это значит, что платежеспособный спрос превышал предложение. В этой связи заслуживает внимания справка начальника денежного обращения Госбанка СССР А.В. Войлукова. По его данным, образование избытка денег относится к 70–80-м годам прошлого века. Избыток денег в 1970 году определялся в 4 млрд рублей, за 1971–1980-й гг. он возрос на 15 млрд рублей и в 1981–1987 гг. — на 16 млрд рублей. Этот избыток денег сталкивался с недостатком товаров для удовлетворения платежеспособного спроса населения. В этом нетрудно убедиться, обратившись к данным таблицы «Недостаток товаров для удовлетворения платежеспособного спроса населения в расчете на 1988 г.», содержащейся в данной записке. По изделиям легкой промышленности этот недостаток составил 18 млрд рублей; по парфюмерно-косметическим товарам — 1,5; легковым автомобилям — 5,9; мебели — 3,6; телевизорам, радиоприемным устройствам, холодильникам, швейным, стиральным машинам — 0,9; мотоциклам, мопедам — 0,2; на строительство, покупку дома, ремонт жилого дома, дачи (включая покупку стройматериалов) — 12,4; на строительство или покупку гаража — 0,5; на вступление в ЖСК — 1,4; на организацию отдыха — 0,8. Итого недостаток товаров для удовлетворения платежеспособного спроса населения в расчете на 1988 год, по оценке А.В. Войлукова, составил в этом году 45,2 млрд рублей [6].

Такая диспропорция между спросом и предложением в конечном счете определялась таким важнейшим законом политической экономии социализма, как законом опережающего (или преимущественного) роста производства (I подразделение) по сравнению с производством предметов потребления (II подразделение); непосильными расходами на оборону страны (в 1988 году, по данным С.П. Лопатникова, 62–63 % советского машиностроения составляла военная техника, 32 % — станки и оборудование и только 5–6 % — потребительские товары [7]), финансовой поддержкой коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения и др.

Избыточный и отложенный спрос населения на перечисленные товары и продукты питания (предложение) стали причиной очередей, неприязненного и грубого отношения продавцов к покупателям. Исходя из этого, Я. Корнаи называл экономику СССР и стран Восточной Европы не только экономикой дефицита, но и экономикой продавца, в которой покупатель попадает в унижительное положение от работников торговли. Нетрудно понять, что, по Я. Корнаи, экономикой покупателя является рыночная система капиталистических стран и, как мы покажем ниже, экономикой общества потребления. То есть динамическая взаимосвязь спроса и предложения в этих двух диаметрально противоположных системах приводила к образованию отмеченных эмерджентных качественностей. Экономика дефицита и продавца вызывала у многих граждан СССР внутренний протест против социализма, несмотря на то что в стране были низкие цены на качественные продукты питания, услуги и существовали общественные фонды потребления.

Большинство граждан СССР и других социалистических стран бесплатно удовлетворяли спрос на медицинское обслуживание, образование, жилье, дотирование производства товаров первой необходимости (хлеб, молоко, соль, лекарство и прочее), санаторно-курортное обслуживание, детские дошкольные учреждения и прочие услуги через общественные фонды потребления и социальные фонды предприятий. «На общественные фонды потребления в СССР, — по данным члена-корреспондента АН СССР К.И. Микульского, — в 1981 г. приходилось 33,6 % всего фонда потребления в национальном доходе (в том числе на денежные выплаты из этих фондов — 16,8 %, на различные услуги и льготы — также 16,8 %)» [8]. По расчетам известного российского политолога и лидера движения «Суть времени» С.Е. Кургиняна, советский человек из общественных фондов потребления (ОФП) получал различные услуги на сумму не меньше 300 долларов в месяц. Он же утверждал, что «общественные фонды

потребления — это и был социализм реальный, живой, грубый и неловкий, но он был» [9]. В этом смысле ОФП можно квалифицировать как дар, находящийся по ту сторону рыночной экономики и напоминающий явление архаического потлача или, точнее сказать, взаимного одаривания на языке племени нутка. Но дар был бы не даром, а милостыню, если бы со стороны граждан СССР отсутствовало желание (выполнять свой гражданский долг перед страной) отдавать или возвращать. О таком социализме, по данным «Левада-Центра», ВЦИОМа, продолжают испытывать тоску более половины населения РФ. Эту ностальгию, на наш взгляд, можно рассматривать как другую, правда, запоздавшую во времени сторону потлача.

В условиях нарастания кризисных явлений в экономике СССР (1985–1990 гг.), выражающихся в дефиците бюджета, спаде производства, в огромном внешнем долге, инфляции и так далее, диспропорция между спросом и предложением становилась все более очевидной. В этих условиях правительством страны предпринимались меры по нормализации положения дел в экономике. Особое место среди них принадлежит правительственной программе Н.И. Рыжкова — Л.И. Абалкина «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», одобренной 19 октября 1990 г. IV сессией Верховным Советом СССР. В ней предусматривались поэтапная и безболезненная либерализация цен (например, на первом этапе предполагалось сохранение государственных цен на товары и услуги, образующих структуру прожиточного минимума семей) и приватизация.

Реализация этой программы была приостановлена указами Президента РСФСР «О мерах по либерализации цен» (2 января 1992 г.), «О свободе торговли» (29 января 1992 г.) которые по рекомендациям западных экспертов были в дальнейшем дополнены необходимостью сокращения бюджетного дефицита, ограничения денежной и кредитной эмиссии, приватизации государственной собственности. Все эти указания входили в набор рекомендаций «Вашингтонского консенсуса», разработанных Международным валютным фондом и Всемирным банком в 80-е гг. для стран Латинской Америки. «Ельцин и его сподвижники, — писал академик О.Т. Богомолов, — сочли рекомендуемый Западом курс шоковой терапии единственно возможным, не имеющим альтернативы, и не приняли во внимание предупреждений о его опасных последствиях» [10]. И последствия не заставили себя долго ждать. По прогнозам правительства страны, повышение цен не должно было превысить 30 %. В действительности за первый год радикальной экономической реформы, по данным официального сайта Федеральной службы статистики, цены выросли в 26 раз или, если быть более точным, на 2 608 %. Здесь существенно подчеркнуть, что вклады населения, составлявшие в 1991 году четверть ВВП, фактически полностью обесценились. Параллельно шел процесс спада производства в легкой, пищевой, машиностроительной промышленности, что автоматически вело к снижению предложения. Уже из этого ясно, что уже в первые годы реформы возникла деформированная конфигурация спроса и предложения. Мы не будем входить в детальный анализ ее следующих этапов. Отметим, что они проходили под флагом жесткой кредитно-денежной политики, суть которой, по мнению академика Н.Я. Петракова, состояла в том, что «если денежная масса уменьшается — цены должны уменьшаться, если денежная масса увеличивается — цены должны увеличиваться. И никаких других вариантов быть не может. Это «альфа и омега» монетаристского подхода. Это мы встречаем у Гайдара, Чубайса и других: совершенно бездумное стремление во что бы то не стало снизить денежную массу, как основное лекарство от всех бед. Это рекомендация МВФ, и наши молодые «зомбированные» министры осуществляли ее в течение нескольких лет» [11].

Сокращение правительством РФ коэффициента монетизации, в котором фиксируется отношение денежной массы к объему ВВП, до 43,2 % в 2018 г. (в США он составил 70,77 %, в Германии — 89,06 %, во Франции — 91,96 %, Японии — 184,87 %, Китае — 198,04 %) привело, с одной стороны, к подавлению инфляции до 4–5 %, с другой — к сокращению инвестиций, повышению процентных ставок, падению потребительского спроса и, что самое

главное — спаду производства. То есть нет жесткой причинно-следственной связи между снижением инфляции и экономическим ростом. В данном контексте следует обратить внимание на следующее рассуждение лауреата Нобелевской премии по экономике (2001) Дж. Стиглица: «Страны, достигшие наибольшего успеха, такие как Польша, игнорировали давление МВФ и поддерживали инфляцию на уровне около 20 % в критические годы макроэкономической адаптации. Ученики-отличники Международного валютного фонда, такие как Чехия, снизившие инфляцию до 2 %, получили в результате стагнацию своей экономики. Есть несколько убедительных причин считать, что чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией может замедлить реальный экономический рост» [12]. К сказанному следует добавить, что такой же точки зрения придерживаются большинство российских экономистов (прежде всего, академик С.Ю. Глазьев), на которых не наведен морок догм монетаризма. Интересно заметить, что глава государства, поддерживающий на протяжении многих лет монетаристский курс правительства Д.А. Медведева, 26 августа 2019 года на совещании в Кремле положительно оценил его деятельность по снижению инфляции до 4,5 %. Вместе с тем он оказался неудовлетворенным ростом ВВП (0,7 % вместо 5–7 %, требуемых майскими (2018 г.) указами Президента), промышленного производства, реальных доходов. Здесь уместным было бы вспомнить Дж. Гэлбрейта, который утверждал, что не уровень инфляции, а «валовой внутренний продукт остается общепринятым мерилем не только экономических, но и в целом социальных достижений» [13].

Сказанное приводит к мысли о индетерминированности уровня монетизации и инфляции, инфляции и экономического роста, спроса и предложения и так далее. Что касается диалектики спроса и предложения, то в рамках концепции нового индустриального общества Дж. Гэлбрейта и постмодернистской парадигмы французского социолога Ж. Бодрийера она стала приобретать свойство прецессуальности, то есть нарушения привычного причинного порядка, когда следствие превращается в причину. Попутно заметим, что данное суждение расходится с каузальным детерминизмом, в соответствии с которым исключается возможность обратного воздействия следствия на причину. Сказанное означает, что, в отличие от классической экономической теории, в которой потребитель диктует производителям, какую продукцию выпускать и продавать, акторы современного рынка производства и предложения активно формируют спрос. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что здесь имеет место рекурсивная петля, на характеристике которой мы остановимся ниже. Она представлена на рисунке 1.

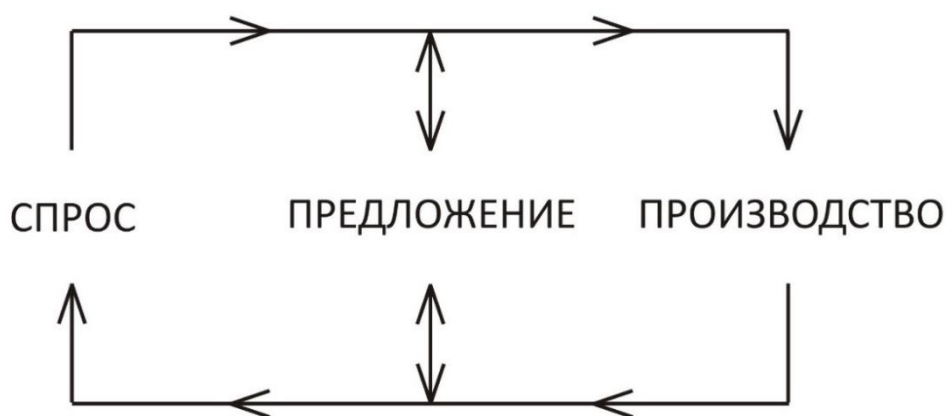

Рисунок 1. Рекурсивная петля спроса, предложения, производства

Такая метаморфоза характерна прежде всего для рыночной экономики эпохи постмодерна и общества потребления, в котором товар, по мнению французского философа и социолога, представляет собой единство не только потребительной и меновой, но и символической (знаковой) стоимости. Нельзя упускать из виду, что в рамках постмодернистской концепции Ж. Бодрийера потребительная стоимость (означаемое) становится спутником или, как он еще

говорил, алиби меновой стоимости (означающее), которая в свою очередь оказывается в зависимости от символической стоимости. Так, по мнению французского социолога, образуется «внутренне согласованный универсум стоимости». Символическая стоимость возникает в результате наведения маркетологами на товар копии потребительной стоимости, растворенной в политической экономии знака, в меновой стоимости. В этом смысле она представляет собой симулякр, имитирующий полезные качества предметов. «Чтобы стать объектом потребления, вещь должна сделаться знаком, то есть чем-то внеположенным тому отношению, которое она отныне лишь обозначает...» [14]. Для полной ясности рассматриваемого вопроса вспомним, что, если, по Ж. Бодрийяру, в логике политэкономии потребительная стоимость является венцом товара, то в политэкономии знака его сердцем уже становится знак. Сказанное вплотную подводит нас к детализации рекурсивной петли.

Максимизация прибыли в современной экономике связана с наращиванием объемов производства товаров с планированным физическим и моральным износом (например, бытовая техника, автомобили, электроника, одежда и другое) [15]. Не последнюю роль в этом процессе играет мода. Субъекты общества потребления, следуя ее капризам, сокращают срок использования вещей, чей физический износ еще далеко не истек. Это придает дополнительный импульс производству товаров-однодневок с определенной символической ценностью (стоимостью), но уже более дорогой по сравнению с предшествующими аналогами. Примером продукции с такими характеристиками являются товары с торговыми марками и брендами, создающими высокую добавленную стоимость компаний, то есть существенно влияющими на их прибыль. По имеющимся данным в экономической литературе цена брендированных товаров в среднем выше традиционной продукции на 15–40 %. Этим можно объяснить растущие инвестиции ведущих компаний в брендинг, которые, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, в 2011 году составили около 466 млрд долларов. Но главным при этом становится то, что производство в обществе потребления, по словам Ж. Бодрийяра, становится гиперреальным, поскольку оставляет позади референцию знаковой меновой ценности меновой/символической стоимости (означающее) с традиционными формами хозяйствования, направленными на производство потребительной/меновой стоимости (означаемое).

Нельзя обойти вниманием утверждение французского социолога о конце «первого производства», характерного для эпохи модерна, на смену которого приходит в современном обществе «второе производство». Оно ориентировано на производство предметов/знаков, спроса и даже потребителей. Под таким углом зрения Ж. Бодрийяр констатировал и конец функциональности. «Если больше не существует абсолютной полезности предмета, — писал он, — тогда покончено и с избыточностью, так что все теоретическое здание функционализма рухнет. Рухнет во благо моды, которая — не стесняя себя объективной денотацией... — играет только на коннотации; своей подвижной, “иррациональной” риторикой, отдающей привилегии лишь актуальности знаков, мода захватывает всю систему в целом» [4].

Не следует упускать из виду, что в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства в развитых странах производится не только брендовая продукция. Мы имеем в виду ассортимент товаров, входящих в минимальную потребительскую корзину, у которых почти отсутствует меновая стоимость/знак (в Германии в ее состав входят 475 продуктов, товаров и услуг, в Англии — 350, в Америке — 300, во Франции — 300). В России в ее перечне всего 156 наименований продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг стоимостью 11 200 рублей для взрослого трудоспособного человека. Следовательно, бодрийяровская гипотеза о конце «первого производства», на смену которого приходит «второе производство», является несколько преждевременной.

Перейдем теперь к характеристике второго звена рекурсивной петли, то есть рынку предложения (спроса). В России он является не гомогенным, а гетерогенным. Это значит, что на нем присутствуют не только обычные товары, удовлетворяющие естественные потребности большинства населения страны, но и товары-симулякры. «Полезность» этих превратных форм

товара, по мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, «состоит в удовлетворении *симулятивной*, то есть искусственно созданной, наведенной как *морок — потребности*» [5]. Попутно заметим, что в цитируемой книге ее авторы называли такие формы товаров и потребностей, соответственно, S-товары и S-потребности. Пропорция товаров с потребительной/меновый стоимостью и меновой/символической ценностью в экономике страны определяется соотношением в ней «первого» и «второго» производства.

Высокая ключевая ставка Центробанка РФ, ограничение размеров кредитования, жесткая фискальная политика государства, таргетирование инфляции, отток капитала из страны привели к сокращению производства и, соответственно, к дефициту отечественной продукции на рынке сбыта. Поэтому он стал наполняться продукцией импортного производства. Так, по данным заместителя министра промышленности и торговли С. Цыбы и заместителя председателя Московского Кредитного Банка (МКБ) А. Казначеева, доля импорта в легкой промышленности составляет 70–90 %, в радиоэлектронной промышленности — 80–90 %, в фармацевтике и медицинской промышленности — 70–80 %, в пищевой промышленности — 13 %. Это значит, что российский покупатель, приобретая импортную продукцию, стимулирует зарубежную промышленность и ограничивает возможность развития отечественной экономики. В терминах теории систем это означает, что, с одной стороны, происходит негэнтропизация зарубежной и энтропизация российской экономики, с другой — подрыв ее суверенитета и безопасности. Именно это имел в виду известный российский экономист М. Хазин, когда в книге «Воспоминания о будущем» писал: «... поскольку внутренне производство все время падает, то, за счет импорта товаров народного потребления, продажи нефти ведут к росту других экономик, прежде всего Евросоюза и Китая» [16].

Серьезными затруднениями на пути продвижения товаров рынка сбыта к третьему звену рекурсивной петли, то есть непосредственным потребителям, являлись падение реально располагаемых доходов, низкая величина прожиточного минимума населения страны (по данным Росстата, за три квартала 2018 г. 19,6 млн россиян или 13,3 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума). Конечно, для этой части нищенствующего населения товары с меновой/символической стоимостью не представляют собой жизненно необходимого интереса. Поэтому для данной социальной группы первостепенным является удовлетворение насущных физиологических потребностей (пища, одежда, жилище и так далее), обеспечивающих поддержание и сохранение жизни в биологическом смысле. На примере малоимущих потребителей можно проиллюстрировать абсолютную неэластичность спроса и отсутствие у них свободы потребительского выбора. Именно это приводит к блокированию у ее субъектов возвышенных потребностей, к которым А. Маслоу относил потребности в принадлежности и любви, в признании и уважении, в удовлетворении эстетических начал, в самоактуализации. Не исключено, что многие из этой группы подписались бы под словами французского писателя Леона Блуа, утверждавшего о том, что нищета в социальной денотации является разновидностью ада на земле.

В несколько более лучшем положении находятся работники, чья медианная зарплата, по данным Росстата, в 2019 году составила 34 335 рублей. Она более объективно отражает уровень доходов населения и, как известно, является гораздо меньше средней заработной платы по стране, составляющей 47 657 рублей. При более высоком уровне доходов растет платежеспособный спрос, расширяются объем производства и многообразие потребления. В этой связи важно обратить внимание на роль рекламы в формировании симулятивных потребностей, выступающих по Ж. Бодрийяру, кроме всего прочего, в роли «капитала-потребности». Такого рода капитал, по словам французского социолога, «столь же существенен для порядка производства, как и капиталы, вкладываемые капиталистическим предпринимателем, или капитал-сила, вкладываемая оплачиваемым работником» [4]. Отсюда, согласно Ж. Бодрийяру, «капитал-потребность», как производительная сила, оказывается

затребованной функционированием общества изобилия. В этом смысле, заключает он, необходимо добиваться принуждения потребностей и потребления. В ракурсе этих рассуждений уместной была шутка автора «Системы вещей» о том, что обновлять, например, машину в течение нескольких лет скоро будет санкционировано законом.

В принуждении к потреблению товаров-симулякров немаловажная роль, как мы отмечали выше, принадлежит рекламе. В «Системе вещей» французский социолог определяет ее функции. К ним он относил прежде всего информационную функцию, обеспечивающую потребителей, насколько, конечно, это возможно, достоверными сведениями о характеристиках товаров на рынке сбыта. Сущность второй функции рекламы, по его мнению, состоит во внушении потребителям (покупателям) приобретать товары, производимые этой, а не какой-то другой фирмой. Было бы ошибочно утверждать, что управление симулятивными потребностями является всегда результативным. Как мы писали выше, индифферентными к рекламе товаров-симулякров является та доля населения страны, которая находится за чертой бедности или балансирует на ее грани. Что же касается тех, у кого оплата труда находится на уровне медианной зарплаты, они позволяют себе набраться смелости приобретать товары с меновой/знаковой стоимостью с помощью кредитов в ущерб реализации физиологических потребностей.

Здесь мы кратко отметим, что, по данным Центробанка, на конец 2019 г. общий долг жителей России перед банками составил 17,6 трлн рублей без учета их долгов перед микрофинансовыми организациями (МФО). Последние выдают займы населению страны под 350 % годовых. Выходит, что старуха-процентщица Алена Ивановна из «Преступления наказания» Ф.М. Достоевского оказывается, по словам В.В. Путина, более чем скромным человеком по сравнению с сегодняшними ростовщиками из МФО. Сейчас возникает закономерный вопрос: что движет людьми с медианным доходом приобретать товары-симулякры или, как говорили А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, S-товары? Ответ на поставленный вопрос мы находим у Ж. Бодрийяра. Рассматривая кредит как мораль опережающего пользования и потребления по отношению к реальным доходам, французский социолог в «Системе вещей» утверждал, что кредитозаемщик при минимальных реальных затратах «получает чрезвычайную выгоду — пользуется реальным почетом, по сути, ценой условного знака» [14]. По отношению к данной доходной группе можно сказать, что знак для части ее представителей является еще и доказательством принадлежности и своей значимости в ней. Это ведет к росту спроса на товары со знаковой меновой стоимостью, способствующих индивиду реализовать эту установку, пусть даже ценой высокого потребительского кредита.

Что касается богатых и сверхбогатых россиян, которых французский социолог называл «настоящими гражданами общества потребления», то у них нижняя граница дохода берет начало с четырех медианных зарплат. Они без ущерба для своего бюджета удовлетворяют спрос в дорогих товарах-симулякрах. При этом их ассортимент не ограничивается несколькими S-товарами. Желание новых S-потребностей сознательно или бессознательно присутствует в мотивации рассматриваемой социальной группы и, таким образом, оказывает значительное влияние на их поведение. Этот ассортимент имеет в своем составе длинную линейку товаров-симулякров, начиная с авторучек, сотовых телефонов и часов с драгоценными камнями до брендовой одежды, автомобилей и яхт. Встречаются случаи, когда товары-симулякры становятся объектом коллекционирования. Наглядной в этом отношении является роскошная коллекция из 195 часов класса люкс экс-губернатора Сахалина А. Хорошавина общей стоимостью в 602 млн рублей. Понятно, что это увлечение высшего должностного лица РФ воспринимается со стороны первых двух социальных групп как деструктивное и аморальное. Для представителей третьей группы оно, наоборот, выглядит как невинное озорство и шалость, к тому же еще не связанное с демонстративным потреблением.

Суммируя сказанное, следует еще раз отметить, что субъектами спроса являются граждане РФ с доходами ниже прожиточного уровня, работники с медианной зарплатой и, наконец, богатые и сверхбогатые. Различный платежеспособный спрос этих социальных групп влечет за собой формирование отличных друг от друга потребностей в товарах-симулякрах. Если, например, человек из второй социальной группы индифферентен к автомобилям, то при наличии соответствующих денежных средств у него не возникнет ни потребности, ни желания стать обладателем такого транспортного средства. И, напротив, у такого индивида не возникнет потребности стать обладателем часов Breguet Tourbillon или Rolex из коллекции А. Хорошавина, учитывая его реально располагаемый доход.

Выше мы говорили о том, что импорт товаров-брендов с высокой добавленной стоимостью ведет к энтропийности российского общества и, наоборот, неэнтропийности стран-импортеров. Кроме того, существует, на наш взгляд, эндогенная энтропийность, характерная для транзитивных стран и общества потребления с подобной социальной дифференциацией социума. Она продуцирует у бедных граждан чувство мести к элитной части современного российского общества, а у среднего класса — зависть. Это то, что принято называть рессентиментом, который ведет к приращению в социуме энтропийности, то есть его неустойчивости, неупорядоченности, дистанцированию его граждан от подлинных, а не симулятивных потребностей.

В общем и целом можно сказать, что эндогенными факторами спроса являются потребности и платежеспособность населения страны. Такое суждение расходится с точкой зрения по этому вопросу Ж. Бодрийяра, считавшего, что «истинная теория предметов и потребления должна основываться не на теории потребностей и их удовлетворении, а на теории социальной демонстрации и значения» [4]. В сущности говоря, мы не исключаем возможность включения в состав этих факторов стремление «граждан общества потребления» к высокому статусу, престижу и созданию различий. Описывая особенности процесса классификации и социальной дифференциации, Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления» особо отмечал, что люди «никогда не потребляют объект в себе (в его потребительной ценности) — всегда манипулируют объектами (в самом широком смысле) как знаками, которые отличают вас, то ли присоединяя вас к вашей собственной группе, взятой как идеальный эталон, то ли отделяя вас от нее и присоединяя к группе с более высоким статусом» [17].

Ясно, что наряду с эндогенными существуют и экзогенные факторы, к которым, как мы отметили выше, относятся производство, рынок сбыта, маркетинговые службы продвижения товаров (реклама, мода), доступность кредита, макроэкономическая политика Российской Федерации, появление новых достижений в рамках V и VI технологических укладов и др. При этом некоторые из них могут стать критическими флуктуациями по отношению к эндогенным факторам спроса. Таким образом, мы видели, что рекурсивная петля начинается со спроса и ей же завершается. Это значит, что в дихотомии спрос — предложение, несмотря на репрессивное воздействие на потребителя со стороны производства, рекламы и моды, приоритет закрепляется за ее первым началом. Стоит обратить внимание и на то, что в условиях нестабильности мировой экономики, вызванной пандемией коронавируса, правительства многих стран предпринимают активные действия по стимулированию потребительского и совокупного спроса населения, чтобы восстановить свою экономику. Это снижение налоговой нагрузки на граждан, денежные выплаты населению так называемых «вертолетных денег», выдача пособий детям, пенсионерам, инвалидам, безработным и так далее.

Выводы

Отличительной особенностью централизованной экономики СССР явилось доминирование в ней спроса, в постсоветской России — предложения. Относительно невысокие доходы населения в советский период отечественной истории компенсировались общественными фондами потребления, которые обеспечивали гарантированное удовлетворение спроса на товары первой необходимости. Нетрудно понять, почему более половины населения РФ

испытывают ностальгию по социализму, несмотря на то что экономика страны в этот период — экономика дефицита и продавца. В результате денежно-кредитной (монетарной) политики правительства РФ произошло уменьшение уровня монетизации, падение производства, что отразилось на рынке сбыта и спросе населения страны. Дефицит товаров отечественного производства компенсировался ростом импортной продукции с символической стоимостью. Это значит, что в транзитивном социуме и обществе потребления знаковая стоимость оказалась важным дополнением к потребительной и меновой стоимости товара. Каузальная связь между спросом и предложением, на которой до последнего времени фокусировали внимание экономисты, в условиях позднего капитализма перестала удовлетворять исследователей в этой области науки.

С возникновением теории сложности стало очевидным, что следствие оказывает обратное воздействие на причину, не переставая быть при этом следствием. То есть предложение, являясь следствием спроса, становится причиной по отношению к спросу. Для характеристики прямых и обратных связей между рассматриваемыми феноменами в статье используется понятие рекурсивной петли. Для полноты картины рассматриваемого сегмента экономики категориальная пара спроса и предложения дополнена понятием производства. Современная экономика направлена прежде всего на производство не потребительной, а символической (знаковой) стоимости товаров, которая создает высокую добавленную стоимость. Категория «символическая стоимость» в рекурсивной петле содержит несколько подчиненных понятий: рынок симулякров, товары-симулякры, меновая/знаковая стоимость, симулятивная потребность, а также кредит, мода, реклама. Три последние являются средствами формирования символических потребностей и принуждения населения к потреблению S-товаров и услуг. Не прельщение миром симулякров, а денежные доходы определяют спрос различных слоев общества и граждан на товары и услуги с символической стоимостью. Это относится к богатым и сверхбогатым гражданам, частично к индивидам с медианной зарплатой. Исключением здесь являются бедные слои общества, насущной заботой которых является удовлетворение физиологических потребностей, обеспечивающих сохранение и поддержание жизни. Таким образом, знаковое потребление в российском обществе не столько объединяет его граждан, сколько разъединяет, отчуждает их друг от друга и в этом смысле подрывает онтологические основы общества.

Библиографический список

- [1] Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – 3-е изд. – Москва: ИНФРА-А, 2008. – 826 с.
- [2] Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
- [3] Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательного спроса // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т 1. / Под. ред. В.М. Гальперина. – Санкт Петербург: Экономическая школа, 1999. – С. 304–325.
- [4] Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – Москва: Академический проект, 2007. – 335 с.
- [5] Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: монография. В 2 т. Т 2. Теория глобальная гегемония капитала и ее пределы. «Капитал» re loaded. – Москва: Ленанд, 2014. – 902 с.
- [6] Войлуков А.В. Неудовлетворенный платежеспособный спрос населения СССР по состоянию на 1 января 1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statehistory.ru/4756/Neudovletvoryennyu-platezhyesposobnyu-spros-naseleniya-SSSR-po-sostoyaniyu-na-1-yanvarya-1988-g/> (дата обращения: 08.05.2020).
- [7] Лопатников С.П. Советская экономика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vayur.livejournal.com/9392.html> (дата обращения: 21. 04. 2020).
- [8] Микульский К.И. Экономические законы социализма и социальная активность трудящихся. – Москва: Экономика, 1983. – 255 с.

- [9] Кургинян С.Е. Суть времени: философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке. В 4 т. – Москва: МОФ ЭТЦ, 2012. – Т 1. – 316 с.
- [10] Богомолов О.Т. Размышления о насущном. – Москва: Экономика, 2003. – 239 с.
- [11] Петраков Н.Я. Черная дыра экономики // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 3. – С. 63–65.
- [12] Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г. Г. Пирогова – Москва: Мысль, 2003. – 300 с.
- [13] Гэлбрейт Дж. Общество изобилия / Пер. с англ. Е. Б. Головляничиной, И. Ногаева, Г. Агафонова. – Москва: Олимп-Бизнес, 2018. – 404 с.
- [14] Бодрийяр Ж. Система вещей. Москва: Рудомино, 1999. – 222 с.
- [15] Безпалов В.В. Внешнеторговая деятельность промышленных комплексов и ее роль в формировании имиджа государства // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 9(115). – С. 22.
- [16] Хазин М. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. – Москва: Рипол-Классик, 2019. – 464 с.
- [17] Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464> (дата обращения: 24.03.2020).

References

- [1] Rumyantseva, E.E. (2008). *New Economic Encyclopedia*. Moscow: INFRA-M.
- [2] Veblen, Th. (1984). *The theory of the leisure class*. Moscow: Progress.
- [3] Leibenstein, H. (1999). The effect of joining the majority, the snob effect and the Veblen effect in the theory of purchasing demand. In *Milestones of economic thought. Theory of consumer behavior and demand*. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- [4] Baudrillard, J. (2007). *Pour une critique de l'economie politique du signe Paris*. Moscow: Akademicheskij projekt.
- [5] Buzgalin, A.V., & Kolganov, A.I. (2014). Global Capital. Theory of global hegemony of capital and its limits. In *“Capital” re loaded*. Moscow: Lenand.
- [6] Voilukov, A.V. (2014). Unsatisfied solvent demand of the population of the USSR as of January 1, (1988). Retrieved from <https://statehistory.ru/4756/Neudovletvoryennyy-platezhyesposobnyy-spros-naseleniya-SSSR-po-sostoyaniyu-na-1-yanvaryu-1988-g/>.
- [7] Lopatnikov, S.P. (2020). Soviet economy. Retrieved from <https://vayur.live-journal.com/9392.html>.
- [8] Mikulsky, K.I. (1983). *The Economic Laws of Socialism and the Social Activity of Workers*. Moscow: Ekonomika.
- [9] Kurginyan, S.E. (2012). *The Essence of Time: The Philosophical Substantiation of the Messianic Claims of Russia in the XXI Century*. Moscow: MOF ETC.
- [10] Bogomolov, O.T. (2003). *Reflections on the Essential*. Moscow: Ekonomika.
- [11] Petrakov, N.Ya. (1998). Black hole economy. *Economic Science of Modern Russia*, 3, 63-65.
- [12] Stiglitz, J. (2013). *Globalization: Disturbing Trends*. Moscow: Mysl.
- [13] Galbraith, J. (2018). *Society of Plenty*. Moscow: Olimp-Biznes.
- [14] Baudrillard, J. (1999). *The System of Things*. Moscow: Rudomino.
- [15] Bezpalov, V.V. (2018). Foreign trade activity of industrial complexes and its role in shaping the image of the state. *Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, 9(115), 22.
- [16] Khazin, M. (2019). *Remembering the Future. Ideas of the Modern Economy*. Moscow: Ripol-Classic.
- [17] Baudrillard, J. (2008). *Consumer Society. His myths and structures*. Retrieved from <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>.

Получена / Submitted: 05/10/2020

Доработана / Revised: 12/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 30/11/2020

УДК 329.78(671.12)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Владимир Дмитриевич Сбитнев¹, Сергей Александрович Шестаков¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проведен анализ деятельности общественно-политической сферы жизни молодежи через политические молодежные организации. Авторы подвергли краткому ретроспективному анализу молодежные организации российского общества и провели анализ современных молодежных общественно-политических организаций на примере юга Тюменской области. Анализ проведен, исходя из деятельности этих организаций, структуры, реализуемых проектов и их социальной значимости. В рамках статьи авторы разделяют общественно-политические организации на молодежные крылья партий и беспартийные. Из партийных организаций в статье выделены «Молодая Гвардия Единой России», «Ленинский комсомол» и молодежная организация ЛДПР. Среди непартийных организаций в статье рассматривается деятельность внесистемной оппозиции в лице штаба Алексея Навального и деятельность молодежных объединений, таких как Общественная молодежная палата при Тюменской областной Думе и Молодежная администрация г. Тюмени.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные организации, власть, общественно-политические организации, общественные объединения, политическое участие.

Socio-Political Youth Movements at the Present Stage of Civil Society Development (Based on Materials from the South of the Tyumen Region)

Vladimir D. Sbitnev¹, Sergey A. Shestakov¹

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the activities of the socio-political sphere of youth life through political youth organizations. The authors provide a brief retrospective analysis of youth organizations in Russian society and analyze modern youth socio-political organizations on the example of the south of the Tyumen region. The analysis is based on the activities of these organizations, their structure, ongoing projects, and their social significance. In the article, the authors divide socio-political organizations into youth wings of parties and non-party ones. Among the party organizations, the article highlights "the Youth Guard of United Russia", "Leninsky Komsomol", and the LDPR youth organization. Among non-party organizations, the article examines the activities of the non-system opposition represented by the staff of Alexey Navalny and the activities of youth associations, such as the public youth chamber under the Tyumen regional Duma.

Keywords: youth, youth policy, youth organizations, government, socio-political organizations, public associations, political participation.

Введение

В современной России молодежные объединения имеют огромное значение в социальной и политической жизни общества. В настоящее время большое внимание уделяется реализации государственной политики для молодежи. Так, президент Российской Федерации Владимир Путин подчеркнул, что рассчитывает на способность молодежи стать «настоящими лидерами перемен» [1]. Молодежные общественные объединения официально признаны государством в качестве субъекта деятельности и партнера на всех уровнях реализации государственной

политики. Заинтересованность государства в молодежных общественных движениях понятна и закономерна. От того, какое мировоззрение и какие ценности будут сформированы у молодежи сегодня, какой они сформируют для себя тип социальных отношений, какие изменения они захотят сделать в стране, зависит будущее нашей страны. Чтобы понимать общее состояние государства и помогать молодежи самой принимать решения и строить государство уже для себя, и были созданы политические молодежные организации под опекой и финансированием государственных органов и политических партий. Как отмечает Р.И. Турханова, в процессе общественной деятельности социализация личности идет успешнее. Участники объединений легче идут на контакт, понимают, что они хотят, ставят четкие цели и ждут такого же поведения от других. Чем активнее объединения участвуют в реформаторской и общественной деятельности, тем быстрее их члены находят свое призвание в обществе [2]. В свою очередь, А.Ю. Жаданов отмечает, что через общение молодежь усваивает жизненные ценности, нравственные идеалы, нормы поведения. В процессе совместной деятельности развивается способность к общению на основе партнерских отношений. Пробуя себя в совместной деятельности, они усваивают ролевые формы поведения, формируют и развивают деловые качества, учатся руководить, создавать проекты, быть организаторами и исполнителями [3]. Движения и объединения представляют собой организации и сообщества различной идеологической и социальной направленности. Одной из главных причин вступления молодежи в их ряды является желание что-либо изменить, причем изменения могут касаться различных уровней и сфер жизни: начиная от семьи и заканчивая изменением государственного строя [4]. Желание менять, отрицать и не соглашаться с устоявшимися нормами в обществе — это главный признак подросткового и юношеского периода. Именно юношеское поколение не боится, а, наоборот, желает изменений и готово их делать. Однако далеко не всегда такая деятельность проявляется в положительном ключе [5].

Молодое поколение — это главный индикатор социальных изменений. Именно поэтому работа с молодежью, особенно в политическом направлении, выходит на уровень национальной безопасности. Молодежные организации также могут выступать двигателем протестной общественно-политической активности с участием молодежи в противоправных акциях и оказании давления на власть. Исторический опыт показал всю неэффективность борьбы с молодежными политическими группировками. Если правящий режим не желал прислушиваться к нуждам молодежи и других социальных групп, надеясь подавить социальное недовольство при помощи армии и полиции, то он неизбежно проигрывал политическое противостояние. Достаточно вспомнить крушение в Индонезии кровавого режима Сухарто, расстрелявшего сотни тысяч коммунистов. Диктатура рухнула под напором студенческих демонстраций. Несколько десятилетиями ранее на другом конце света, на Кубе, в горах Сьерра-Маэстра, высадилось несколько десятков плохо вооруженных молодых людей под руководством Ф. Кастро, главной целью которых было избавить кубинский народ от нищеты и страданий, виновником которых был кровавый диктатор Батиста, уничтоживший в застенках десятки тысяч невинных людей. Через несколько месяцев провозглашенная цель была достигнута.

Таким образом, в условиях современности следует идти не по пути игнорирования и подавления политической активности молодежи, а по пути поиска приемлемых форм диалога власти и молодежных движений.

Актуальность исследования молодежных политических организаций в России обусловлена необходимостью обновления политической системы, а также формирования представлений о гражданском обществе среди населения. Нынешняя система молодежных движений, сложившаяся в течение XX века, достаточно сложна и неэффективна, однако внутри нее уже запущены механизмы трансформации, которые в конечном счете создадут новую систему политических отношений молодежи и власти. Изучение нынешней, переходной фазы позволит разбираться в молодежных движениях в целом, а в дальнейшем и прогнозировать ситуацию.

Целью исследования является анализ деятельности молодежных политических движений на территории Тюменской области. В связи с этим планируется решить следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть основные политические молодежные организации в России с точки зрения их деятельности на примере Тюменской области;
- провести типологизацию молодежных политических движений в Тюменской области;
- выделить общие тенденции развития молодежных политических организаций;
- охарактеризовать российскую систему молодежных политических организаций.
- выработать ряд рекомендаций практического характера по оптимизации деятельности молодежных общественно-политических организаций.

Материалы и методы

В рамках данного исследования были использованы следующие методы: системный, позволивший выделить системообразующие элементы в структуре современных молодежных общественно-политических движений в рамках политической системы Российской Федерации на общефедеральном и региональном уровнях; структурно-функциональный, позволивший определить ряд социально-политических функций молодежных общественно-политических движений в рамках общей структуры как общефедеральных, так и региональных молодежных объединений; формально-логический, позволивший выявить последовательность и взаимосвязи в организации и деятельности современных молодежных общественно-политических движений; контент-анализ, позволивший выявить общее и особенное в деятельности молодежных общественно-политических объединений; компаративный, позволивший провести сравнительный анализ в организации и деятельности современных молодежных общественно-политических движений в Тюменской области. В Тюменской области можно выделить 9 основных молодежных политических объединений. Данные объединения можно разделить на молодежные крылья партий и беспартийные. Последние можно разделить также на политические лидерские молодежные объединения и внесистемную оппозицию.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим более подробно наиболее активные молодежные движения в Тюменской области.

1. *Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России»* — молодежное крыло партии «Единая Россия». Отличительная черта данной организации от других представителей политической партий — это автономность деятельности от партии, но одновременно тесное взаимодействие вместе с ней. История организации началась в конце 2005 года. До 16 ноября 2005 года организация имела название «Молодежное единство» — молодежное крыло партии «Единство». После объединения партий «Единство» и «Отечество» в «Единую Россию» организация была переименована в «Молодую Гвардию Единой России». Девиз организации: «Молодежь во власть» [6]. Главными задачами организации являются воспитание чувства патриотизма, вовлечение молодежи в активное участие в выборном процессе, поддержка инициатив молодежи, развитие правовой культуры молодежи, развитие идей гражданского общества среди молодежи, пропаганда здорового образа жизни, стимулирование трудоустройства молодежи, развитие доступной образовательной среды, развитие современных молодежных медиа [6]. На данный момент организация является самой массовой молодежной политической организацией в России, согласно данным фонда «Общественное мнение». Данная организация представлена во всех регионах Российской Федерации. В тюменский региональный штаб, согласно данным представителей организации, входят 800 активистов, открыто несколько местных отделений в муниципалитетах региона [7].

Деятельность «Молодой Гвардии Единой России» можно разделить на два направления: акции и проекты. В свою очередь, акции и проекты бывают регионального и федерального масштаба. На сегодняшний день в данной организации развиваются патриотическое, экологическое, лидерское, образовательное, краеведческое, социальное, волонтерское, правовое направление, а также проекты в сфере трудоустройства молодежи. Рассмотрим ниже проекты организации.

- Патриотическая кампания «Мы помним». Данная кампания реализуется региональным отделением более 10 лет и направлена на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. В рамках кампании традиционно проводятся раздачи георгиевских лент, «уроки Великой войны», установка Знамени победы на верхний пилон Моста Влюбленных и проведение Минуты молчания 9 мая. Помимо этих традиционных мероприятий, ежегодно проводятся различные акции. По словам организаторов, суммарно, по всей территории Тюменской области в 2019 году в кампании приняли участие 25000 человек [8].

- Лидерский проект «Школа парламентаризма» — это площадка для диалога между молодежью и властью. В рамках образовательной программы проекта студенты вузов и СПО принимают участие во встречах с общественно-политическими деятелями, проходят стажировки в органах законодательной и исполнительной власти, разрабатывают и продвигают собственные социальные проекты и законодательные инициативы. Главная цель проекта — выявить молодых лидеров и научить их формировать вокруг себя и своих идей сторонников, собирать команды единомышленников и в дальнейшем помогать реализовывать свои собственные проекты. На проектный сезон 2019 года подано 386 заявок [9].

- «ЭкоМГЕР» — это экологический проект, включающий в себя ряд акций, направленных на улучшение экологической обстановки региона и стимулирование проявления у населения Тюменской области экологически полезных привычек.

- «Тюмень — ключ Сибири» — краеведческий проект, направленный на сохранение истории Тюмени. Проект сочетает в себе теоретическую и практическую часть. В первом блоке активисты «Молодой Гвардии Единой России» проводят интерактивные уроки для школьников. Во второй части на городском театрализованном квесте школьники проверяют и закрепляют свои знания. В 2020 году в данном проекте приняли участие 30 из 45 школ Тюмени.

- «Добро в действии» — федеральный социальный проект, который занимается адресной помощью людям, вовлечением людей в сбор гуманитарной помощи, укреплением взаимодействия с организациями социальной помощи, а также правозащитной деятельностью.

- «Клуб Публичных Дебатов» — проект для молодежи, которая хочет высказаться на актуальные для России и мира темы, а также посоревноваться в ораторском мастерстве с другими молодыми людьми.

- «Анатомия власти» — правовой проект, который обучает правовой грамотности школьников и студентов через игровую форму. За всю историю проекта, в нем приняли участие 1500 школьников со всей Тюменской области.

Для вступления в организацию действует возрастное ограничение с 14 до 35 лет. Средний возраст активиста составляет 21 год. «Молодая Гвардия Единой России» имеет высокую активность в регионе, проводит в среднем 2–3 мероприятия в неделю [2].

2. «Ленинский комсомол» — молодежное крыло Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Является приемником идеологии ВЛКСМ. После распада Советского союза была создана партия КПРФ, приемник идей социализма, и вместе с ней была утверждена организация «Ленинский комсомол». Организация учреждена 20 февраля 1999 года на учредительном съезде СКМ РФ. Главной целью перед собой ставит воспитание молодежи на основе принципов патриотизма и коммунистического мировоззрения [10].

Тюменский обком комсомола насчитывает 100 сторонников по территории всей Тюменской области. Имеет местные отделения в Тюмени, Тобольске и Ишиме. Основной поток привлечения сторонников – спортивные проекты, проводимые ЛКСМ, и родственники старшего поколения. Деятельность ЛКСМ ограничена и состоит из 3 блоков: спортивные мероприятия; марксистский и ленинистский кружки, проходящие в рамках партийных мероприятий, и участие в митингах, организованных КПРФ [11].

3. «Молодежная организация ЛДПР» — молодежное крыло Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Организована одновременно с созданием партии. Юридически организация не зарегистрирована и является внутренней структурой ЛДПР. Главные цели работы: формирование гражданской позиции у молодежи, стимулирование участия в общественно-политической жизни, продвижение патриотизма и здорового образа жизни, сохранение культурно-исторического наследия, представление интересов молодежи в органах публичной власти. Деятельность молодежи ЛДПР дублирует деятельность партии, не имеет собственной повестки и занимается организацией партийных мероприятий [12].

Следующая группа — внепартийные молодежные организации. Их можно разделить на 2 блока: внесистемная оппозиция и молодежные политические объединения.

1. *Внесистемная оппозиция* позиционирует себя как антиподы партийных молодежных крыльев, так как считают партии, представленные в Государственной Думе РФ «псевдооппозиционными». Такие организации можно назвать условно-молодежными, так как в уставе организации отсутствует ограничение по возрасту, однако руководство и представители данных организаций составляют молодежь.

Особую активность такие организации начали в 2018 году во время президентских выборов. За время выборной кампании 2018 года по всей стране открылись штабы поддержки кандидата Алексея Навального. Это были полноценные организации с отдельными помещениями, брендовой продукцией и большим финансированием рекламной программы [13]. Когда выборы закончились, штабы поддержки Алексея Навального начали заниматься региональными проблемами. На сайте основная деятельность организации описывается так: «проводят расследования, борются за экологию, выдвигают независимых кандидатов на местные выборы и проводят другие общественно-политические кампании» [14]. Называют себя «главной оппозиционной политической силой в стране» [14]. В период предвыборной кампании президента был большой всплеск активности и высокая мобилизация молодежи на несогласованные митинги. Однако после завершения выборов, активность штаба поддержки Алексея Навального снизилась. На данный момент штаб проводит в среднем по 1 акции в 3 месяца, где численность молодежи составляет от 10 до 60 человек [15]. Помимо акций, штаб поддержки Алексея Навального в Тюмени занимается коррупционными расследованиями в сфере государственных закупок, создает видеоролики и передает все материалы правоохранительным органам и СМИ. Поводом одного из последних расследований стала государственная закупка на поставку медицинского оборудования Департаментом здравоохранения Тюменской области [16].

В своих расследованиях «главными врагами» государства считают партию «Единая Россия». В связи с этим проводят федеральный проект «Умное голосование», суть которого состоит в стягивании голосов за оппозиционного кандидата, независимо от принадлежности к партии (помимо партии «Единая Россия»). Главное условие — не состоять в партии «Единая Россия» и быть ее противником. Данный опыт показал эффективность в период выборов депутатов Московской городской Думы, где несколько кандидатов от партий ЛДПР и КПРФ победили на выборах. Но в региональных выборах подобного положительного опыта не наблюдалось. Также во время различных региональных и муниципальных кампаний штаб Навального был заподозрен в продаже мест для «умного голосования», так как поддерживались не все оппозиционные участники, а выборочные, согласованные московским штабом поддержки Алексея Навального [17].

2. *Молодежные объединения* — организации, которые собирают молодых лидеров, представителей молодежных крыльев партий и политически активную молодежь. Такой организацией в Тюменской области является «Общественная молодежная палата» при Тюменской областной Думе. Основная функция данной организации — объединение молодежи для реализации совместных общественных проектов. Структура «общественной молодежной палаты» состоит из председателя, заместителей и председателей комиссий. Всего в организации 5 комиссий: комиссия по физической культуре, спорту и туризму; комиссия по образованию и науке; комиссия по общественно-политической деятельности, комиссия по культуре, межнациональным отношениям и парламентской этике; комиссия по взаимодействию с муниципальными образованиями [18].

Основная деятельность организации состоит в проведении заседаний для создания совместных решений и реализации совместных проектов. Также у каждого представителя молодежной палаты есть свой собственный проект. Стать членом общественной палаты можно раз в 2 года при подаче и защите своего социально значимого проекта. В настоящее время куратором общественной молодежной палаты от Тюменской областной Думы является А.В. Артюхов, председатель фракции «Единая Россия» в Тюменской областной Думе.

На городском уровне в Тюмени лидерской организацией является «Молодежная Администрация Тюмени». Согласно уставу организации, главная цель организации — формирование системы привлечения молодежи к решению проблем города Тюмени. Для достижения этой цели Молодежная Администрация выделяет следующие задачи:

- выявление и поддержка молодых людей с активной гражданской позицией;
- развитие у молодых людей управленческих навыков, востребованных при решении задач органами Администрации города Тюмени;
- содействие пополнению кадрового резерва Администрации города Тюмени молодыми людьми при наличии компетенций, соответствующих имеющимся должностям в структуре Администрации города Тюмени;
- обеспечение взаимодействия органов Администрации города Тюмени с молодежью;
- содействие развитию правовой культуры и социальной активности в молодежной среде города Тюмени.

Главным отличием Молодежной администрации от общественно-молодежной палаты является привязка к администрации города. Структура молодежной администрации состоит из руководителя, 2 заместителей, комиссии по вопросам городского хозяйства, социальным вопросам и вопросам предпринимательства, а также пресс-службы. Численный состав одной комиссии составляет не менее 4 человек. Комиссии функционируют в соответствии с планами обучения по вопросам организации местного самоуправления. Планы обучения представляют собой перечень образовательных занятий, направленных на обучение членов Молодежной Администрации по вопросам организации местного самоуправления. С целью организации работы комиссий приказом департамента назначаются наставники комиссий, выбираемые из числа специалистов, работающих в сферах, соответствующих профилю деятельности комиссий. Наставники отвечают за обучение членов комиссий Молодежной администрации по вопросам организации местного самоуправления. Комиссии собираются не реже 1 раза в месяц. Руководители Комиссий информируют руководителя Молодежной администрации об итогах каждой встречи. В рамках третьего созыва был реализован проект под названием «ПРОнаставник», направленный на развитие молодежи в сфере спорта, предпринимательства, творчества, политики и студенческого самоуправления. Для участников проводятся различные управленческие игры, онлайн и офлайн тренинги и мастер-классы. Проект реализуется при поддержке «Молодой Гвардии Единой России».

Выводы

В Тюменской области существует несколько общественно-политических молодежных организаций. Общей проблемой для них является то, что большинство проектов носят общественный, развлекательный или социальный характер без политического подтекста. Среди молодежных представителей политических партий главная проблема для Тюменского региона — фактическое отсутствие или минимальное присутствие в информационной повестке общественно-политических молодежных организаций актуальных вопросов политической жизни общества (исключение составляет «Молодая Гвардия Единой России»). Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе в сфере организованной работы с молодежью данная работа в целом находится в русле общероссийских тенденций и нуждается в непрерывном мониторинге и совершенствовании.

Библиографический список

- [1] Политов Ю. Лидеры перемен // Российская газета. – 2018. – 10 мая. – Ст. 99.
- [2] Турханова Р.И., Никифоров Н.В. Формирование и развитие социального интереса личности в условиях общественного объединения // Вестник КазГУКИ. – 2012. – №1. – С. 40–46.
- [3] Жаданов А.Ю. Социальное развитие молодежи в современной России // Общество и право. – 2013. – №2(44).
- [4] Лебедева О.В. Проблемы развития толерантности на юге России: некоторые пути решения // Власть. – 2005. – № 6. – С. 42-44.
- [5] Гаджиева С.Ю. Особенности формирования межличностных отношений молодежи как важная педагогическая проблема // Вестник ГУУ. – 2015. – №5. – С. 45–51.
- [6] Устав всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/content/2012/05/23/340> (дата обращения: 12.02.2020).
- [7] О Положении об Общественной молодежной палате при Тюменской областной Думе (с изменениями на 13 февраля 2020 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duma72.ru/ru/about/public_youth_chamber/sostav.php (дата обращения: 19.03.2020).
- [8] Ежегодная патриотическая кампания «Мы помним» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moi-portal.ru/proekty/my-pomnim-2018/> (дата обращения: 18.08.2020).
- [9] Вознюк А. Открыт прием в тюменскую «Школу парламентаризма» // Тюменская Линия. – 2019. – С. 4.
- [10] Устав Общероссийской общественной молодежной организации в поддержку молодежных инициатив «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации» (ЛКСМ РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://komsomolrf.ru/ustav> (дата обращения: 18.08.2020).
- [11] Злобин И.С. Состоялось отчетно-выборное собрание Тюменского областного отделения ЛКСМ РФ // сайт Коммунистической партии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/regnews/191744.html> (дата обращения: 18.08.2020)
- [12] Устав Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ldpr.ru/%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2-%D0%BB%D0%B4%D0%BF%D1%80/> (дата обращения: 12.02.2020).
- [13] Галиев А. Два месяца до выборов президента: изучаем, какие штабы есть в Тюмени и чем они занимаются // 72.ru. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://72.ru/text/gorod/385948374556672.html> (дата обращения: 18.08.2020).

- [14] Штабы Навального [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shtab.navalny.com/> (дата обращения: 19.03.2020).
- [15] Штаб Навального в Тюмени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shtab.navalny.com/hq/tyumen/> (дата обращения: 19.03.2020).
- [16] Преступление без наказания? Ну уж нет! // Штаб Навального [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shtab.navalny.com/hq/tyumen/4303> (дата обращения: 18.08.2020)
- [17] Навальный надул сторонников с УГ-списком, протолкнув в Мосгордуму спойлеров // РИА Федеральное Агентство Новостей. 26.11.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1230097-navalnyi-nadul-storonnikov-s-ug-spiskom-protolknuv-v-mosgordumu-spoilerov> (дата обращения: 18.08.2020)
- [18] Рейтинг узнаваемости молодежных политических организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bd.fom.ru/report/cat/pressr_250511/printable/ (дата обращения: 19.02.2020).

References

- [1] Politov, Y. (2018). Leaders of Change. *Rossiyskaya Gazeta*, 5, 9–10.
- [2] Turkhanova, R.I., & Nikiforov, N.V. (2012). Formation and development of social interest of the individual in the context of public association. *Bulletin of KazGUKI*, 1, 40–46.
- [3] Zhadanov, A.Yu. (2013). Social development of youth in modern Russia. *Society and Law*, 2(44), 57–59.
- [4] Lebedeva, O.V. (2005). Problems of the development of tolerance in the south of Russia: some solutions. *Power*, 6, 42-44.
- [5] Gadzhieva, S.Yu. (2015). Features of the formation of interpersonal relations among young people as an important pedagogical problem. *Vestnik GUU*, 5, 45–51.
- [6] Charter of the All-Russian public organization “Young Guard of United Russia”. (2012, December). Retrieved from <https://www.molgvardia.ru/content/2012/05/23/34022>.
- [7] On the Regulations on the Public Youth Chamber under the Tyumen Regional Duma. (2020, February). Retrieved from https://www.duma72.ru/ru/about/public_youth_chamber/sostav.php.
- [8] The annual patriotic campaign “We Remember”. *Moi-portal*. (2018, November). Retrieved from <https://moi-portal.ru/proekty/my-pomnim-2018/>.
- [9] Voznyuk, A. (2019). Opened admission to the Tyumen “School of Parliamentarism”. *Tyumen Line*, 4, 3.
- [10] The Charter of the All-Russian public youth organization in support of youth initiatives “Lenin Communist Youth Union of the Russian Federation” (LKSM RF). (2020, February). Retrieved from <https://komsomolrf.ru/ustav>.
- [11] Zlobin, I.S. (2019). *The reporting and election meeting of the Tyumen regional branch of the Komsomol of the Russian Federation was held. Website of the Communist Party of the Russian Federation*. Retrieved from <https://kprf.ru/party-live/regnews/191744.html>.
- [12] Charter of the LDPR Political Party–Liberal Democratic Party of Russia. (2019, December). Retrieved from <https://ldpr.su/%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2-%D0%BB%D0%B4%D0%BF%D1%80/>.
- [13] Galiev, A. (2018). Two months before the presidential elections: we study what headquarters are in Tyumen and what they do. *72.ru*. Retrieved from <https://72.ru/text/gorod/385948374556672.html>.
- [14] Navalny's headquarters. (2020, January). Retrieved from <https://shtab.navalny.com/>.

- [15] Navalny's headquarters in Tyumen. (2020, March). Retrieved from <https://shtab.navalny.com/hq/tyumen/>.
- [16] A crime without punishment? Well, I do not! Headquarters of Navalny. (2020, August). Retrieved from <https://shtab.navalny.com/hq/tyumen/4303>.
- [17] Navalny cheated supporters with the UG-list, pushing spoilers into the Moscow City Duma. RIA Federal News Agency. (2019, November). Retrieved from <https://riafan.ru/1230097-navalny-nadul-storonnikov-s-ug-spiskom-protolknuv-v-mosgordumu-spoilerov>.
- [18] Awareness rating of youth political organizations. (2020, February). Retrieved from https://bd.fom.ru/report/cat/pressr_250511/printable/.

Получена / Submitted: 08/10/2020

Доработана / Revised: 11/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 24/11/2020

УДК 371.39

АНАЛИЗ ОПЫТА ПЕРЕХОДА К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Юлия Андреевна Погребинская¹, Дмитрий Александрович Пезин²

¹Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

²Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. До недавнего времени традиционное и дистанционное образование обсуждались как дополнительное одного к другому. Статья посвящена, прежде всего, рассмотрению и сравнению сущности и содержания понятий традиционного и дистанционного обучения через призму восприятия их обучающимися. В 2020 году в связи с пандемией коронавируса вопрос об удаленном обучении стал беспрецедентно актуален. Многие университеты встали перед вызовом необходимости практически мгновенного перехода на дистанционную форму обучения. В статье проведен анализ перехода обучения в дистанционный формат на примере Тюменского индустриального университета. На основе фокус-группы представлено исследование отношения студентов к временному переходу на дистанционное образование. На основе обобщенных результатов исследования авторами сделаны выводы о в целом положительном восприятии обучающимися итогов перехода на дистанционную форму обучения в вузе, а также формализованы предложения по возможным дальнейшим шагам по совершенствованию имеющегося платформенного решения «Educon 2.0» в Тюменском индустриальном университете.

Ключевые слова: традиционное обучение, дистанционное обучение, учебный процесс, дистанционная форма обучения, прогресс.

Analysis of the Experience of the Transition to Distance Education During a Pandemic on the Example of Industrial University of Tyumen (Sociological Aspect)

Julia A. Pogrebinskaja¹, Dmitrii A. Pezin²

¹Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

²Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. Until recently, traditional and distance education were discussed as complementary to one another. The article is devoted primarily to the consideration and comparison of the essence and content of the concepts of traditional and distance learning through the prism of their perception by students. In 2020, in connection with the coronavirus pandemic, the issue of remote learning has become unprecedentedly relevant. Many universities faced the challenge of the need for an almost instantaneous transition to distance learning. The article analyzes the transition of learning to a distance learning format using the example of Industrial University of Tyumen. Based on a focus-group of students, the article presents a study of their attitude to the temporary transition to distance education. On the basis of the generalized results of the study, the authors made conclusions about the generally positive perception of students of the results of the transition to distance learning at the university, as well as formalized proposals for possible further steps to improve the existing platform solution "Educon 2.0" at Industrial University of Tyumen.

Keywords: traditional education, distance learning, educational process, distance learning, progress.

Введение

Процесс обучения — это важнейший фактор развития личности на сегодняшний день. Образованный человек имеет больше перспектив в жизни, нежели не ставящий перед собой целей и не стремящийся к их достижению. Рассматривают обучение двух типов: традиционное и дистанционное. В первом случае оно направлено на передачу и закрепление знаний при помощи

традиционных методов, в то время как во втором случае основу передачи знаний составляют используемые технологии. В период пандемии востребованным стало обучение в дистанционном формате, представляющее собой форму обучения, при которой взаимодействие преподавателя и студента осуществляется на расстоянии, но передает все присущие классическому учебному процессу компоненты. Стоит отметить, что в настоящее время нет единого определения дистанционного обучения; множество исследователей по-разному излагают свою точку зрения. Основным средством коммуникации в данном случае выступает Интернет. Среди способов обучения студентов есть как выполнение заданий онлайн на платформе, так и встречи в видеоконференциях, и чтение лекций. В Тюменском индустриальном университете практикуются оба способа. В частности, задания и теоретический материал студенты получают на базе платформы «Educon 2.0», а видеосвязь проводится с помощью платформы «Zoom».

Материалы и методы

В качестве определяющих понятий данной статьи авторы выделяют два типа обучения: традиционное и дистанционное. Некоторые исследователи под традиционным обучением понимают обучение, при котором работа педагога ориентирована, прежде всего, на сообщение знаний и способов действий, передаваемых учащимся в готовом виде и предназначенных для воспроизводящего усвоения; педагог является единственным инициативно действующим лицом учебного процесса [1]. Другие исследователи трактуют «традиционное обучение» как часто применяемую систему, которая представляет собой следующую схему: изучение — закрепление — контроль — результат [2; 3]. М.В. Телегин пишет, что традиционное обучение, как система, призвано передавать, транслировать традицию, воспроизводить в пространстве и веках традиционный менталитет (душевный и умственный склад), традиционное мировидение, традиционную иерархию ценностей, народную аксиологию (ценностную картину мира) [4]. Традиционное обучение ориентируется на «преимущественное, усиленное изучение родины» по К.Д. Ушинскому [5]. По В.В. Давыдову традиционное обучение преимущественно направлено от частного, конкретного, единичного к общему, абстрактному, целому; от случая, факта к системе; от явления к сущности [6]. На базе статьи авторы придерживаются первого понятия, так как, по их мнению, оно более полно отражает особенности традиционного обучения.

На сегодняшний день традиционное обучение вытесняется другими видами в связи с быстро прогрессирующими технологиями. Стоит отметить, что старая парадигма образования, основанная на возможности определения необходимых запасов знаний для успешной жизнедеятельности с последующей передачей этой информации обучающемуся, уже изжила себя. Авторами статьи рассмотрены термины, которых придерживаются исследователи в отношении инновационного обучения.

О.В. Бондарева в своей статье «Понятие “дистанционное обучение”: содержание и сущность» дает следующее определение: «Относительно недавно появившаяся форма обучения, которая существует во многих странах вместе с другими формами, такими как очное/заочное обучение, экстернат. Одним из характерных признаков данного вида обучения является географическая разделенность участников обучения друг от друга. Вторая отличительная особенность такого вида обучения — использование современных информационных и телекоммуникационных технологий для осуществления учебного процесса» [7]. В другом источнике дистанционное обучение трактуют как педагогическую технологию, которая основывается на принципе самостоятельного обучения и ставит целью творческое саморазвитие личности на его основе [8]. А.А. Андреев классифицирует дистанционное обучение, как «синтетическую, интегрированную форму обучения, базирующуюся на использовании традиционных и новых информационных технологий» [9]. В положении о дистанционном обучении в сфере среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования Российской Федерации «дистанционное

обучение» принято рассматривать как технологию, которая, в свою очередь, есть целенаправленная и методически организованная учебно-познавательная деятельность лиц, находящихся на расстоянии от образовательного центра, осуществляемая с помощью средств, методов и технологий опосредованного педагогического общения преподавателя со студентом с минимальным количеством обязательных занятий [10]. А.Н. Битченко и С.А. Мясников в своей статье «Дистанционное обучение. Определение, преимущества, проблемы внедрения» используют следующее определение дистанционного обучения: это целенаправленный процесс диалогового, асинхронного и синхронного взаимодействия преподавателя и студентов между собой и со средствами обучения, индифферентный к их расположению в пространстве и времени [11]. При анализе понятия «дистанционное обучение» авторы статьи придерживаются точки зрения, высказанной А.Н. Битченко и С.А. Мясникова, так как, по их мнению, она в большей мере отражает ситуацию обучения, сложившуюся во время пандемии.

Процесс подготовки к дистанционному обучению происходил на протяжении долгого времени. Изначально о внедрении дистанционного образования стали задумываться университеты и бизнес-школы, стремившиеся расширить возможность привлечения высококлассных профессоров международного уровня. Однако университеты зачастую сталкивались с проблемой, когда свободное время привлекаемых профессоров было сложно сопоставить с образовательным процессом студентов и слушателей курсов ДПО. Эта проблема усиливалась тем, что перемещение из одного места в другое многими преподавателями расценивалось как потеря времени. Полноценное внедрение дистанционных форм образования по большей части смогло снять эти вопросы. В свою очередь, удаленный доступ лектора к группе, позволил поднять вопрос о возможности подключения обучающихся в распределенном режиме, без необходимости отрыва от рабочего места и перемещения к месту проведения занятий. Внедрение инструментов удаленной работы позволило значительно сократить командировочные затраты, избежать корректировки производственных процессов при отсутствии сотрудников для обучения. В целом это открыло реальную возможность для получения самых актуальных знаний представителям менее обеспеченных слоев общества и даже целым государствам. Так, по мнению М.Л. Белоножки и А.Л. Абрамовского, «...национальные системы дистанционного высшего образования в развивающихся странах более доступны для рядовых граждан в экономическом плане» [12]. Первоочередная причина в том, что в финансовом плане не каждый может себе позволить территориальное перемещение, в том числе переезд в областной центр или столицу. Именно дистанционное обучение может дать возможность черпать новые знания, совершенствовать свои компетенции по индивидуальным образовательным траекториям, используя только персональный компьютер (ноутбук, планшет, смартфон). В настоящее время мир столкнулся с уникальной ситуацией, в которой единственным выходом для образования является дистанционное обучение. Взаимодействие людей в режиме онлайн имеет свои плюсы, например, увеличивается возможность для проведения исследований и проектов, так как в живом общении некоторым индивидам сложнее найти общий язык, нежели виртуально. В свою очередь, очное общение характеризуется возможностью лицезреть человека, анализировать его мимику и позы, слышать изменения тональности в голосе и ощущать эмоциональный фон оппонента. Дистанционное общение, с психологической точки зрения, тем более если оно без видеосвязи, априори является некомфортным. Это объясняется тем, что по особенностям восприятия и переработки информации все люди делятся на четыре группы:

- визуалы — те, для кого главное видеть оппонента;
- аудиалы — люди, для которых важно слышать собеседника, так они лучше усваивают информацию;
- кинестетики — часть людей, которые используют для восприятия другие ощущения (к примеру, обоняние и осязание) или движение;
- дискретны — у них осмысление происходит с помощью, знаков, цифр и логических доводов [13].

Ученые отмечают, что последние считаются малочисленной группой, следовательно, для большинства участников общения слух, зрение и кинестетический канал являются более востребованными. В 2020 году мир оказался в ситуации, где потребитель сам ищет возможность использования технологий для удаленного обучения или работы. А ведь раньше результатами разработок нужно было сначала заинтересовать потребителя и сделать все возможное, чтобы он захотел их приобрести. Формирование потребности произошло буквально за один момент, оставалось разобраться в технологиях.

Вузы, как и остальные организации, поделились на две категории: готовые оперативно перейти на дистанционную работу и те, кого это требование застало врасплох. Одна часть университетов заблаговременно начали работу по развитию обучения студентов в дистанционном формате, другая часть вынуждена была в «пожарном» режиме подстраиваться под изменившиеся внешние условия и требования. «Преподаватели вузов чаще жалуются на высокую нагрузку и нехватку времени в связи с переходом на дистанционное обучение...» [14]. До внедрения удаленного формата в результате пандемии многие преподаватели ограничивались использованием почты и мессенджеров. На сегодняшний день этого недостаточно, тем более что технологии дают сейчас возможность использовать различные варианты коммуникаций.

Авторами было обозначено, что при анализе психологических моделей поведения людей, в случае реализации дистанционного обучения, в значительной мере подвергаются изменению роли человека. В частности, переход из состояния выполнения трудовых обязанностей на отдых и обратно происходит затруднительно. Предполагается, что указанный феномен связан с ограничениями в плане очного посещения учреждений и мест массового скопления народа, где человеку требуется соблюдать определенные требования к собственному внешнему виду и соответствовать минимальным эстетическим нормам. Ослабляются требования к собственному образу, страдает самоорганизация, людям сложнее настроить себя на учебный и рабочий ритм. Рабочее время переплетается с домашними обязанностями, и сложно остановиться в решении производственных задач и условно закончить рабочий день, либо переключиться с домашних дел на начало выполнения трудовых задач. В связи с этим преподаватели, переведенные на работу в дистанционном формате, начали активно применять инструменты разделения своих социальных ролей посредством физического разделения бытовой и рабочей зон.

Подводя итог анализа терминов «традиционное» и «дистанционное образование», авторы отмечают, что многие исследователи выделяют ключевой фактор влияния — прогресс, влияющий на выбор обучения. Однако эти понятия в значительной мере отделились друг от друга и наполнились новыми смыслами за короткий период в несколько месяцев после начала пандемии.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования был проведен опрос «Отношение к дистанционному обучению» у фокус-группы, состоящей из 12 человек возраста 22–23 лет, обучающихся в магистратуре на 1 курсе в Тюменском индустриальном университете. В опросе приняли участие 8 девушек и 4 молодых человека. Данный опрос проводился среди студентов с целью выявления факторов, влияющих на дистанционное обучение, и субъективного мнения респондентов об удаленном процессе обучения. Исходя из полученных результатов были сделаны некоторые выводы; для удобства в тексте ответы в процентах округлены до целого числа.

Отвечая на вопрос о развитости дистанционной формы обучения в Тюменском индустриальном университете, 59 % опрошенных считают, что дистанционная форма обучения в вузе развита достаточно, с этим не согласились 33 % респондентов, 8 % воздержались от ответа (рисунок 1).

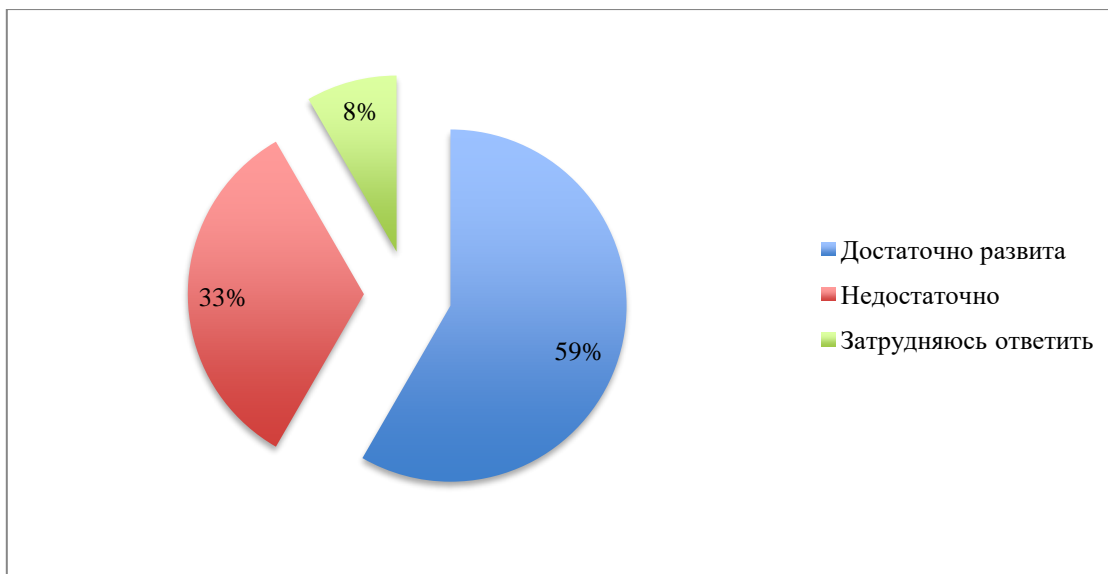

Рисунок 1. Развитость дистанционной формы обучения в Тюменском индустриальном университете

Далее необходимо было выяснить, с чем связано недовольство студентов. 42 % респондентов особенно выделили сложность работы с интернет-ресурсами, следующим фактором выявлено отсутствие живого общения. Многие студенты посчитали, что при традиционной форме обучения учебная нагрузка значительно меньше.

В меньшей степени недостатками в дистанционной форме обучения оказались отсутствие живого общения, сложность работы с интернет-ресурсами, высокая нагрузка, сложность выполнения учебных заданий без теории/разъяснений (рисунок 2).

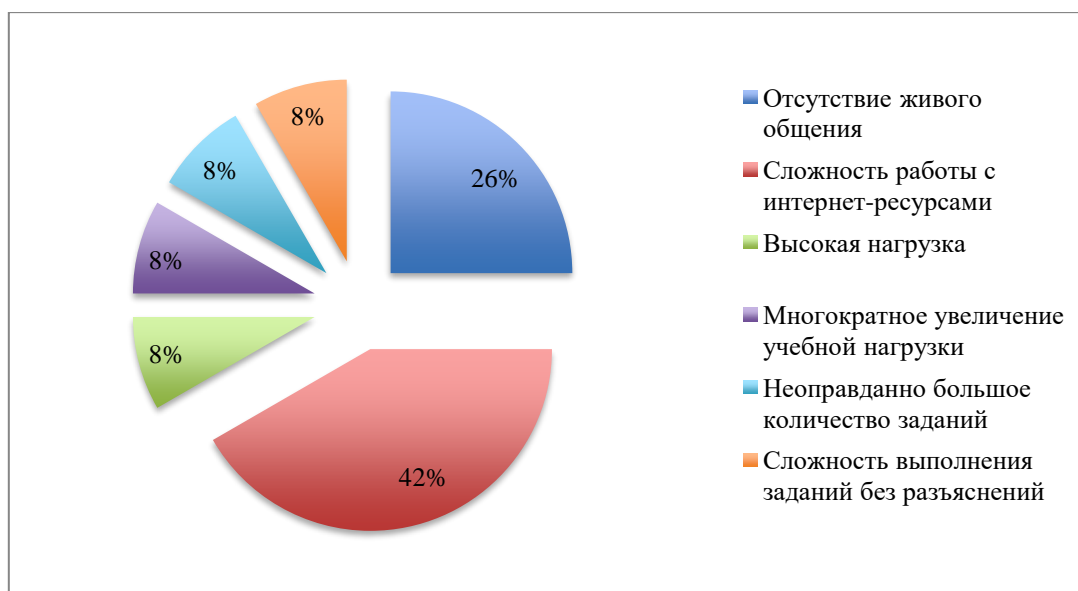

Рисунок 2. Недостатки дистанционной формы обучения

Основным преимуществом для 75 % опрошенных стала возможность совмещения учебы с работой. На сегодняшний день это достаточно актуально, особенно при получении степени магистра, ведь после бакалавриата многие ребята начинают строить свою карьеру. Один из опрошенных отметил, что преимуществ в дистанционном обучении нет, и связал это со сложностями обучения в онлайн-формате, сопровождающимся постоянными внешними помехами и невозможностью уединиться в домашних условиях.

Отвечая на вопрос о преимуществах дистанционной формы обучения, 67 % респондентов заявили, что традиционная форма обучения более эффективна. На вопрос об удобстве изучения лекционного материала через дистанционную форму обучения больше половины опрошенных ответили, что им не требуются пояснения или они больше склонны к тому, что для них все понятно. Однако 34 % указали, что им требуются пояснения в той или иной форме (рисунок 3).

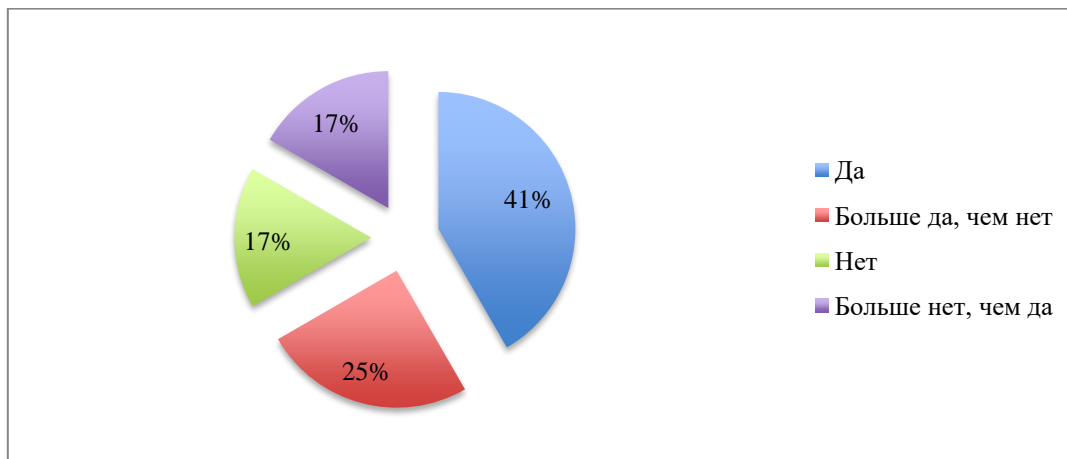

Рисунок 3. Удобство изучения лекционного материала через дистанционную форму обучения

В качестве фактора, влияющего на дистанционное обучение, можно выделить самоорганизацию у студентов; в данном случае по вопросу: «Повлияло ли на Вашу самоорганизацию дистанционное обучение в связи с пандемией?» мнения разделились поровну для тех, кому стало сложнее себя организовывать для работы и наоборот, 16 % отметили, что для них ничего не изменилось.

В целом мнение опрошенных показывает, что студенты больше преподавательского состава готовы к дистанционному обучению. Это может быть связано с тем, что на некоторых дисциплинах студенты уже сталкивались с работой на платформе «Eduson 2.0», в то время как часть преподавателей дистанционировалась от электронной платформы, отдавая предпочтение традиционным методам обучения (рисунок 4).

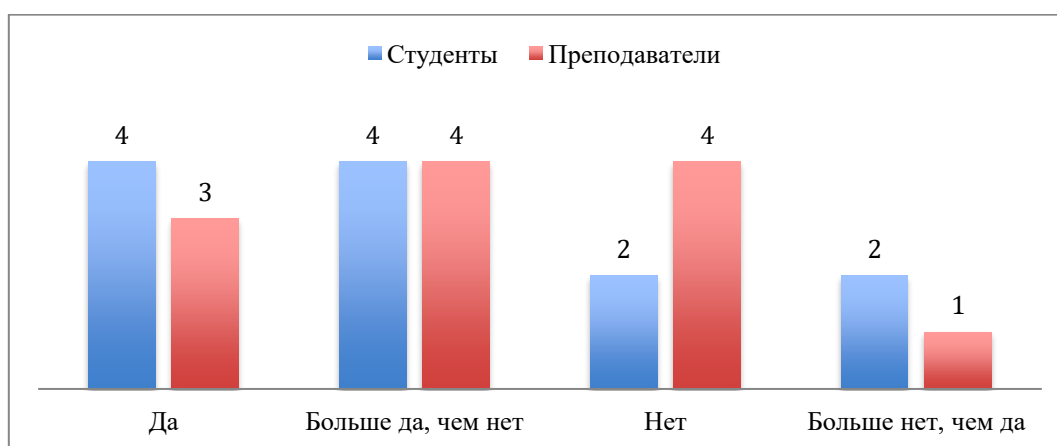

Рисунок 4. Готовность к дистанционному обучению

Для исследования также было полезно выявить, с помощью каких информационных средств студентам удобнее общаться с преподавателями. Большинство респондентов отметили, что больше пользуются платформой «Eduson 2.0», а именно 58 %, и им в большей степени удобен интерфейс. С этим согласились не все и дали свои рекомендации по улучшению системы:

- возможность видеосвязи;
- структурированное содержание без лишних папок и вкладок;
- стабильная работа сервиса;
- указание учебного плана в начале работы с курсом;
- получение оповещений на почту.

25 % опрошенных пользуются для общения с преподавателями другими мессенджерами, например, Viber. Наименее востребованным оказалось общение по почте.

В контексте исследования любопытен момент, что большинством отмечена эффективность традиционной формы обучения, но в то же время для 58 % человек неважно в общении с человеком видеть его мимику, позы и слышать тон голоса (рисунок 5).

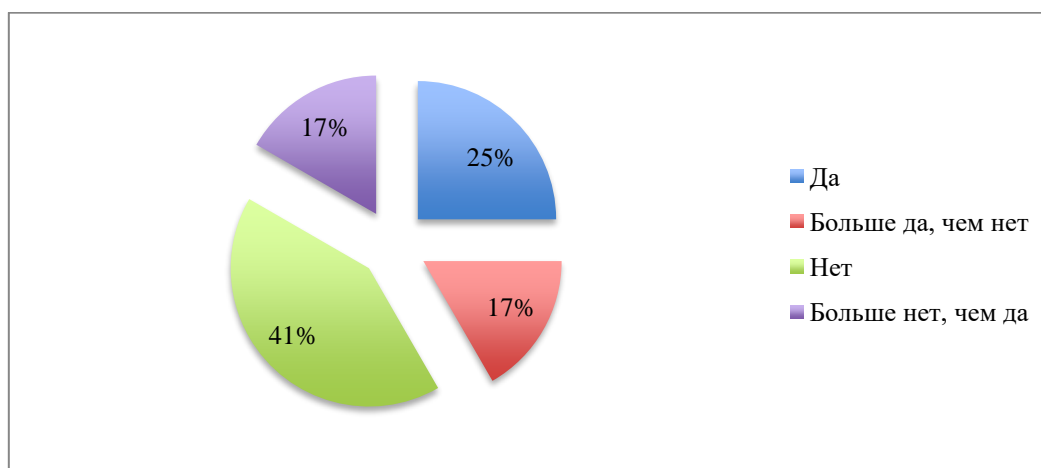

Рисунок 5. Важность визуальных факторов в общении с человеком

В вопросе о сервисах видеосвязи 25 % опрошенных отметили, что в принципе не пользуются никакими сервисами, а у 75 % в ходу «Zoom», на базе которого сейчас работают студенты и преподаватели. В качестве положительных сторон данного сервиса респонденты отметили легкость использования, хорошее качество звука и видео, удобство и скорость работы. Вопрос о технической готовности студентов для дистанционного обучения показал, что у 100 % опрошенных есть собственный ПК (ноутбук, планшет, смартфон) с наличием звуковых устройств.

Можно сделать вывод о том, что большинство отдадут предпочтение традиционной форме обучения, но в то же время дистанционное обучение также имеет свои преимущества. Это связано как с тем, что людям не хватает живого общения и не всегда есть понимание об изучаемом материале, так и со сложностями в восприятии материала, при полном переходе на принципиально новый формат общения при получении высшего образования.

Выводы

В заключение стоит отметить, что существует необходимость развивать как сами технологии, и так навыки и умения ими пользоваться, поскольку в быстро изменяющейся внешней среде гибкое реагирование на разные, в том числе неожиданные ситуации, есть залог успеха. Необходимо учитывать, что традиционное обучение остается более востребованным среди студентов, поскольку может в большей степени заинтересовать обучающихся и предполагает живое общение, способствующее лучшему усвоению учебного материала. Также важно понимать, что студенты больше подготовлены к дистанционному обучению, нежели преподаватели, что объясняется большей практикой общения в таком формате вне учебного процесса. Существующая образовательная платформа «Eduson 2.0» удовлетворяет основным запросам пользователей, но может быть еще более позитивно восприниматься после определенных доработок, связанных с возможностью проведения видеоконференций;

структуризации содержания, более понятной студентам; стабилизации работы; адаптивности к другим средствам связи. Можно с уверенностью говорить, что дистанционная форма обучения в Тюменском индустриальном университете достаточно развита и университет был готов к переходу на данный формат обучения. Основным недостатком дистанционного обучения является сложность работы с интернет-ресурсами, а основное достоинство — возможность совмещения учебы и работы.

Таким образом, необходимо совершенствовать способы эффективного процесса обучения в дистанционном формате и уделять внимание психологическому аспекту работы студентов и преподавателей, что обеспечит наличие максимально широких возможностей для повышения качества образования в современном мире.

Библиографический список

- [1] Традиционное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyclowiki.org/wiki/Традиционное_обучение.
- [2] Традиционная система обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaochnik.com/spravochnik/pedagogika/teorija-obucheniya/traditsionnaja-sistema-obucheniya/>.
- [3] Врублевская Е.Г. Гуманитарные основы педагогической деятельности // Хабаровск: Издательство ДВАГС, 2006. – 180 с.
- [4] Телегин М.В. Апологетика традиционного обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mtelegin.ru/tradition/apologet/171-glava1?start=21>.
- [5] Телегин М.В. Традиционная педагогика в инновационной школе (программа курсов повышения квалификации педагогов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mtelegin.ru/tradition/tradiciinnovacii>.
- [6] Ильин Г.Л. Развивающее обучение или развивающее образование? // Вестник МГГУ. – 2009. – № 4. – С. 90–101.
- [7] Бондарева О.В. Понятие «Дистанционное обучение»: содержание и сущность // Актуальные проблемы современной науки. – 2015. – № 3. – С. 151–153.
- [8] Дистанционное образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fio.vrn.ru/2005/6/6.htm>.
- [9] Дистанционное обучение: сущность и содержание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scibook.net/obrazovatelnyie-tehnologii-sovremennye/distantcionnoe-obuchenie-suschnost-45766.html>.
- [10] Определения дистанционного обучения российских специалистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://social-orthodox.info/pages/5_6_distancion_obuch_opred.htm.
- [11] Битченко А.Н., Мясников С.А. Дистанционное обучение. Определение, преимущества, проблемы внедрения // Проблеми інженерно-педагогічної освіти. – 2008. – № 20. – С. 94–100.
- [12] Белоножко М.Л., Абрамовский А.Л. Развитие дистанционного высшего образования в мире на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – № 24 (353). – С. 88–90.
- [13] Тип восприятия: визуалы, аудиалы, кинестетики, дискретны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rub-rpc.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1691%3A2019-09-23-08-08-26&catid=39%3A2017-03-15-03-00-31&Itemid=234.
- [14] Половина педагогов оказались не готовы к переходу на дистанционное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/polovina-pedagogov-okazalis-ne-gotovy-k-perekhodu-na-distantcionnoe-obuchenie/>.

References

- [1] Traditional education. Retrieved from http://cyclowiki.org/wiki/Traditional_learning.
- [2] Traditional training system. Retrieved from <https://zaochnik.com/spravochnik/pedagogika/teorija-obucheniya/traditsionnaja-i-razvivajuschaja-sistema-obucheniya/>.

- [3] Vrublevskaya, E.G. (2006). *Humanitarian foundations of pedagogical activity*. Khabarovsk: Publishing house DVAGS.
- [4] Telegin, M.V. Apologetics of traditional education. Retrieved from <http://mtelegin.ru/tradition/apologet/171-glava1?start=21>.
- [5] Telegin, M.V. Traditional pedagogy in an innovative school (program of advanced training courses for teachers). Retrieved from <http://www.mtelegin.ru/tradition/tradiciinnovacii>.
- [6] Ilyin, G.L. (2009). Developmental training or developmental education? *Bulletin of MGGU*, 4, 90-101.
- [7] Bondareva, O.V. (2015). The concept of “Distance learning”: content and essence. *Actual Problems of Modern Science*, 3, 151-153.
- [8] Distance education. Retrieved from <http://www.fio.vrn.ru/2005/6/6.htm>.
- [9] Distance learning: essence and content. Retrieved from <https://scibook.net/obrazovatelyie-tehnologii-sovremennyie/distantcionnoe-obuchenie-suschnost-45766.html>.
- [10] Definitions of distance learning for Russian specialists. Retrieved from http://social-orthodox.info/pages/5_6_distancion_obuch_opred.htm.
- [11] Bitchenko, O., & Myasnikov, S. (2008). Distance education. Definition, Advantages, Problems of Implementation. *Problems of Engineering and Pedagogical Education*, 20, 94-100.
- [12] Belonozhko, M.L., & Abramovskiy, A.L. (2014). Development of distance higher education in the world at the present stage. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*, 24(353), 88-90.
- [13] Type of perception: visuals, audials, kinesthetics, discretetes. Retrieved from http://rubrpc.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1691%3A2019-09-23-08-08-26&catid=39%3A2017-03-15-03-00-31&Itemid=234.
- [14] Half of the teachers were not ready for the transition to distance learning. Retrieved from <https://nafi.ru/analytics/polovina-pedagogov-okazalis-ne-gotovy-k-perekhodu-na-distantcionnoe-obuchenie/>.

Получена / Submitted: 06/10/2020

Доработана / Revised: 13/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 27/11/2020

УДК 316.4

ОГРАНИЧЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ САМОИЗОЛЯЦИИ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Диана Александровна Калугина¹, Виолетта Юрьевна Черкасова¹

¹Кафедра теории и социологии управления, Уральский институт управления, Филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность проблемы преодоления обществом постоянно возникающих угроз безопасности значительно возросла с возникновением и распространением опасных инфекций. Данная проблема имеет не только медицинский, но и экономический, политический, социальный аспекты. Социология безопасности позволяет проанализировать изменения социальных институтов и процессов, связанных с жизнеобеспечением общества. Социологический опрос в форме анкетирования, проведенный в рамках предметного поля социологии безопасности, направлен на выявление отношения населения Свердловской области к ограничительным мерам, связанным с пандемией. Исследование показало достаточно противоречивое отношение жителей области к требованиям самоизоляции, опасение за ее последствия и недоверие к официальной информации. Авторы исследования полагают, что информация о самоощущении граждан, оценке ими режима самоизоляции и его последствий, доверии к органам власти, позволит принять меры, которые повысят лояльность населения к принимаемым решениям в целях обеспечения безопасности.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, обеспечение безопасности, режим повышенной готовности, социальная напряженность, удаленная работа, доверие к официальной информации.

Restrictions and Consequences of Self-Isolation in the Perception of the Population of the Sverdlovsk Region According to the Results of a Sociological Study

Diana A. Kalugina¹, Violetta Y. Cherkasova¹

¹Theory of Management and Sociology Department, Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The urgency of the problem of overcoming constantly emerging security threats by society has significantly increased with the emergence and spread of dangerous infections. This problem has not only medical, but also economic, political, and social aspects. Security sociology allows us to analyze changes in social institutions and processes related to the life support of society. The sociological survey in the form of a questionnaire conducted within the subject field of security sociology is aimed at identifying the attitude of the population of the Sverdlovsk region to restrictive measures related to the pandemic. The study showed a rather contradictory attitude of residents of the region to the requirements of self-isolation, fear for its consequences and distrust of official information. The authors of the study believe that information about the self-perception of citizens, their assessment of the regime of self-isolation and its consequences, trust in the authorities, will allow you to take actions that will increase the loyalty of the population to the decisions taken in order to ensure security.

Keywords: coronavirus pandemic, security, high alert, social tension, remote work, trust in official information.

Введение

Проблема пандемии коронавируса, с которой столкнулся весь мир, проверила на прочность системы и институты жизнеобеспечения общества [1; 2]. Правительства большинства стран, как правило, связывали благополучие и безопасность своих граждан с развитой экономикой, инновационными технологиями, вооружением армии. Влияние природных рисков

рассматривалось с точки зрения угрозы стихийных бедствий, катастроф, изменения климата и тому подобное [3], где под «опасными природными явлениями» понимаются «события природного происхождения, которые по своей интенсивности, масштабам и/или продолжительности могут оказать негативное воздействие на жизнедеятельность людей, функционирование объектов экономики и окружающую среду» [4].

Однако в последние годы в политических и социологических дискуссиях часто поднимается вопрос о трансграничных угрозах инфекционных заболеваний. Эти дискуссии посвящены в первую очередь угрозам безопасности здоровья, наборам рисков и действий при их возникновении [5–7]. Глобальный характер угрозы эпидемиологической безопасности приобрели в связи с распространением вирусов Эбола, Зика, атипичной пневмонии и тому подобное. В большинстве случаев эти болезни возникали в странах с низким уровнем дохода. Анализируя меры, принятые для преодоления угроз распространения инфекций, исследователи пришли к выводам, что наиболее распространенной практикой являются краткосрочные «неоколониальные» меры, направленные на защиту национальных границ государств с высоким уровнем дохода, в то время как проблема требует долгосрочного подхода, основанного на наблюдении и совместных усилиях разных стран [8].

Аналоги современным событиям чаще всего находят в пандемии «испанки» начала XX века или эпидемии чумы в средневековой Европе. В российских и зарубежных статьях текущего периода в качестве ключевых чаще всего встречаются слова «готовность к пандемии», «социальная дистанцированность», «самоизоляция», «безопасный карантин», «глобальная безопасность», «общинная передача», «медико-санитарные правила» и тому подобное [1; 2; 9]. Ситуация нередко характеризуется как «беспрецедентная». Таким образом, качественно новые вызовы актуализируют проблему безопасности общества в связи с угрозами трансграничных инфекций.

В первую очередь это, безусловно, проблема медицины, однако коронавирус угрожает не только здоровью. В рекордные сроки он разрушил привычный человеку мир: жизненный уклад, режим труда, свобода передвижения, доступ к товарам и услугам, уровень благосостояния, социальные контакты и тому подобное — все это кардинально изменилось в течение пары недель. Резко обострились основные социальные и экономические проблемы, возникли сомнения в способности власти справиться с ситуацией. Следовательно, проблема безопасности должна рассматриваться комплексно — как объект управленческого [10], экономического [11; 12], психологического [13], правового [14] и социологического знания [15–19]. О.Д. Огий замечает, что «наиболее существенной, определяющей характеристикой развития общественных наук является институционализация гуманитарного, “человекоцентристского” понимания безопасности как актуальнейшей проблемы современности и будущего» [17].

Социология безопасности прошла свой путь институционализации и заняла самостоятельное место в системе социологического знания [19–23]. Область исследования социологии безопасности, по мнению В.Н. Кузнецова, предполагает «изучение отношений между людьми, между людьми и общественными институтами по поводу проблем жизнеобеспечения», а предметное поле «включает анализ изменений основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах общественной жизнедеятельности» [19].

Материалы и методы

Группа социологов, в которую входили авторы данной статьи, провела исследование, позволяющее определить отношение населения Свердловской области к ограничениям и последствиям самоизоляции. Метод исследования — анкетирование с использованием Google-опросника. Всего были опрошены 1000 человек от 17-ти до 64-х лет, проживающих на территории Свердловской области. Выборка квотная, половозрастная. Данные обработаны при помощи Vortex 10. Исследование проводилось в апреле 2020 года, когда самоизоляция

была в самом разгаре. Объектом исследования является население Свердловской области в возрасте от 17-ти до 64-х лет. Предмет исследования: восприятие населением области ограничений, связанных с режимом самоизоляции, и их последствий. Цель исследования: анализ самоощущения населения Свердловской области в условиях самоизоляции, его отношение к мерам по обеспечению безопасности и их последствиям, доверия к официальной информации.

Изучив отношение социальных факторов к степени опасности и связанных с ней ограничений, можно оценить возможные реакции на действия власти по преодолению опасной ситуации и принять меры по формированию лояльных настроений. Это особенно актуально в условиях полного или частичного возобновления ограничений в связи с прогнозируемыми рисками возникновения второй и третьей волн инфекции.

Для достижения цели исследования были сформированы блоки вопросов анкеты по следующим направлениям:

- информированность населения о содержании мер самоизоляции и соблюдение режима;
- самоощущение граждан в условиях самоизоляции;
- поддержка гражданами правил самоизоляции, оценка проявившихся и возможных последствий;
- изменение дохода и режима работы людей в результате введения самоизоляции;
- доверие к официальной информации.

Результаты и обсуждение

Первая проблема возникла в восприятии населением понятия: что же означает самоизоляция при режиме повышенной готовности? Большая часть опрошенных (85,8 %) согласна с тем, что это значит без острой необходимости не выходить из дома, максимально ограничить контакты с другими людьми и пользоваться защитными средствами. Незначительная часть респондентов (3,2 %) уверена, что нельзя ни при каких обстоятельствах выходить на улицу, а необходимые продукты и лекарства заказывать с доставкой. Оставшаяся группа респондентов (11,0 %) полагает, что можно вести обычный образ жизни, гулять по улице, ходить в магазины, но не посещать массовые мероприятия. То есть 11 % населения, уже в первый месяц самоизоляции, допускали для себя возможность нарушения данных условий. Вольная трактовка понятия, неоднозначность принятых решений органов власти, опасение за экономическое благополучие вносили сумятицу в умы людей.

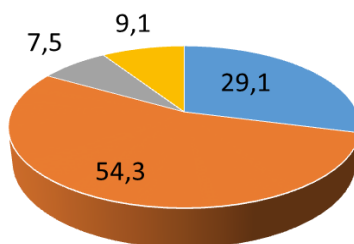
На прямой вопрос «Соблюдаете ли вы режим самоизоляции?» ответы распределились следующим образом (рисунок 1).

Соблюдают полностью установленный режим менее трети опрошенных (29,1 %), в основном соблюдают — 54,3 %, часто нарушают — 7,5 % и не соблюдают — 9,1 %. Также можно сделать вывод, что женщины гораздо более дисциплинированы, нежели мужчины (соблюдают полностью — 34,5 % женщин и 23,1 % мужчин, не соблюдают — 5,2 % женщин и 13,4 % мужчин). Это может быть связано с психологическими особенностями пола: женщины более осторожны и благоразумны, кроме того, они больше заботятся о детях и других родственниках. Мужчины, являясь по большей части добытчиками в семье, вынуждены пытаться решить материальные проблемы, пренебрегая опасностью заразиться коронавирусом.

Среди возрастных групп самыми легкомысленными, естественно, являются молодые люди (в возрасте от 17-ти до 24-х лет), именно они чаще всего нарушают правила самоизоляции. Из них: соблюдают полностью — 23,7 %, в основном соблюдают — 52,6 %, часто нарушают — 13,2 %, не соблюдают — 10,5 %.

Психологическое и физическое самочувствие респондентов на самоизоляции также достаточно сильно различается (рисунок 2).

Соблюдение режима самоизоляции

- Да, соблюдаю полностью
- Да, в основном соблюдаю
- Часто нарушаю
- Не соблюдаю

Рисунок 1. Соблюдение режима самоизоляции, %

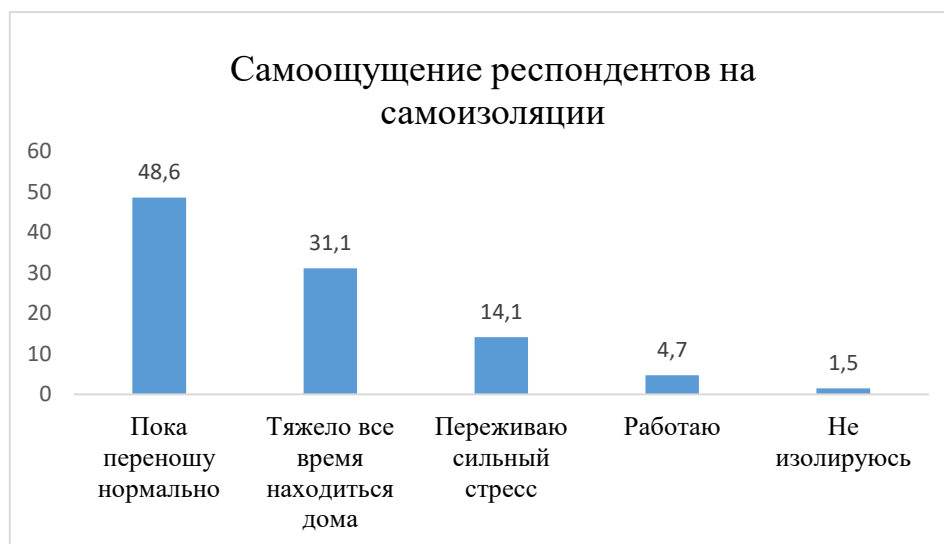

Рисунок 2. Самоощущение респондентов на самоизоляции, %

Почти половина опрошенных (48,6 %) переносит самоизоляцию нормально, практически треть (31,1 %) говорит о том, что все время находиться дома тяжело, 14,1 % респондентов переживают сильный стресс, оставшиеся 6 % не страдают от самоизоляции, так как либо работают, либо игнорируют её. Принципиальных различий по полу и возрасту в ответах на данный вопрос не обнаружено.

Правила самоизоляции, объявленные в Свердловской области, поддерживает существенная часть ответивших (43,3 %), 16,7 % считают их недостаточными, 27,4 % — чрезмерными, 1,8 % — противоречивыми, 0,7 % утверждают, что правила бесполезны и «всем плевать», 10,1 % затруднились ответить.

Среди причин ощущения чрезмерности правил, респонденты называют: «ущерб экономике страны» (64,4 % ответивших), «самоизоляция очень тяжело переносится психологически» (40,6 %), «из-за этих правил я потерял или могу потерять работу» (39,6 %). Также 32,9 % не считают коронавирусную инфекцию опасной. Другие причины, с существенно меньшим распределением: «отсутствует должная поддержка населения и бизнеса государством»; «это нарушение законодательства, принуждение»; «перегибы со штрафами и вмешательством силовых структур»; «ограничение физической активности и кислорода приводит к ослаблению иммунитета»; «нужно разрешить гулять и заниматься спортом»; «данные правила противоречивы и непонятны».

Соответственно, больше четверти респондентов видят угрозу в самоизоляции, зачастую большую, чем в самом коронавирусе.

Респонденты, считающие, что введенных правил недостаточно, предлагают реализовать следующие «крайние» меры: «ввести режим чрезвычайной ситуации и карантин» (25,8 %); «ужесточить контроль и санкции» (24,2 %); «ввести более жесткие ограничения на выход из дома» (16,4 %); «ввести пропускную систему» (10,9 %); «выдать деньги населению» (9,4 %); «абсолютно запретить выход из дома» (6,3 %); «увеличить число патрулей» (6,3 %); «закрыть выезд и въезд из других регионов». Некоторые мнения респондентов указывают на серьёзную агрессию внутри общества к тем, кто не согласен с правилами. Например, был такой вариант: «Жителей многоэтажных домов, в городах, заблокировать в домах путем заваривания входных дверей, ведущих в подъезд». Кроме того, в ответах встречалось много ненормативной лексики, чувствовалось раздражение респондентов.

Особенно депрессивными оказались ответы на вопрос про возможные «издержки», последствия самоизоляции (рисунок 3).

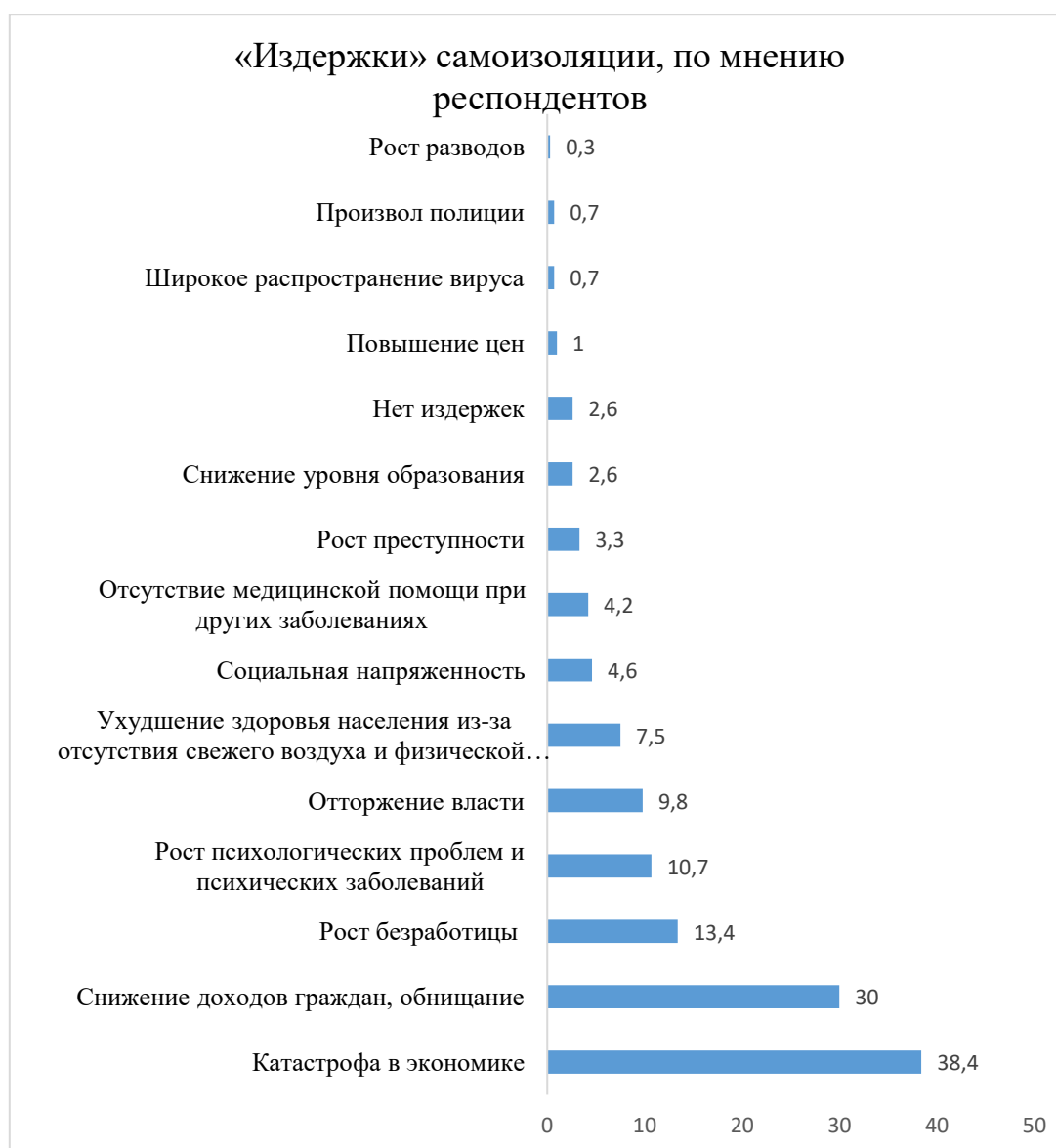

Рисунок 3. «Издержки» самоизоляции, по мнению респондентов, % (открытый вопрос, возможно несколько вариантов ответа)

На первом месте — «предсказание» катастрофы в экономике (38,4 %), непосредственно связаны с этим снижением доходов граждан, обнищание (30 %) и рост безработицы (13,4 %). Интересно, что катастрофу в экономике в большей степени предсказывают молодые респонденты (от 17-ти до 24-х лет) — таких 59,1 %, что существенно выделяется на общем фоне. Это может быть связано с клише, навязанном СМИ: молодые люди идут за громкими абстрактными заголовками, не всегда осознавая, что за этим стоит.

Самоизоляция породила усугубление психологических проблем и психических расстройств. Постоянная необходимость находиться дома с близкими родственниками привела к росту домашнего насилия и постоянному стрессу. В дальнейшем респонденты прогнозируют еще большее увеличение психологических проблем и психических заболеваний (10,7 %).

Также опрошенные демонстрируют отторжение власти (9,8 %), что пересекается с результатами исследования независимой исследовательской группы С. Белановского. В своем исследовании С. Белановский утверждает, что большинство опрошенных, по результатам современной коронавирусной политики, испытывают большое раздражение к органам власти и лично к Президенту [24]. В соответствии с полученными нами данными, существенное неприятие по отношению к власти формируется у средней возрастной категории (35–44 года) — 16,4 %. Молодых людей (17–24 года) отношения с властью совершенно не волнуют — (0 %), у остальных возрастных категорий населения данный показатель находится на уровне 10 %.

Согласно нашему исследованию, к не радужным перспективам респонденты относят и ухудшение физического здоровья из-за отсутствия свежего воздуха, физической активности, а также постоянного стресса (7,5 %). Многие не понимают, почему людям не разрешается гулять и заниматься спортом при соблюдении социальной дистанции.

Кроме того, респондентов волнуют рост социальной напряженности в обществе (4,6 %), а также отсутствие медицинской помощи при других заболеваниях (4,2 %). Появилось множество публикаций в СМИ и свидетельств очевидцев того, как скорая помощь приезжает через несколько часов или даже суток к людям, которые переживают инфаркт, инсульт или гипертонический криз. На менее опасные ситуации медики могут просто не реагировать. Все это нагнетает обстановку и добавляет ощущение беспомощности и паники.

Разгул преступности прогнозируют 3,3 % респондентов. Многие люди в условиях самоизоляции остались без работы и средств к существованию, что может спровоцировать их искать другие пути решения насущных вопросов.

Еще одна серьезная угроза современному обществу — снижение уровня образования, так полагают 2,6 % респондентов. Дистанционные технологии не в состоянии полноценно заменить прямой контакт учителя и ученика, преподавателя и студента. К тому же далеко не все школы и вузы в Российской Федерации используют полноценное удаленное образование (систему вебинаров), многие ограничиваются электронной почтой и мессенджерами. Качество образования совершенно не беспокоит молодые возрастные группы (0 %) от 17-ти до 24-х и от 25-ти до 34-х лет. Однако данный вопрос тревожит представителей старшего поколения, особенно 45–64-х лет (4,8 %) — поколение родителей и бабушек и дедушек современных школьников и студентов.

2,6 % опрошенных полагают, что критических последствий самоизоляции не случится. В большей степени так считают самая юная (17–24) и самая старшая (55–64) возрастные категории — 4,8 %. Молодежь, видимо, в силу присущего ей оптимизма, а пожилые люди больше надеются на Президента и органы власти.

Не добавляет позитивного прогноза и ухудшение благосостояния респондентов (рисунок 4).

Около трети опрошенных утверждают, что их доход существенно не изменился или даже увеличился (30,8 и 1 % соответственно). Однако большая часть людей, участвующих в исследовании (67,3 %), пострадала от последствий самоизоляции. Из них почти у 20 % доходов нет, и средств к существованию либо не осталось совсем (12,5 %), либо осталось

только на ближайшее время (6,7 %). Также есть небольшая часть респондентов (0,9 %), которая пока не потеряла доход, но, видимо, предчувствует ухудшение ситуации в будущем, ими был дан ответ «пока не знаю». Согласно распределению по полу, мужчины пострадали материально больше, чем женщины. Возможно, это связано с тем, что больше всего потерь от самоизоляции понесла сфера малого и среднего бизнеса, в которой в более существенной степени заняты мужчины [25]. Только 23,9 % мужчин ответили, что «существенных изменений в доходах не произошло» (в сравнении с 32,1 % женщин). «Доход снизился, но незначительно» — утверждают 26,1 % мужчин и 19,3 % женщин. Вариант «доходы сильно снизились, но на необходимое пока хватает», выбрали 24,4 % мужчин и 26,7 % женщин. О том, что «доходов нет, а средства к существованию остались только на ближайшее время», говорят 14,5 % мужчин и 10,7 % женщин. Крайний вариант «средств к существованию не осталось совсем» выбрали 8,2 % мужчин и 5,3 % женщин.

Рисунок 4. Изменение материального положения семей респондентов, %

Около трети опрошенных утверждают, что их доход существенно не изменился или даже увеличился (30,8 и 1 % соответственно). Однако большая часть людей, участвующих в исследовании (67,3 %), пострадала от последствий самоизоляции. Из них почти у 20 % доходов нет, и средств к существованию либо не осталось совсем (12,5 %), либо осталось только на ближайшее время (6,7 %). Также есть небольшая часть респондентов (0,9 %), которая пока не потеряла доход, но, видимо, предчувствует ухудшение ситуации в будущем, ими был дан ответ «пока не знаю». Согласно распределению по полу, мужчины пострадали материально больше, чем женщины. Возможно, это связано с тем, что больше всего потерь от самоизоляции понесла сфера малого и среднего бизнеса, в которой в более существенной степени заняты мужчины [25]. Только 23,9 % мужчин ответили, что «существенных изменений в доходах не произошло» (в сравнении с 32,1 % женщин). «Доход снизился, но незначительно» — утверждают 26,1 % мужчин и 19,3 % женщин. Вариант «доходы сильно снизились, но на необходимое пока хватает», выбрали 24,4 % мужчин и 26,7 % женщин. О том, что «доходов нет, а средства к существованию остались только на ближайшее время» говорят 14,5 % мужчин и 10,7 % женщин. Крайний вариант «средств к существованию не осталось совсем» выбрали 8,2 % мужчин и 5,3 % женщин.

Согласно результатам исследования, треть опрошенных (35,4 %) отметили, что работают удаленно. Продолжают работать как раньше 33,3 % респондентов. Остальные (31,3 %) заявили, что не работают. В целом население относится к удаленной работе достаточно положительно (рисунок 5). В условиях, когда многие остались без работы вообще, удаленная работа большинству представляется достаточно приемлемым и безопасным вариантом. Поддерживают ее 28,6 % респондентов, скорее положительно относятся 32,9 %, скорее отрицательно — 22,1 % и 10,5 % настроены негативно по отношению к удаленной работе.

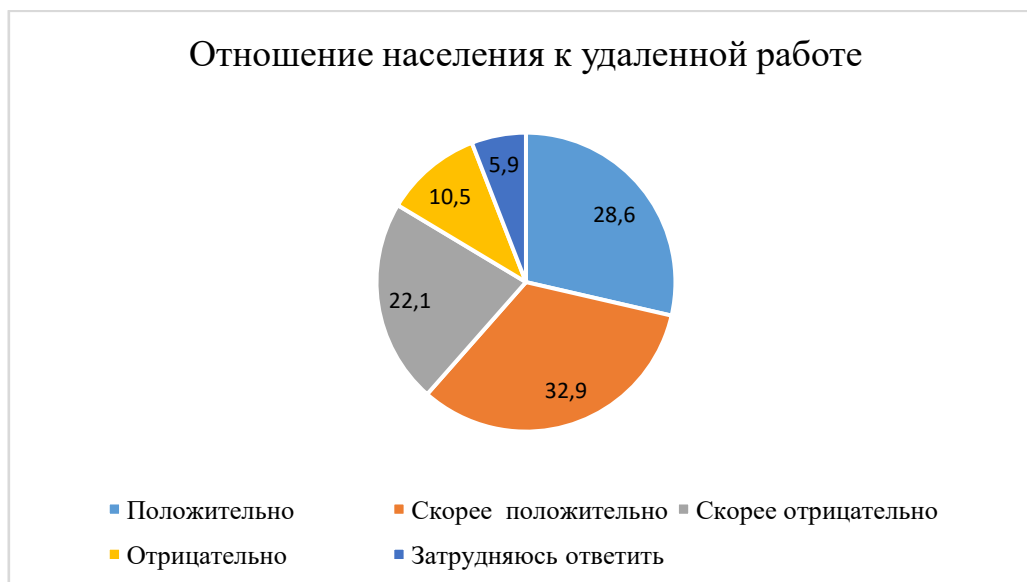

Рисунок 5. Отношение населения к удаленной работе, %

В условиях, когда многие остались без работы вообще, удаленная работа большинству представляется достаточно приемлемым и безопасным вариантом. Поддерживают ее 28,6 % респондентов, скорее положительно относятся 32,9 %, скорее отрицательно — 22,1 % и 10,5 % настроены негативно по отношению к удаленной работе.

Причинами отрицательного отношения могут выступать трудности, которые мешают работать удаленно. Среди них опрошенные прежде всего отмечают необходимость дополнительного технического обеспечения (40,9 %) и увеличение объема работы (33,7 %). Как правило, работодатели не обеспечивают своих подчиненных необходимой техникой и тратиться на покупку оборудования приходится самим. Также многим руководителям кажется, что невозможность «напрямую» контролировать подчиненных приводит к их безделью, и они стараются максимально загрузить их работой.

Некоторые респонденты говорят, что рабочий день на «удаленке» бесконечен, поэтому у них не бывает свободных вечеров и даже выходных. Часто работать дома мешают члены семьи (32,0 %), очень трудно сочетать удаленную работу с воспитанием маленьких детей и делить технику со школьниками, которым надо учиться. К тому же у большинства населения жилищные условия далеки от желаемых N+1 (где N — это количество членов семьи) и рабочий кабинет дома является непозволительной роскошью.

Другим опрошенным сложно организовать свой рабочий день самостоятельно. С такой проблемой столкнулись 13,1 % респондентов. Возможность не вставать рано, отвлечение на домашние дела и находящиеся под рукой соблазны в виде телевизора и неконтролируемого Интернета многим мешают сосредоточиться на работе.

Еще одной раздражающей «удаленщиков» трудностью стала необходимость намного чаще отчитываться перед руководителем. На это пожаловались 12,3 % граждан Свердловской области из числа принявших участие в исследовании. Данная проблема также связана со сложностью контроля дистанционной работы.

Вариант «проблем никаких нет, мне все нравится» выбрали 22,9 % респондентов. Несколько опрошенных сформулировали свой ответ «проблем нет, но мне не нравится».

Среди оставшихся выделенных сложностей удаленной работы с менее значимым распределением ответов присутствуют следующие: «уменьшение заработка» (за удаленную работу некоторым меньше платят), «ухудшение зрения от постоянного сидения за компьютером и физического самочувствия вообще», «мешают соседи», «увеличилось потребление электроэнергии», а также «трудно решать многие вопросы дистанционно».

Трансформацию изменения отношения к власти демонстрируют ответы на вопросы о доверии к информации, которую сообщают официальные лица Свердловской области и Российской Федерации. Доверяют информации, которую сообщают официальные лица Свердловской области, 58,5 % респондентов, официальным лицам на уровне Российской Федерации доверяет немного меньшее число респондентов — 54,5 %. Недоверие к информации от региональных руководителей демонстрируют 31,6 % опрошенных, а федеральным органам власти не верят 36,5 %. Предыдущие исследования «докоронавирусной эпохи» демонстрировали обратную тенденцию (исследования АНО исследовательского центра «Аналитик», в которых авторы принимали участие) — уровень доверия к федеральной власти всегда был выше, чем к региональной.

Выводы

В обществе сложилось противоречивое отношение к соблюдению требований самоизоляции. В зависимости от своего видения ситуации каждый человек самостоятельно принимает решение соблюдать или не соблюдать, бояться или не бояться. Общество разделилось на два оппозиционных лагеря — за самоизоляцию и против нее. Для многих самоизоляция сопровождается ухудшением физического и психоэмоционального состояния. Жители области зачастую опасаются издержек самоизоляции больше, чем самого вируса. Население в целом довольно пессимистично смотрит в «постсамоизоляционное» будущее и прогнозирует социально-экономические, криминальные, физиологические и психологические проблемы. Наибольшие страхи связаны с грядущими проблемами в экономике и ростом безработицы. Экономические последствия самоизоляции, такие как потеря работы и снижение зарплаты, уже в конце апреля 2020 года негативно сказались на большей части жителей Свердловской области. Необходимость нахождения «в четырех стенах» приводит к росту домашнего насилия и стрессовому состоянию.

Для многих выходом из сложной эпидемиологической и экономической ситуации является удаленная работа. Однако и ее нельзя назвать панацеей, так как она имеет много недостатков и свою специфику, связанную с новыми требованиями работодателя, сложностью самоорганизации и неприспособленности домашних условий для выполнения трудовых функций. Принятые органами власти РФ меры по защите от коронавирусной инфекции не всегда встречали поддержку со стороны населения. На фоне общей усталости и напряжения растет недоверие к информации, транслируемой властью, и раздражение в ее адрес. Уровень доверия к органам власти и результативности их деятельности снижается вместе с продлением сроков самоизоляции.

Таким образом, принимая управленческие решения по обеспечению безопасности, следует учитывать возможную негативную реакцию социума. Органам власти федерального и регионального уровней необходимо четко разъяснять ситуацию и информировать граждан о предпринимаемых действиях, избегая неоднозначных трактовок и общих фраз. Заручиться добровольной поддержкой населения власть может в результате успешных мер, способных вызвать лояльность к ее решениям, надежду на благополучное преодоление угроз, связанных с эпидемией и ее последствиями. Значение имеют также совместные усилия исследователей и политиков разных стран, исключая попытки получения конкурентных преимуществ в период общего бедствия. Глобальный, трансграничный и затяжной характер возникшей угрозы требует от мирового сообщества и каждого человека ответственности, умения взаимодействовать, осознанно подчиняясь требованиям, позволяющим преодолеть опасность.

Библиографический список

- [1] Guest Authors. Pandemics and Health Emergencies: A Teach. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thedisorderofthings.com/2020/03/25/pandemics-and-health-emergencies-a-teach-in/> (дата обращения 11.06.2020).
- [2] Волков Д. Проверка на прочность для власти: что россияне думают о пандемии коронавируса // Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forbes.ru.turbopages.org/s/forbes.ru/obshchestvo/395427-proverka-na-prochnost-dlya-vlasti-chto-rossiyane-dumayut-o-pandemii-koronavirusa> (дата обращения 11.06.2020).
- [3] Желонкина Е.Э., Пафнutowa Е.Г., Бойценюк Л.И. Создание и анализ математической модели антропогенного воздействия на локальную экологическую систему // В сборнике: Биологическое разнообразие – основа устойчивого развития Материалы международной научно-практической конференции. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет. 2019. – С. 70-77.
- [4] Осипов В.И., Шойгу С.К., Владимиров В.А. и др. Природные опасности России. Т.1: Природные опасности и общество / Под ред. В.А. Владимирова [и др.]. – Москва: – КРУК, 2002. – 245 с.
- [5] Макарова Е.А. Стихийные бедствия как вызов мировой экономической системе // Публикации ВШЭ. Управление риском. – 2012. – № 3. – С. 53–63.
- [6] Порфирьев Б.Н. Экономика природных катастроф // Мир новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 21–40.
- [7] Rushton S. Global Health Security: Security for whom? Security from what? // Political Studies. – 2011. – Vol. 59, № 4. – P. 779–796. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1467-9248.2011.00919.x> (дата обращения: 19.06.2020).
- [8] Flahault F., Wernli D., Tanner M. From global health security to global health solidarity, security and sustainability // Bulletin of the World Health Organization. – 2016. – № 94. – С. 863. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.16.171488> (дата обращения: 19.06.2020).
- [9] Fischer J. The Virus that Changed the World // Project Syndicate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-virus-that-changed-the-world-by-joschka-fischer-2020-04> (дата обращения: 20.06.2020).
- [10] Аксенова М.А. Государственное регулирование системы жизнеобеспечения населения как фактор снижения социальных рисков // Центральный научный вестник. – 2017. – Т.2, № 23S (40S). – С. 3–4.
- [11] Липенков А.Д. Экономический аспект системы жизнеобеспечения общества // Вестник Челябинского университета. – 2004. – № 1. – С. 34–37.
- [12] Келарев В.В., Павлюкова А.В., Васильева Ю.А. Методологические аспекты управления региональной экономической безопасностью // Государственное и муниципальное управление. – 2018. – № 4. – С. 49–55.
- [13] Пацакула И.И., Зайчикова И.В., Хачикян Е.И. Психологическая безопасность личности в контексте учета психологической сущности угроз // Успехи современной науки. – 2016. – № 7(11). – С. 75–77.
- [14] Юдина Т.Н., Фролова Е.В., Танатова Д.К., Долгорукова И.В., Родимушкина О.В. Безопасность личности и виктимные опасения / Социология безопасности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. XX, № 1 (89). – С.129–145.
- [15] Абрамовский А.Л., Ребышева Л.В. Дистанционные образовательные технологии и трансформация высшего образования в условиях пандемии COVID-19: возможности, вызовы, перспективы // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 43–52.
- [16] Хаджаров М.Х. Социология безопасности: Россия в эпоху смены мировых порядков // Вестник ОГУ. – 2012. – №1 (137). – С. 74–80.

- [17] Огий О.Г. Безопасность в системе социологического знания // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 1 (20). – С. 207–216.
- [18] Спирина А.С., Максимова С.Г. Состояние безопасности и доверия в приграничных регионах России: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 53–62.
- [19] Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. Москва: Республика, 2002. – 423 с.
- [20] Зубков В. Социологическая теория риска. – Москва: РУДН, 2003. – 230 с.
- [21] Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.
- [22] Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS – 1994. – Вып. 5. – С. 107–134.
- [23] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
- [24] Независимая исследовательская группа «Группа Белановского». Новый спектр политических настроений в Российском обществе в 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROEN-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения 27.04.2020)
- [25] Баскакова М.Е. Гендерная асимметрия малого бизнеса (на примере Москвы) // Мир новой экономики. – 2019. – № 13(3). – С. 100–110.

References

- [1] Guest authors. Pandemics and Health Emergencies: A Teach-In. (2020). Retrieved from <https://thedisorderofthings.com/2020/03/25/pandemics-and-health-emergencies-a-teach-in/>.
- [2] Volkov, D. Checking for strength for power: what Russians think about the coronavirus pandemic. *Forbes*. Retrieved from <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/obshchestvo/395427-proverka-na-prochnost-dlya-vlasti-cto-rossiyane-dumayut-o-pandemii-koronavirusa>.
- [3] Zhelonkina, E.E., Pafnutova, E.G., Boytsenyuk, L.I. (2019). Creation and analysis of a mathematical model of anthropogenic impact on the local ecological system. In *Biological diversity – the basis for sustainable development Materials of the international scientific and practical conference* (pp. 70-77). Grozny: Chechen State Pedagogical University.
- [4] Vladimirov, V.A. (2002). *Natural hazards and society*. Moscow: KRUK.
- [5] Makarova, E.A. (2012). Natural disasters as a challenge to the world economic system. *Publications of the HSE. Risk Management*, 3, 53-63.
- [6] Porfiriev, B.N. (2015) Economics of natural disasters. *The World of the New Economy*, 3, 21-40.
- [7] Rushton, S. (2011). Global Health Security: Security for whom? Security from what? *Political Studies*, 59(4), 779-796. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1467-9248.2011.00919.x>.
- [8] Flahault, F., Wernli, D., & Tanner M., (2016). From global health security to global health solidarity, security and sustainability. *Bulletin of the World Health Organization*, 94, 863. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.16>.
- [9] Fischer, J. The Virus that Changed the World. *Project Syndicate*. Retrieved from <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-virus-that-changed-the-world-by-joschka-fischer-2020-04>.
- [10] Aksenova, M.A. (2017). State regulation of the population's life support system as a factor of reducing social risks. *Central Scientific Bulletin*, 2, 23S (40S), 3-4.
- [11] Lipenkov, A.D. (2004). Economic aspect of the society's life support system. *Bulletin of Chelyabinsk University*, 1, 34-37.
- [12] Kelarev, V.V., Pavlyukova, A.V., & Vasilieva, Yu.A. (2018). Methodological aspects of regional economic security management. *State and Municipal Management*, 4, 49-55.

- [13] Patsakula, I.I., Zaychikova, I.V., & Khachikyan, E.I. (2016). Psychological security of the individual in the context of accounting for the psychological essence of threats. *Advances in Modern Science*, 7(11), 75-77.
- [14] Yudina, T.N., Frolova, E.V., Tanatova, D.K., Dolgorukova, I.V., & Rodimushkina, O.V. (2017). Personal Security and victim fears. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XX(1(89)), 129-145.
- [15] Abramovsky, A.L., & Rebysheva, L.V. (2020). Distance education technologies and transformation of higher education in the context of the COVID-19 pandemic: opportunities, challenges, prospects. *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, 13(2), 43-52.
- [16] Hedgerow, M.H. (2012). Sociology of security: Russia in the era of changing world order. *OSU Bulletin*, 1(137), 74-80.
- [17] Ogiy, O.G. (2011). Security in the system of sociological knowledge. *Bulletin of TOGU*, 1 (20), 207-216.
- [18] Spirina, A.S., & Maximova, S.G. (2020). The State of security and trust in the border regions of Russia: based on the results of a sociological study. *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, 13, 2, 53-62.
- [19] Kuznetsov, V.N. (2002). *Sociology of security: Formation of security culture in a transforming society*. Moscow: Respublika.
- [20] Zubkov, V. (2003). *Sociological theory of risk*. Moscow: RUDN.
- [21] Luman, N. (1994). Concept of risk. *THESIS*, 5, 135-160.
- [22] Giddens, E. (1994). Fate, risk and safety. *THESIS*, 5, 107-134.
- [23] Beck, U. (2000). *Risk society. On the way to another modern*. Moscow: Progress-Tradition.
- [24] Independent research group "Belanovsky Group". *A new range of political attitudes in Russian society in 2020*. Retrieved from <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf>
- [25] Baskakova, M.E. (2019). Gender asymmetry of small business (on the example of Moscow). *World of the New Economy*, 13(3), 100-110.

Получена / Submitted: 01/10/2020

Доработана / Revised: 16/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 30/11/2020

УДК 342.25.(1-22)

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Алена Анатольевна Попкова¹, Юрий Михайлович Конев²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Тюменская областная Дума, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные вызовы и возможности управления комплексным устойчивым развитием сельских территорий. Анализируются ключевые направления развития сельских территорий через трансформацию системы местного самоуправления, а также выстроенных федеральных ориентиров развития села. На основе проведенного анализа определено, что инициативы жителей и их включенность в процесс управления стали одним из главных ориентиров системы управления территорией. Обосновывается, что, несмотря на формируемые возможности, жители неактивно включаются в разработку инициатив по развитию территории, в том числе в Тюменской области. В статье обоснованы и систематизированы положения о необходимости активизации вовлечения ресурсов населения в систему развития сельских территорий, обеспечивающих выстраивания партнерских отношений между органами местного самоуправления, жителями и бизнес-сообществом, как базового условия комплексного устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельская территория, инициативы жителей, местное самоуправление.

Rural Development Management: Challenges and Opportunities

Alena A. Popkova¹, Yury M. Konev²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Tyumen Region Duma, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. This article examines the current challenges and opportunities for managing the integrated sustainable development of rural areas. The key directions of the development of rural areas through the transformation of the system of local self-government, as well as the built federal guidelines for the development of the countryside are analyzed. On the basis of the analysis, it was determined that the initiatives of residents and their involvement in the management process have become one of the main guidelines of the territory management system. It is substantiated that, despite the opportunities being formed, residents are inactively involved in the development of initiatives for the development of the territory, including in the Tyumen region. The article substantiates and systematizes the provisions on the need to activate the involvement of the population's resources in the development of rural areas, ensuring the building of partnerships between local authorities, residents and the business community, as a basic condition for integrated sustainable development.

Keywords: sustainable development, rural areas, residents' initiatives, local government.

Введение

Современные тенденции общественного развития запустили процесс масштабных перемен в сельских территориях в нашей стране. По заявлению главы Минсельхоза В. Н. Патрушева, «в сложившихся сегодня условиях начинают формироваться новые тенденции, влияющие на экономику сельских территорий» [1]. Обстановка, связанная с пандемией, привела к массовому переходу на дистанционный режим работы городского населения, которое стало задумываться о возможностях переезда в сельскую местность.

Кроме того, реализация государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» позволила создать условия для активизации региональных органов власти, органов местного самоуправления и населения сельских территорий в различных регионах страны по разработке и реализации проектов, направленных на развитие социальной и инженерной инфраструктуры, комплексное благоустройство, создание комфортной среды проживания. Так, несмотря на сложную социально-экономическую обстановку, в 2020 году в рамках реализации государственной программы осуществляется реализация 132 проектов, направленных на строительство, ремонт и реконструкцию социальных объектов и инфраструктуры, благоустройство территорий, закупку транспорта для села и многое другое. Это свидетельствует об актуализации вопроса управления развитием сельских территорий как для федеральных органов, так и для муниципалитетов. Ключевой задачей в управлении развитием сельских муниципалитетов, определенной на федеральном уровне, являются создание условий, способствующих прекращению оттока жителей из сельской местности, посредством комплексного мониторинга и выявления наиболее остро стоящих проблем для российских сел, таких как оценка качества их среды, включение населения в процесс развития территории, развитие жилищного строительства и повышение уровня благоустройства частных домовладений, содействие занятости сельского населения, развитие инженерной и транспортной инфраструктуры, благоустройства села, формирование современного облика данных территорий [2].

Исходя из вышеизложенного, цель статьи — анализ управления развитием сельских территорий в современных условиях, а также разработка научных выводов о вызовах и возможностях устойчивого развития данных территорий.

В ходе исследования были использованы нормативно-правовые акты, научные статьи, монографии, публикации отечественных ученых в исследуемой сфере.

Материалы и методы

Материалами к исследованию выступили тексты выступлений министра сельского хозяйства В.Н. Патрушева, государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий», аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации, отчетные материалы о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Тюменской области за 2019 год, информационные материалы о ходе выполнения в 2018 году мероприятий подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2025 гг.», государственной программы Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013–2025 гг., а также материалы интернет-конференции «Актуальные вопросы финансового участия граждан и организаций в реализации проектов, имеющих приоритетное значение для населения муниципального образования или его части» и другие. Для достижения цели и задач исследования были использованы методы системного анализа, анализа правовых документов, формально-логический, статистический анализ.

Основу материала для статьи составляет статистическая и социологическая информация, полученная в ходе анализа официальных источников, на базе результатов которого проведено эмпирическое исследование проектной деятельности инициативных жителей сельских территорий, позволившее систематизировать современные вызовы, стоящие перед системой управления развитием муниципальных образований, и обосновать расширение возможностей проектной деятельности в системе социально-экономического развития села.

Результаты и обсуждение

Исследование дефиниции «развитие сельских территорий» показало неоднозначность его трактовки. В целом под таким развитием в самом общем смысле определяют «взаимосвязанные процессы поступательного улучшения социальной и хозяйственной сферы в сельских территориях» [1]. Понятие «устойчивое развитие сельских территорий»

рассматривается скорее как заданное и спланированное направление деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и всего общества, включающее в себя решение организационными и правовыми методами взятых в комплексе проблем аграрной экономики, социальной жизни и охраны окружающей среды.

Управление развитием сельских территорий — это деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, направленная на формирование условий, обеспечивающих социально-экономические, политические и экологические изменения, способствующие повышению уровня и качества жизни населения, проживающего в сельской местности. В силу специфики территории Российской Федерации сельские муниципалитеты разнообразны по численности населения, площади, ресурсам развития. Рассматривая организационные условия управления развитием сельских территорий, можно утверждать, что первично они определяются особенностями реализации местного самоуправления в данных типах муниципальных образований.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в сельской местности преимущественно местное самоуправления территориально осуществляется в границах сельских поселений и муниципальных районов. По данным Министерства юстиции РФ, по состоянию на 1 марта 2019 г. в России образовано 17 304 сельских поселения и 1 728 муниципальных районов из 21 408 муниципальных образований, то есть около 90 % муниципалитетов сформированы в сельской местности и охватывают около четверти населения нашей страны. В условиях территориального рассредоточения, разных возможностей развития перед органами местного самоуправления стоит задача реализовать векторы устойчивого развития территорий, определенных федеральными органами власти.

На федеральном уровне направления развития сельских территорий определены Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: «улучшение демографической ситуации, обеспечение условий для развития и диверсификации сельской экономики, повышение качества жизни сельского населения, улучшение доступа сельских жителей к ресурсам развития, развитие рационального природопользования и улучшение экологической ситуации в сельской местности, повышение эффективности местного самоуправления, совершенствование системы статистического наблюдения и научно-методического обеспечения развития сельских территорий, организация подготовки, переподготовки, повышения квалификации кадров» [3].

Конкретизация целей развития российских сел обозначена в государственной программе РФ «Комплексное развитие сельских территорий» до 2025 года:

- сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 25,3 % в 2025 году (в 2017 году (базовый год) — 25,7 %);
- достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80 % в 2025 году (в 2017 году (базовый год) — 67 %);
- повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50 % в 2025 году (в 2017 году (базовый год) — 32,6 %)» [2].

На реализацию данных целей предусмотрено ассигнований 2 288 млрд рублей. Следовательно, обеспеченность развития села финансовыми ресурсами федерального и регионального уровня управления значительная. Это обстоятельство существенно, так как анализ бюджетной обеспеченности сельских муниципальных образований показал, что финансовые ресурсы данных муниципалитетов достаточно ограничены и более 70 % сельских поселений имеют бюджет до 10 млн рублей (рисунок 1). Поэтому рассматривать собственную финансовую составляющую как ресурс развития данных территорий не приходится.

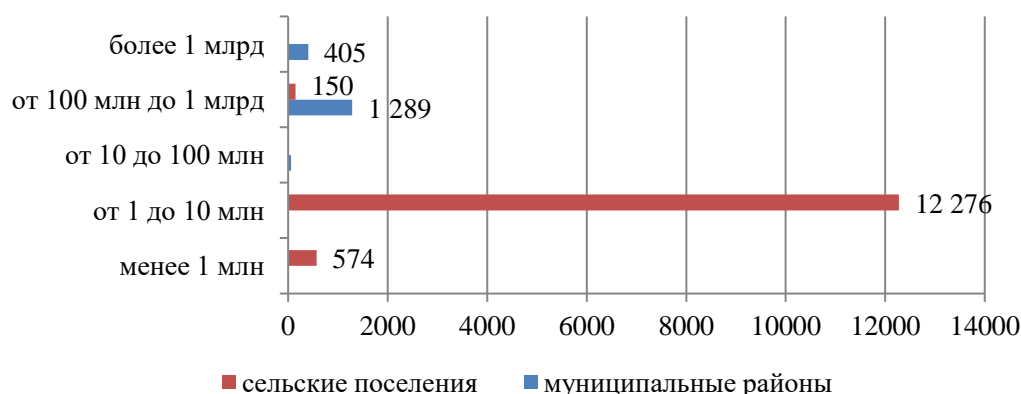

Рисунок 1. Бюджетная обеспеченность сельских муниципалитетов [4]

Кроме того, в результате низкой бюджетной обеспеченности происходит постоянная передача полномочий по решению вопросов местного значения между сельскими поселениями и муниципальными районами на основе договорного механизма. Так, по сведениям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в 2018 году 787 муниципальных районов передали часть полномочий по решению своих вопросов местного значения 8,3 тыс. сельских поселений, а в 2019 году, соответственно, 760 муниципальных районов 7,8 тыс. сельских поселений. В то же время в 2018 году органы местного самоуправления 14,0 тыс. сельских поселений передали часть своих полномочий 1 331 муниципальному району, а в 2019 году 12,3 тыс. сельских поселений передали свои полномочия 1 215 муниципальным районам. При этом наблюдается даже ситуация полной передачи полномочий сельских поселений муниципальным районам (61 поселение в 2018 году и 43 в 2019 году). Что свидетельствует об ограниченности возможности органов местного самоуправления выступать реальным субъектом развития на сельских территориях.

Анализ содержания государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» определил, что в качестве активного субъекта и ресурса развития рассматривается само сельское население. К 2025 году в соответствии с данной программой 60 % жителей данных территорий должны быть включены в реализацию мероприятий, направленных на развитие села (рисунок 2) [5].

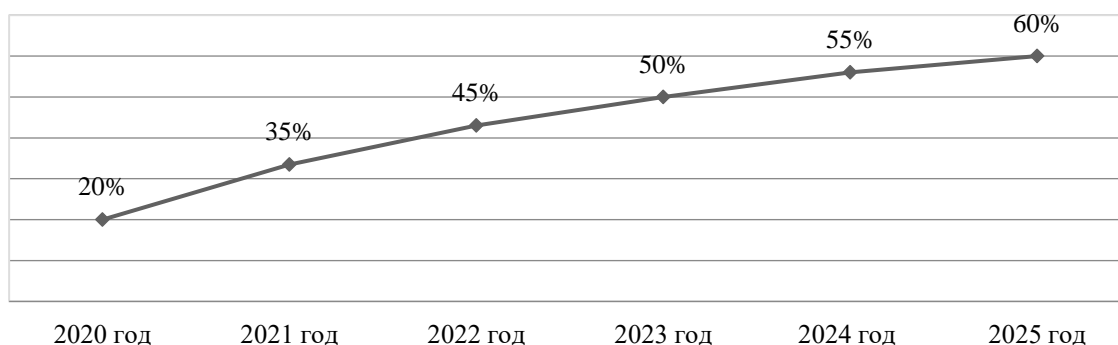

Рисунок 2. Доля сельского населения, вовлеченного в реализацию мероприятий, направленных на комплексное развитие сельских территорий [2]

Таким образом, проведенный анализ показывает, что на федеральном уровне управление развитием сельских территорий является приоритетным направлением государственной политики, благодаря которой формируются правовые, организационные, финансовые и методические основы развития сельских муниципальных образований, а также предполагается создание организационных механизмов вовлечения населения в процессы управления развитием территории.

В Тюменской области, несмотря на относительно благоприятное социально-экономическое положение, прослеживаются общероссийские тенденции, связанные с оттоком населения из сельской местности. В 20 муниципальных районах и 1 городском округе, относящемся к сельским территориям, включающем 273 сельских поселения, наблюдается стабильная динамика сокращения численности населения в последние годы (рисунок 3). Данная тенденция не свойственна только сельским территориям Тюменского муниципального района, который за счет близости к областной столице использует возможности агломерационного эффекта в своем развитии, что привлекает население.

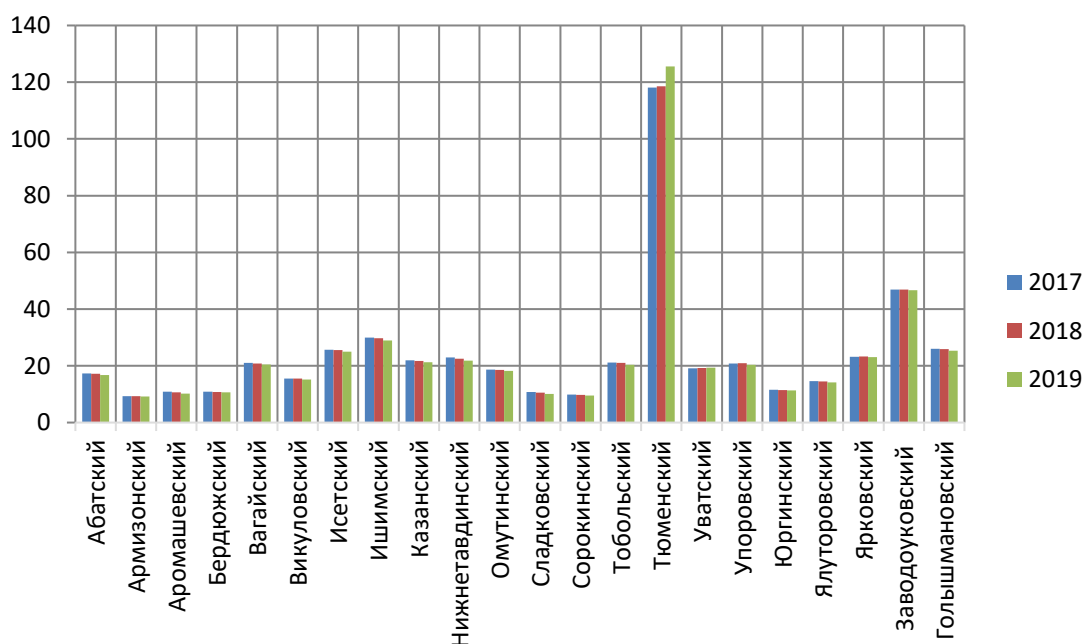

Рисунок 3. Изменение численности населения в сельских территориях [6]

Проблема сохранения численности сельского населения достаточно остро стоит в муниципальных образованиях Тюменской области, и ключевая задача органов власти регионального и муниципального уровней — создание благоприятных условий жизни на селе. Для обеспечения участия жителей в развитии сельских территорий в Тюменской области принято Постановление Правительства Тюменской области от 22.05.2017 №170-п «Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидий на грантовую поддержку местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности».

Мероприятия, направленные на реализацию проектов местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, в рамках подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий» государственной программы Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013–2025 гг., утвержденной Постановлением Правительства Тюменской области от 30.12.2014 №699-п [7], предполагают выделение грантов местным бюджетам за счет средств областного и федерального бюджетов и предоставление на реализацию мероприятий проектов, направленных на создание детских и спортивных площадок, обустройство зон отдыха, сохранение и восстановление природных ландшафтов, историко-культурных памятников, поддержку национальных культурных традиций [8].

Анализ практики деятельности по грантовой поддержке инициатив граждан показывает развитие использования данного механизма в системе управления развитием территории. Так, в 2017 году на реализацию мероприятий по грантовой поддержке местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, направлено 1 344,8 тыс. рублей, в том числе средства федерального бюджета в сумме 844,8 тыс. рублей; в 2018 году — 2 372,73 тыс. рублей, в том

числе средства федерального бюджета — 522,0 тыс. рублей, средства областного бюджета — 1 850,73 тыс. рублей; в 2019 году — 1 613,182 тыс. рублей, в том числе областной бюджет — 1 258,282 тыс. рублей, федеральный бюджет — 354,9 тыс. рублей (рисунок 4). Ключевым условием предоставления грантовой поддержки является софинансирование проектной инициативы за счет средств местного бюджета и привлеченных средств юридических и физических лиц.

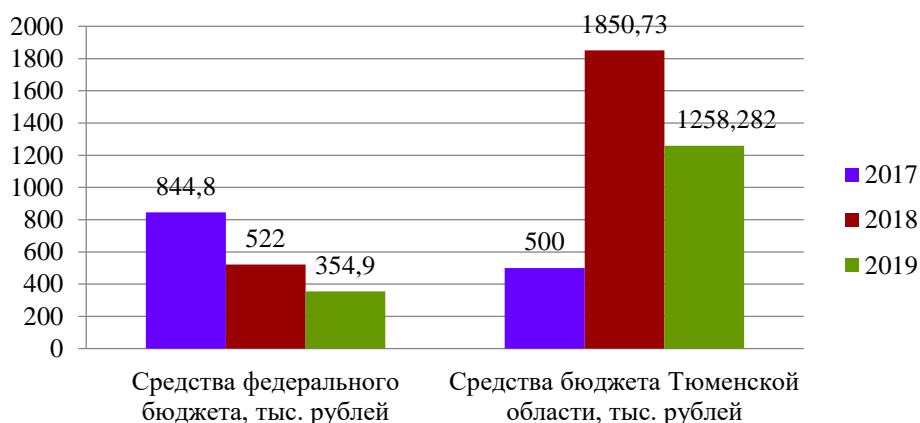

Рисунок 4. Финансирование проектных инициатив граждан, проживающих в сельской местности в Тюменской области в 2017–2019 гг.

По итогам конкурсного отбора общественно значимых некоммерческих проектов, претендующих на получение грантовой поддержки местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности Тюменской области, в 2017–2018 гг. предоставлены гранты на реализацию следующих проектов:

- «Создание и обустройство зоны отдыха сквера “Молодежный” в с. Омутинское» (стоимость проекта — 2 154,8 тыс. рублей);
- «Создание и обустройство детской игровой площадки в с. Викулово» (стоимость проекта — 501,6 тыс. рублей);
- «Благоустройство зоны отдыха с детской игровой и спортивной площадкой в с. Суерка» Упоровского района Тюменской области (стоимость проекта — 3 695,1 тыс. рублей);
- «Создание парка отдыха с детской игровой и спортивной площадками по адресу: пер. Новый 7В с. Масали Упоровского района Тюменской области» (стоимость проекта — 741,73 тыс. рублей).

В 2017 году общая стоимость проектов составила 2 656,4 тыс. рублей, в том числе средства местных бюджетов — 490,0 тыс. рублей (18,4 % от стоимости проектов). На реализацию проектов привлечено внебюджетных средств 821,6 тыс. рублей (31 % от стоимости проектов). А в 2018 году общая стоимость проектов составила 4 436,83 тыс. рублей, в том числе средства местного бюджета — 200,0 тыс. рублей (4,5 % от стоимости проектов). На реализацию проектов привлечено внебюджетных средств 1 864,1 тыс. рублей в (42 % от стоимости проекта) [9].

На территории Уватского района с 2017 года реализуется проект по благоустройству населенных пунктов #СоздайУват (адрес в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <https://www.uvatregion.ru/СоздайУват/>). На указанном ресурсе инициативные граждане могут задавать вопросы, высказывать пожелания, а также идеи по благоустройству населенных пунктов района, а органы местного самоуправления в рамках установленных полномочий по решению вопросов местного значения решают обозначенные вопросы и планируют свою работу с учетом потребностей жителей [10].

Таким образом, проведенный анализ показал, что использование проектных инициатив в практике развития сельских территорий является реальным механизмом развития села, основанного на включение жителей в процесс управления [11–13]. Практика реализации проектов по формированию комфортной среды проживания формирует новые возможности в решении сельских проблем, а привлечение ресурсов населения, бизнес-сообщества позволяет найти новые векторы развития, удовлетворяющие интересы всех субъектов управления развитием данной территории [14].

Выводы

Сформированные на федеральном уровне программные документы, ориентированные на устойчивое развитие села, предполагают существенные финансовые вливания на инфраструктурное обеспечение сельской местности. Более того, управление развитием сельской территорией ориентировано как на использование внешних ресурсов, так и на активное вовлечение самих жителей в процесс управления территориями.

Программа устойчивого развития сельских территорий федерального уровня ориентирована на активизацию встраивания проектной деятельности в систему управления села, но анализ практики реализации проектов в Тюменской области показал, что сельские территории не спешат использовать данные инструменты.

Несмотря на открывающиеся возможности через проекты создавать и обустраивать зоны отдыха, спортивные и детские игровые площадки, сохранять и восстанавливать природные ландшафты и историко-культурные памятники, поддерживать национальные культурные традиции, народные промыслы и ремесла, вызовы, формируемые трансформацией системы местного самоуправления, постоянным объединением муниципалитетов, отдалением органов местного населения от населения вследствие передачи полномочий муниципальным районам, не позволяют сформироваться действенной системе управления развитием сельских территорий.

Библиографический список

- [1] Минсельхоз готовит предложения о продлении госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-gotovit-predlozheniya-o-prodlenii-gosprogrammy-kompleksnoe-razvitie-selskikh-territoriy-d/> (дата обращения: 11.09.2020).
- [2] Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 10.07.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/725/725f4b61b8ed39429ca08316f6e7456d.pdf> (дата обращения: 11.09.2020).
- [3] Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 11.09.2020).
- [4] Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 31.08.2020).
- [5] Приказ Минсельхоза России от 10 июня 2020 г. № 313 «Об утверждении Порядка отбора проектов комплексного развития сельских территорий (сельских агломераций)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://specagro.ru/sites/default/files/2020-09/daydzhest_krst_red.pdf (дата обращения: 11.09.2020).

- [6] Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Тюменской области за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admin.admtyumen.ru/files/upload/OIV/D_Economy/.PDF (дата обращения: 31.08.2020).
- [7] Государственная программа Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/programs/program.htm?id=1190@egTargetGrant (дата обращения: 25.08.2020).
- [8] Лысенко Е.А., Мечикова М.Н. Влияние результатов промышленного производства на эффективность развития малого бизнеса в сельскохозяйственной деятельности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – №3(19). – С. 53–58.
- [9] Информация Тюменской области по теме интернет-конференции «Актуальные вопросы финансового участия граждан и организаций в реализации проектов, имеющих приоритетное значение для населения муниципального образования или его части» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/p9DIW6JLuwZA OYscABziYuEgz0x8esFN.pdf> (дата обращения: 31.08.2020).
- [10] Информация о ходе выполнения в 2018 году мероприятий подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий» на 2014 – 2025 годы» государственной программы Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013 – 2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duma72.ru/doc/com_agrar/2019.pdf (дата обращения: 31.08.2020).
- [11] В Тюменской области планируют держать курс на развитие сельских территорий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tumentoday.ru/2019/06/07/v-tyumenskoj-oblasti-planiruyut-derzhat-kurs-na-razvitie-selskih-territorij/> (дата обращения: 20.08.2020).
- [12] Ярковский район вошел в десятку лидеров всероссийского «Инкубатора сельских инициатив» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tumentoday.ru/2019/03/10/yarkovskij-rajon-voshel-v-desyatku-liderov-serossijskogo-inkubatora-selskih-iniciativ/> (дата обращения: 20.08.2020).
- [13] Древнее село с новыми традициями. Тюменские известия от 23 сентября 2020 года № 167 (7448). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t-i.ru/articles/34575/> (дата обращения: 23.09.2020).
- [14] Попкова А.А. Социокультурное развитие сельских территорий: ресурсы и инструменты // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 3. С. 31–40.

References

- [1] The Ministry of Agriculture is preparing proposals to extend the state program “Integrated development of rural areas” until 2030. Retrieved from <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-gotovit-predlozheniya-o-prodlenii-gosprogrammy-kompleksnoe-razvitie-selskikh-territoriy-d/>.
- [2] Decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2019 No. 696 (as amended on July 10, 2020) “On approval of the state program of the Russian Federation” Integrated development of rural areas “and on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation”. Retrieved from <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/725/725f4b61b8ed39429ca08316f6e7456d.pdf>.
- [3] Strategy for sustainable development of rural areas of the Russian Federation for the period up to 2030 (order of the Government of the Russian Federation dated February 2, 2015 No. 151-r). Retrieved from <http://government.ru/docs/16757/>.
- [4] Information and analytical materials on the state and main directions of development of local self-government in the Russian Federation (data for 2018 – early 2019) From idea to project. Retrieved from <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/>.

- [5] Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated June 10, 2020 No. 313 “On approval of the Procedure for the selection of projects for the integrated development of rural areas (rural agglomerations)”. Retrieved from https://specagro.ru/sites/default/files/2020-09/daydzhest_krst_red.pdf.
- [6] Consolidated report on the results of monitoring the effectiveness of local self-government bodies in urban districts and municipal districts of the Tyumen region for 2019. Retrieved from https://admin.admtymen.ru/files/upload/OIV/D_Economy/.PDF.
- [7] State program of the Tyumen region “Development of the agro-industrial complex” Retrieved from https://admtymen.ru/ogv_ru/finance/programs/program.htm?id=1190@egTargetGrant.
- [8] Lysenko, E.A., & Mechikova, M.N. (2016). The influence of industrial production results on the effectiveness of small business development in agricultural activity. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 3(19), 53-58.
- [9] Information from the Tyumen region on the topic of the Internet conference “Topical issues of financial participation of citizens and organizations in the implementation of projects that are of priority importance for the population of the municipality or its part”. Retrieved from <http://council.gov.ru/media/files/p9DIW6JLuwzAOYscABziYuEgz0x8esFN.pdf>.
- [10] Information on the progress in 2018 of the activities of the subprogram “Sustainable development of rural areas” for 2014 – 2025 “of the Tyumen region state program” Development of the agro-industrial complex “for 2013 – 2025 Retrieved from http://www.duma72.ru/doc/com_agrar/2019.pdf.
- [11] In the Tyumen region, they plan to pursue a course for the development of rural areas. Retrieved from <https://tumentoday.ru/2019/06/07/v-tyumenskoj-oblasti-planiruyut-derzhat-kurs-na-razvitiie-selskih-territorij/>.
- [12] Yarkovsky district entered the top ten leaders of the All-Russian “Incubator of rural initiatives” Retrieved from <https://tumentoday.ru/2019/03/10/yarkovskij-rajon-voshel-v-desyatku-liderov-serossijskogo-inkubatora-selskih-iniciativ/>.
- [13] An ancient village with new traditions. Tyumen News of September 23, 2020 No. 167 (7448). Retrieved from <https://t-i.ru/articles/34575>.
- [14] Popkova, A.A. (2019). Socio-cultural development of rural areas: resources and tools. Proceedings of Higher Educational Institutions. *Sociology. Economics. Politics*, 3, 31-40.

Получена / Submitted: 12/10/2020

Доработана / Revised: 18/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 25/11/2020

УДК 314.74/316.4.063.3/316.4.051

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТЮГОСЛАВСКОМ ХРОНОТОПЕ

Неманя Вукчевич¹

¹*Кафедра социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Российская Федерация*

Аннотация. В постюгославском хронотопе уже 30 лет наблюдаются бурные и нестабильные миграционные процессы. С начала европейского миграционного кризиса 2014 г. через Республику Сербию прошло больше миллиона беженцев с Ближнего Востока и севера Африки. Социальную кохезию в группах весьма различных по своим культурологическим и иным характеристикам необходимо постоянно поддерживать, что является непростой непрерывной работой. Данная проблема имеет не локальный, а глобальный характер, о чем свидетельствуют внимание и участие всего международного сообщества. Сегодня нет предпосылок к завершению миграционных процессов, и это определяет актуальность дальнейших исследований. Работ в области исследования данного процесса не так много, и только в последнее время из-за упомянутого кризиса она привлекла внимание академического сектора. Проблема состоит в том, что ученые и специалисты рассматривают лишь ситуацию в текущем моменте. Целью работы является обоснование гипотезы о том, что миграционные процессы в постюгославском хронотопе существовали практически всегда и в их рамках сложились определенные «паттерны». При ближайшем рассмотрении они могут быть определены и представлены научному сообществу и управленческому аппарату в целях снижения риска социальной коллизии, что определяет практическую значимость исследования. Результатом стал вывод о том, что миграционные процессы в постюгославском хронотопе неминуемо приводят либо к интеграции, либо к конфликту, сформулированный на основе использования принципа единства логики и истории в рамках социально-исторического метода и абстрагирования большого количества данных.

Ключевые слова: социология истории, социальная интеракция, общественные перемены.

A Retrospective Analysis of the Problem of Migration Processes in the Post Yugoslavian Chronotope – Sociological Aspects

Nemanja Vukčević¹

¹*Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation*

Abstract. In the post-Yugoslavian chronotope, stormy and unstable migration processes have continued for 30 years. Since the start of the European migration crisis in 2014, more than a million refugees from the Middle East and North Africa have passed through the Republic of Serbia. Social cohesion in groups that are very different in their cultural and other characteristics must be constantly maintained, which is not an easy obligation. This problem is not local, but global, as evidenced by the attention and participation of the entire international community. Today there are no prerequisites for the completion of migration processes and this paperwork determines the relevance of further research. There are not many works in the field of research of this process, and only recently, due to the mentioned crisis, it has attracted the attention of the academic sector. The problem is that scientists and specialists only consider the situation at the current moment. This work aims to substantiate the hypothesis that migration processes in the post-Yugoslav chronotope have existed almost always and that certain "patterns" have developed within their framework. Upon closer examination, they can be determined and presented to the scientific community and the management apparatus to reduce the risk of social collision, which determines the practical significance of the study. The result was the conclusion that migration processes in the post-Yugoslav chronotope inevitably lead either to integration or to a conflict based on the use of the principle of the unity of logic and history within the framework of the socio-historical method and abstraction of particular facts.

Keywords: sociology of history, social interaction, social change.

Введение

В данной работе мы хотели бы с точки зрения социологии в хронологическом порядке рассмотреть некоторые политические события в истории, которые, по нашему мнению, обусловили процессы миграции населения в постюгославском хронотопе. Отметим, что, например, Норберт Элиас, немецкий социолог еврейского происхождения, непрестанно подвергал критике «изоляцию социологии в настоящем» [1]. По-нашему мнению, это необходимо понимать, как то, что социологи не могут ограничиваться изучением только лишь событий сегодняшнего дня. Мы полагаем, чтобы постичь структуру этих событий и формы присущих им социальных интеракций, социологи должны принимать во внимание историю и использовать ее как материал для своей работы. На фоне всей школы социологии истории, чьими родоначальниками являются великие ученые Тойнби и Шпенглер, приведенный нами (историко-логический) подход имеет и свое логическое обоснование, потому что изучение процессов, которые имеют незавершенный характер, не всегда является самым оптимальным решением, так как это обуславливает недостаток данных о последствиях исследуемых процессов, что вместе с тем делает любой научный вывод неполным и спорным. По этой причине общественные науки, в том числе и социология, в большинстве случаев могут объяснить общественные процессы, но только в значительно меньшей мере могут их предвидеть. При этом, важно помнить, что как метод научного исследования, предвидение или прогнозирование составляет неотъемлемую функцию любой теоретической науки. Таким образом, мы можем говорить о том, что предвидение является частью сущности любой науки, то есть мы не можем говорить о науке, в случае, если нельзя утверждать, что существует возможность воспроизведения или повторения результата.

Современные российские исследователи также говорят, что «большая часть исследований ограничивается последним десятилетием и не опирается на ретроспективу... Исторических работ, в отличие от Европы, не много» [2]. Такое положение вещей, по нашему мнению, накладывает на исследования в данной области определенные ограничения, снятию которых во многом может способствовать мультидисциплинарный подход и, в частности, инкорпорация исторического обзора миграционных процессов на определенной территории, которая будет способствовать лучшему пониманию проблематики. Именно из-за этого, рассматривая миграцию как социологический феномен, мы приняли решение сделать ретроспективу миграционных процессов в постюгославском хронотопе, для исследования закономерностей и цикличности, для определения того, при каких условиях возникают и развиваются те или иные миграционные процессы, в целях привнесения вклада в решение актуальных проблем настоящего момента, таким образом, что мы указали бы возможные итоги, способствующие принятию решений в каком направлении необходимо действовать, если мы хотим сохранить гуманистическую перспективу, которой имманентна социологическая перспектива. Мы согласны с мнением известного английского социолога Денниса Смита, который неоднократно говорил о том, что социологи истории изучают прошлое и способы того, как общества функционируют и меняются, чтобы определить будущее, которое возможно в социальном смысле [3].

Таким образом, нами была сделана хронология политических событий, которые обусловили постоянные крупномасштабные процессы миграции населения в постюгославском хронотопе и это показало, что и сегодня имеют место схожие явления в политике, которые в качестве результата производят добровольные планируемые или принудительные спонтанные перемещения населения в Республике Сербии. Прежде всего отметим, что исторически формирование сербского народа произошло в начале Средних веков вследствие ассимиляции переселенцами уже проживающего на Балканах неславянского населения, которое было представлено так называемыми «иллирийцами» [4]. Поэтому мы можем говорить о том, что, если в постюгославском хронотопе уже имело место смешение народов, то, при определенных условиях это произойдет снова. Также мы можем говорить о

периодичности возникновения новых нормативно-правовых регуляторных механизмов, которые, в зависимости от ситуации либо благоприятствовали, либо противодействовали миграционным процессам. Приведенные нами примеры проиллюстрировали то, что исторические события неоднократно приводили к изменению демографической картины определенных территорий — до такой степени, что мы можем наблюдать практически полную замену коренного населения пришлым [5]. В частности, на рассматриваемой нами территории уже имело место смешение народов — при определенных условиях, это может произойти снова, при этом единственной постоянной величиной в исследуемом нами пространстве является само пространство постюгославского хронотопа.

Материалы и методы

По мнению ряда ученых, переселение славянских народов на Балканский полуостров началось в VI в., а уже в VII в. по соглашению с императором Ираклием I имела место массовая иммиграция славян и освоение ими нынешних Западных Балкан, где как «федераты» они были обязаны защищать имперские территории от набегов аваров и варваров [4]. Археологические исследования указывают на факт повсеместного присутствия славян в данной части Европы — особенно после XI в., это также подтверждается и славянскими топонимами. Так как славяне пришли на практически опустошенные земли, то они беспрепятственно заселили большую часть Балкан вплоть до Пелопоннеса. К тому времени все, что осталось от коренного населения Балкан, было романизировано. Спасаясь от аваро-славянских набегов, область нынешних Косово и Метохии покинули дарданы и некоторые другие коренные народы. В горах на освоенной славянами территории проживали обычно занимающиеся скотоводством влахи, цинцары и прочие народы, а на юго-востоке — албанцами, известные в своем окружении как арбанасы или арнауты [6]. Таким образом, уже самые ранние из известных данных говорят в пользу того, что движения населения на рассматриваемой нами территории будут продолжаться до настоящего момента и обусловят некий «закон».

Во второй половине XI в. основная часть границы между Византией и Сербией проходила по территории Косово и Метохии — в долине между Липляном с византийской стороны и Звечаном с сербской. Эта граница существовала вплоть до XII века, пока Великий жупан Стефан Неманя не захватил Хвосно, Подринье, Лаб, Липлян и т. д. Впоследствии сербский правитель передал эти плодородные земли монастырям и церквям сербских епархий. Сохранившиеся до настоящих дней документы получивших во владение эти земли монастырей Студеница, Градац, Баньска, Грачаница, Високи Дечани свидетельствуют о преобладании в данный период сербского населения в этнической структуре территории. Отметим также, что в 1455 г. сразу после османского завоевания, проводившаяся в фискальных целях перепись населения выявила определенное количество албанских имен в 80 из 600 сельских поселений, где проводилась ревизия. До этого факт постоянного проживания этого народа в Косово и Метохии засвидетельствован не был, это означает, что именно в этот период началось постепенное и спонтанное проникновение албанцев в данный край. Таким образом, лишь в XV веке албанцы, в малом количестве населившие сельские территории Косово и Метохии, стали составлять от 5 до 10 % его населения. Присутствие на данной территории этой социальной группы, тогда еще малочисленной, в будущем сыграет огромную роль в политическом процессе и миграции населения в постюгославском хронотопе [7].

Говоря о Средневековье, необходимо отметить, что самым долгосрочным последствием крестовых походов стал глубокий раскол двух христианских миров после завоевания и разорения Константинополя в 1204 г. и создания Латинской империи. Результатом этого стала «встреча» Запада с исламской цивилизацией на Балканах и начало его диалога с миром мусульман. В конце концов, это привело к падению Византии, а затем и балканских государств византийского круга или византийского цивилизационного пространства. В этот период

внутренняя и внешняя миграции различных видов стали фактором, который изменил существо сербского народа. Миграция скотоводов или так называемая «пастушеская» миграция существовала со средних веков и ее необходимо отличать от принудительной, политически мотивированной миграции. Перемещения кочевников с их стадами овец известный сербский ученый Йован Цвийич называл «метастазной миграцией», развивающимися по природному закону, который можно сформулировать как «чья овца — того и гора» [8]. В этом контексте следует различать миграцию с севера Албании в сторону Северо-Албанских Альп, Призрена и Охрида и на запад к Дубровнику. С приходом турок-османов, миграция населения в горные районы стала способом поиска более безопасного места для жизни. В Среднедунайской низменности в данный период возникли так называемые «сельскохозяйственные города», в которых, руководствуясь соображениями безопасности, население концентрировалось около главной дороги. Подобные процессы привели к возрождению старой родоплеменной общины как формы социальной организаций.

Становление теократической и милитаристской автократии на Востоке легло в основу Османской империи, в то время как в Византии была сильнее светская власть, в меньшей степени зависящая от принципа религиозной исключительности. При новом раскладе сил — в рамках большого треугольника исламского Востока, католического Запада и православной Византии с оставшейся частью Балкан — самая слабая его сторона оказалась перед выбором. Необходимо было сделать выбор либо в пользу того, чтобы в рамках Лионской унии 1274 г. пожертвовать своей идентичностью, склониться перед Западом и папским авторитетом, либо в пользу того, чтобы безоглядно пытаться выжить под напором турок-османов. Таким образом, Римскую империю эпохи Константина I Великого заменила Османская империя. Этой регрессии способствовало стремление Византии централизовать и унифицировать религиозные институты под собственным началом, вследствие чего она потеряла восточные церкви, как и Малую Азию и Армению. С другой стороны, Запад уступил туркам-османам Балканы, часть Центральной Европы и большую часть Средиземноморья [9]. Войны с Османской империей и наступление мусульман привели к опустошению целых областей в Юго-Восточной Европе, при этом в период с 1340 г. по 1450 г. жертвы сербского народа были несравнимо больше потерь Византии [10]. Многие документы свидетельствуют о депопуляции Боснийской Краины и территории нынешнего Унско-Санский кантона: перемещение населения происходило либо в форме бегства в более безопасные места, либо в форме угона в рабство. Война и сегодня является одной из основных причин миграции населения [11].

Результаты и обсуждение

Массовые миграции в эпоху Нового времени

Открытие Америки в 1492 г. и захват столицы Византийской империи Константинополя турками-османами в 1453 г. рассматриваются как начало эпохи Нового времени. Эти события оказали двойное влияние на пространственно-временные координаты сербской истории: во-первых, уменьшился экспорт на запад добытых из сербских рудников полезных ископаемых в связи с приливом американского золота и серебра, что привело к усилению таких стран как Англия и Нидерланды, а также юго-западной Германии, северной Франции и Италии; во-вторых, сербский народ оказался разделенным на пограничной территории между двумя мировыми империями — Габсбургской и Османской [10]. В это время, как впрочем, и сегодня, сербский народ не имел ясно очерченных границ своей этнической территории (часто административные границы разделяла семья, села и области, но при этом лишь намного позже стандартизация региональных диалектов привела к возникновению различий наций и языков), поэтому единственно, о чем мы можем здесь говорить, касается того, что вся сербская история и история Юго-Восточной Европы делится на два периода: военная экспансия Османской

империи и отступление турецких войск. Основной характеристикой сербской истории Нового времени стали потеря территорий на юге (в пользу албанцев и македонцев) и на северо-западе (в пользу хорватов), а также сосредоточение центров национальной культуры у рек Дунай и Савва, что породило понятие «Старая Сербия» [12]. Некоторые исследователи считают, что эта область охватывает южные пространства до Эгейского моря и восточного побережья Адриатического моря, в то время как другие полагают, что под это определение попадает территории Косово, Метохии, Повардария и Рашки. В целом, комплекс международных противоречий в период с конца XVIII до начала XX вв. еще известен как «восточный вопрос», характеризующийся борьбой европейских сил за освоенные турками-османами территории [10].

Вплоть до Карловацкого мира (1699 г.) турецкие походы на Европу шли по двум направлениям — наземным путем через Сербию и морским путем через Испанию. В этот период политической практикой Османской империи на захваченных территориях было насильственное изгнание немусульманского местного населения и колонизация территорий, жители которых исповедовали ислам. Так, после первого похода на Пелопоннес в 1458 г. местное население было депортировано в Стамбул. Этот процесс действительно можно хорошо отследить на примере этнических изменений новой столицы Османской империи: сохранились данные о том, что в 1455 г. турецкий султан вначале призывал своих подданных добровольно заселять Стамбул, предлагая им сады, дома и виноградники, но, когда это не возымело эффекта, был составлен список из 30 000 семей из Малой Азии (азиатские владения Османской империи известные под названием Анатолия) и 4 000 семей с Балкан (европейские владения Османской империи известные под названием Румелия), которые были переселены в этот город силой [10].

В XVI в. общая нестабильность и экономический спрос обусловили превращение пашен в пастбища для разведения овец. «Антропонимические исследования указывают на преобладание большинства славянского и православного населения в XVI в., чей состав постепенно изменился к XVII в. в пользу популяции мусульманского вероисповедания, при этом албанский этнос был усилен за счет иммиграции, которой способствовала ускоренная исламизация этого народа» [9]. Действительно с конца XVI в. албанцы начали переходить в ислам и, как мусульмане, приобрели привилегированное положение в Турции. Религиозная структура населения, если принимать во внимание городские переписи, дала возможность отследить распространение ислама. Так, в самом большом городе Косово и Метохии Призрене проживало 56 % мусульман и 44 % христиан (в одном из предыдущих абзацев, мы говорили о том, что изначально мусульмане составляли от 5 до 10 % всей популяции на данной территории). Похожая ситуация наблюдалась и в Приштине. В Трепче было 9 христианских кварталов и 3 мусульманских, в Доня-Трепче было 65 христианских подворий. В Ново-Брдо было 20 христианских кварталов, а мусульманских — только 5. Большая часть населения имела статус райятов и представляла собой непривилегированный слой подданных султана Османской империи [7].

Падение Белграда стало бóльшим ударом для христианского мира, чем падение византийского Константинополя. В 1521 г., чтобы покорить «ворота на Балканы», султан Сулейман I Великолепный привел 87 000 военных соединений из Андрианополя (нынешнего Эдирне). Белград был атакован со стороны Земуна и острова Велико-Ратно — осада была организована при поддержке военно-морского флота Османской империи, который специально для этого прибыл из Черного моря. После того как город перешел в руки турок-османов, его сербские жители были угнаны в Стамбул и «их провожали проклятия солдат противника и угрозы о том, что скоро и христианские покойники перейдут в ислам» [10]. В 1526 г. битва на Мохачском поле положила конец существованию Венгерского королевства, которое вместе с тем потеряло и эпитет главного «апостольского величества». Ислам проник в область Паннонии и придал славонским городам ориентальные черты.

Так, в 1529 г. один из городских кварталов бывшего Константинополя получил название Белградские ворота, поскольку почти целиком состоял из переселенных силой из Белграда сербов. После поражения турок в Венской битве в 1683 г. происходит эскалация «восточного вопроса», а сербы в австрийской столице населяют целый квартал, а также формируют большие городские общины в Буде, Пеште, Эстергоме, Коморне, Сентендре, Дьёрт, Истолном Белграде (нынешний Секешфехервар), Эгеру. Таким образом, мы имеем пример того, как, спасаясь от военных действий, достаточно многочисленные мигранты в другой стране основывают свои кварталы, которые растут и развиваются и сегодня, хотя и существуют в иной (католической) культурной среде и ином языковом пространстве. Почему, то же самое не могло бы произойти и в случае с мигрантами сегодня? Все эти данные говорят о том, что иногда миграция может произойти спонтанно, а иногда планомерно — в соответствии с волей властей. Тут интересно отметить, что, как и Восточная Венгрия, Славония не считалась хорватской территорией до изгнания турок-османов в 1686 г. Большие массы католического населения переместились в Славонию из Боснии в 1697 г. после наступления войск Принца Евгения Савойского, который завоевал левый берег Дуная, Мехадью, Оршово, Панчево и Шабац. В это же время в стране действовали сербские партизанские отряды, которые пытались завоевать Куршумлию, но им помешали албанские силы. Необходимо отметить, что в период войн 1683–1739 гг. Священной Римской империей был принят указ о том, что новонаселяемые земли могут занять только католики [13]. При этом, например, в Далмации обращение мусульман и православных в католическую веру было задачей францисканских монахов. Целям распространения католицизма служили и школы, где учителями были иезуиты. В рассматриваемый период резиденция католического епископа находилась в Белграде, а сама католическая епархия располагалась в Смедерево. Здесь мы наблюдаем способ управления миграцией и мотивацию или демотивацию демографического поведения одним из контрагентов данного процесса. Также в наше время в Италии реализуется программа продажи домов иностранцам по очень низким ценам, но при определенных условиях. Однако нет данных о том, что мигранты включены в этот процесс как покупатели или адресаты этой поддержки.

С 1697 г. большая часть Сербии вместе со Сремом входили в Белградский пашалык, и в то же самое время и сербская, и боснийская территории снова были провозглашены Серхатом (Военной Краиной). После того как турецкие войска потерпели поражение под Петроварадином, Белградом и Тимишоаром, было засвидетельствовано массовое изгнание населения из этих городов, где только военных проживало 25 000–30 000 человек [7]. При этом и мусульманскому, и христианскому населению было разрешено мигрировать организованно — на лошадях, повозках и лодках. Многие исследования, посвященные вопросу миграции, говорят о том, что православные жители покинули Славонию перед уходом турок-османов [14]. Беженцы преимущественно населили Сентендре и в 1698 г. основали в этом городе «Сербское привилегированное торговое общество». В тот же период около 130 000 мусульман переместилось в Боснию. После Карловицкого мира (1699 г.) были установлены Славонская, Подунайская и Банатская военные крайны. При этом, хотя у сербов и хорватов аутентичные национальные характеристики не были выражены ярко, их этническая идентичность выделяла их на фоне местного населения и в Славонии, и в Далмации. Причина этого заключалась в том, что и без развития национального сознания существовала глубокая пропасть между последователями разных религий. На территории Славонской Краины сербы в последующие два века будут хорватизированы [15].

В XVII в. власти Османской империи начали стимулировать интенсивную колонизацию территорий, где проживали перешедшие в мусульманство албанские скотоводы. В конце XVII и в первой половине XVIII вв. наблюдались большие гонения на христиан, а также волны исламизации всех слоев коренного и пришлого населения. В свою очередь в Австрийской империи и Венецианской республике гонениям подвергалось мусульманское население. После поражения в ущелье Качаника австрийская армия перешла из офанзивы в отступление

и ретировалась в сторону Белграда. После этого месть победивших турок-османов была безжалостна: «Сербия и Македония были разорены и опустошены... население целых регионов было зверски уничтожено турецкой армией и их вспомогательными войсками, среди которых особенной жестокостью выделялись формирования крымских татар... необратимое развитие исламизации, а затем и ускоренная албанизация, стали частями единого процесса насильственного изменения религиозно-этнической структуры Балкан — в первую очередь, Косово и Метохии, как стратегически самого важного и экономически развитого края» [9]. Вследствие этого массового эксодуса исповедующая христианство популяция переместилась на юг Венгрии, а позже населила Воеводину и Славинию вплоть до Будапешта и Сентендре. Таким образом, мы наглядно наблюдаем тенденцию тяготения сербского народа к перемещению с юга на север, которая сохранилась до наших дней.

Так как в 1717–1739 гг. из-за высоких налогов на находящейся под австро-венгерским управлением сербской территории, местное население бежало и в Турцию, мы можем сказать, что в этот период миграции развивались во всех направлениях, однако их основным результатом стало перемещение жизни на север с малоразвитого юга. Это было время интенсивной колонизации юга Венгрии: помимо сербов с Косова, с севера Черногории, из области Лики, Бановины и Западной Славонии, туда переселялись и немцы, которые затем планомерно распределялись по Банату и Бачке, а также в области реки Морош в Румынии. История в Новое время уже не развивалась в монастырях: ее героями больше были не религиозные подвижники, а торговцы и военные наемники. После мирного договора в Пожаревце в 1718 г. была проведена определенная реорганизация Военной Краины: Военная граница Верхнего Подринья и Посавины от Биелины до Костайницы была населена православными христианами из Боснии. Как отмечает историк Йохан Хайнрих Швикер [16], сербские единицы численностью 45 615 солдат составляли половину армии Габсбургской монархии. При этом проживающий на территории Военной Краины сербский народ претерпевал постоянное давление как со стороны хорватского бана и загребского архиепископа, так и со стороны венгерских властей.

Недовольные своим положением в Габсбургской монархии сербы начинают переселяться с территорий Военной границы и других краев в Российскую империю с 1724 г. После того как русский двор произвел серба Ивана Хорвата в чин генерал-майора это переселение было настолько интенсивным, что для размещения беженцев была сформирована военно-административная единица «Новая Сербия», охватывающая территорию правого берега Днепра с командованием в Крепости Святой Елизаветы, в то время как другим оплотом сербов стала Славяносербия, располагавшаяся на левом берегу Дона. Со временем балканские мигранты потеряли свою идентичность и ассимилировались с русскими. Данная миграция затронула и сербский народ в Венецианской республике: в 1770 году по разным оценкам от 643 до 1 000 семей из Далмации переселилось на австрийскую границу, а затем некоторые из них продолжили свой путь до Российской Империи [7]. Параллельно с сербскими переселениями протекал и процесс исламизации. Албанское население, которое в Османской империи считались привилегированной нацией, стало главным турецким оплотом в завоеванных сербских землях. В ходе освоения Косово и других частей Сербии, а также Македонии албанцы первоначально мигрировали в горы, а лишь затем спускались к плодородным долинам.

Последствием поражения в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. стали гонения на христиан в Греции и Черногории, что привело к подъему освободительного движения. Постоянные столкновения с турками-османами подтолкнули последних к попытке устрашения населения пирамидами и башнями, возведенными из черепов убитых мятежников. После отступления австрийских войск и окончившихся неудачей восстаний сербский Патриарх Арсений IV Йованович Шакабент с верующими и албанскими последователями эмигрировали в Срем. В 1741 году императрица Мария Тереза признала нового патриарха митрополитом и архиепископом сербов в своей империи. Всего в ходе этой войны на

территорию Габсбургской монархии переместилось около 50 000 человек и 30 000 голов скота, и в этот же период, создавая этнически смешанные добровольческие отряды «фрайкоры», сербы, болгары и румыны получили значительный исторический опыт партизанских действий в тылу турок-османов [7]. Уже в 1788 году, впервые в истории, во многом благодаря деятельности Боснийского фрайкора, в формировании которого большую роль сыграл Православный Епископ Иероним Йованович, Славония, Воеводина, Босния, Сербия, Черногория были определены как сербское этническое пространство. Сербь были самыми многочисленными во фрайкорах, которые в рамках сотрудничества с австрийской армией имели ясную политическую задачу борьбы против Османской империи, ради которой император Йозеф II объединился с Россией.

В 1790 году в Тимишоару было организовано собрание из 100 сербских представителей знатного сословия и священнического чина, как и представителей из Военной Краины. После этого Императору Священной Римской империи было подано прошение «Gravamina et postulata», в котором, как считается, была отражена первая сербская национальная программа [17]. При этом собор требовал, чтобы Габсбургская монархия предоставила сербам автономию в рамках империи и тем самым уравнила их с другими привилегированными нациями — немцами и венграми. До мирного договора 1791 года между Австрией и Турцией беженцами стало почти 100 000 человек, стабильная миграция стала превращать сербские земли из лесистой местности в плодородные нивы, а паства Карловацкой митрополии составляла половину всего православного населения Габсбургской монархии. В это же время белградские торговцы населили город Нови-Сад и начали превращать его в коммерческий центр.

Таким образом, мы можем говорить о том, что с 1699 года в Сербии трижды были проведены «этнические чистки»: в первый раз — до Пожаревацкого мира в 1718 году, во второй раз — Белград между 1718 и 1739 гг., когда, после захвата турецкими войсками, Белград становится католическим городом, и в третий раз — в 1791 году, когда в Белграде снова поменялась национальная структура населения. Мы видим, что именно войны вызвали большую миграцию, и это совпало с периодом демографического спада в Сербии вплоть до 1804 года.

Освободительные отряды «фрайкоры» стали основой сербской армии накануне Первого сербского восстания 1804–1813 гг. По приказу своего руководителя Карагеоргия сербские повстанцы перешли Дрину и, двигаясь по направлению к Биелине и Брчко, приняли участие в вооруженных действиях против Османской империи в Боснийской Краине. Во время этих боев турки-османы потеснили сербские войска, и несколько тысяч сербских крестьян было вынужденно мигрировать в Сербию, где они заселили области вдоль реки Дрины. К тому моменту в Београдском пашалуку 17 % населения было мусульманским, а в самом Белграде существовал и еврейский квартал. Когда сербские войска в 1806 году покинули Белград, город также покинуло 200 евреев, также как в свое время они покинули Салоники, которое тогда было еврейским поселением. Первое сербское восстание завершилось договором, в соответствии с которым сербы взяли в свои руки власть во всех поселениях кроме 7-ми городов, которые являлись крепостями. Правящих князей назначил сам Бекир-Паша (всего им было назначено 20 князей), а в переданные сербам провинции пришли сербские воеводы. В завоеванных областях сербы, по примеру венгров, создали городские муниципалитеты и, таким образом, сформировали администрацию из 12 князей в нахиях под единым руководством верховного князя. Мусульманское население, которому формально было позволено остаться на этих территориях, сразу начали вытеснять, из-за чего султан объявил сербам джихад. В этой части интересно мнение карловацкого митрополита о том, что «необходимо изгнать сипахов и другие роды войск султана, а прочих — мирных торговцев, ремесленников, земледельцев, живописцев и любого турка, который живет сам по себе и не желает господствовать над райями, оставить тут, на его родине» [10]. Мы можем говорить о том, что аналогичная ситуация имеет место в Республике Сербия и сегодня.

В 1813 году из Сербии потекли реки беженцев. Считается, что на территорию Габсбургской монархии в этот период перебралось порядка 200 000 человек. Поскольку сохранились данные о том, что сербских беженцев сопровождал караван из 300 коней с дорогими товарами, то можно судить о том, что на север мигрировала и часть сербских торговцев. Границы Сербии и ее большую автономию определил Адрианопольский мирный договор в 1829 г. В последующие годы сербами были предприняты меры по становлению государственной организации и расширению новых восстаний в соседних областях за счет использования беженцев с окрестных территорий, находящихся под турецкой властью. Тогда также были заложены основы первого сербского государственного правительства — Правительствующего сената. В этот период бывшие княжества становятся капитаниями, а в 1839 году нахии становятся округами. К моменту начала ликвидации Военной границы в 1869 году на территории Хорватии и Славонии проживало около 26,3 % всего сербского народа, причем только непосредственно в Хорватии проживало 45 % сербов, а 17 % населения в Далмации составляли православные сербы. Можно говорить о том, что такое положение дел дало предпосылки к тому, чтобы почти сто лет истории Далмации в Новейшем времени характеризовал «масакар одной нации» [10].

На протяжении всего 1874 года в Боснии и Герцеговине происходили восстания, и Австро-Венгерская империя рассматривала оккупацию этой территории как единственное решение в борьбе с опасностью объединения сербов в единое государство. Последствием данных массовых восстаний стало переселение сербов на австрийскую территорию через реку Саву. До конца 1875 года, по оценкам австро-венгерского государственного и политического деятеля графа Дьюла Андраши, количество беженцев превысило 220 000 человек [10]. В Сербию и Черногорию бежало 70 000 человек. Эта миграция также была обусловлена голодом, вызванным большими налогами. В данный период боснийскую территорию покинуло большинство сербского населения. При этом мужчины уводили свои семьи, а затем возвращались и вступали в повстанческие отряды. В день объявления Черногорско-турецкой войны 28 июня 1876 г., также было провозглашено объединение Боснии с Сербией и Герцеговины с Черногорией. Однако это первое объединение не сохранилось в коллективной памяти народа в силу своего неуспеха. В официальных обращениях к народу в период войны содержался призыв присоединиться к коллективному освободительному движению и католикам и мусульманам, но эта инициатива не была ими поддержана. Это время было отмечено массовыми преступлениями: было убито около 6 000 мужчин, женщин и детей, была сожжена 81 церковь, а к бегству в Габсбургскую империю было принуждено 250 000 человек.

Развитие миграционного процесса в эпоху Новейшего времени

Невозможность перемещения избыточных масс населения в города в условиях аграрного общества обусловила интенсивную миграцию в западные индустриально развитые страны [18]. Процесс переселения в Америку бедных крестьян из Габсбургской монархии захватил и часть сербского населения, проживающего там. Так, в период 1787–1918 гг., в рамках «эмигрантской лихорадки» за достаточно короткий срок (около 15-ти лет) из сербской Герцеговины и хорватских исторических регионов Бановина, Кордун и Лика за океан переместилось 230 000 человек, составляющих лучшую мужскую рабочую силу [19]. Одновременно в Боснию и Герцеговину переселилось 240 000 католиков — в основном немцев, поляков и итальянцев, которые основали 20 аграрных колоний. В целом мы можем привести данные о том, что «население Сербии сформировалось в период с 1804 по 1960 гг., когда начался процесс оттока населения из западных капиталистических стран. Многие источники представляют доказательства того, что только в Боснии и Герцеговине в 1804 году было столько же православных жителей, сколько и в Сербии, а может быть и больше — после 1945 года это соотношение было больше не 1:1, а 8:1 (не в пользу сербов). Столица Сербии как место самого раннего и самого широкого внедрения европейских общественных

институтов, в историческом смысле стала демографическим кладбищем сербского народа. Сейчас в городе Белграде проживает больше потомков переселенцев из сел Герцеговины, чем на их исторической родине» [10]. Таким образом, внутренняя национальная миграция способствовала концентрации этнических групп, как это произошло и в наше время, когда, например, порядка 350 000 сербов из Хорватии переместилось в Сербию, но с другой стороны, для народа это означает потерю территорий. Что же касается результатов миграционных процессов на Косово, то уже в 1912 году, когда оно было освобождено армией Королевства Сербии, там преобладало составляющее более 50 % албанское население [20]. Такое положение вещей было обусловлено договоренностями в рамках Берлинского конгресса (1878 г.), когда Косово осталось под турецкой властью. После этого на Косово переселились албанцы с юга Сербии — это была добровольная миграция, мотивированная нежеланием мусульман жить в христианском государстве [21]. Из Черногории за последние три десятилетия XIX века эмигрировала четверть населения: только в 1906 году было выдано 6 500 книжек переселенцев [10]. Социальное устройство в этой стране было таким же, как и в Сербии, где сербский народ в общественно-политическом смысле не был интегрирован в единую целостность вплоть до государственного объединения в 1918 году, однако ситуация тут сильно отличалась тем, что в Сербии имели место массовые иммиграции, а в Черногории — эмиграции [22]. Сегодня ситуация в Сербии поменялась, и официальная статистика говорит о том, что ежегодно количество эмигрантов насчитывает порядка 35 000 человек [23], что по численности составляет население такого города как, например, Вршац. При этом, по нашему мнению, эти данные скорее всего занижены.

В период с 1914 по 1918 гг. во время Первой мировой войны и первого объединения Югославии был принят закон, который лишал гражданских прав целые социальные группы. Его применение привело к изгнанию 742 сербских семей [24]. Таким образом, в исторической ретроспективе мы снова наблюдаем пример того, как посредством «простого» нормативно-правового акта государство «сводит свои счета» [25]. Перед специально созданными подразделениями австро-венгерской военной полиции «шущкоррами» была поставлена задача возвращать назад сербское православное население, которое пыталось бежать из «охваченной восстанием областей» и пропускать католические и мусульманские семьи. Подобный принцип действий реализуется и сегодня, но уже официальной армией закрывших свои границы стран, таких как Хорватия и Венгрия. При этом организации, которые были созданы в Первую мировую войну, спустя 27 лет использовались нацистскими отрядами. Мы можем говорить о том, что корни хорватского фашизма были заложены после международного конфликта, который был вызван аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 года и получил название Боснийский кризис, когда оккупационные власти, опасаясь восстаний в Сербии и в Черногории, в рамках этнических чисток депортировали 150 000 шумадийцев и 10 000 черногорцев в концентрационные лагеря, которые стали первым подобным примером в европейской истории нового века [7]. Исходя из данного исторического опыта, мы можем предположить, что создание лагерей беженцев станет современным эвфемизмом создания концентрационных лагерей в случае, если миграционные процессы будут развиваться в нежелательном направлении, что станет еще одной альтернативой помимо интеграции и транзита [26]. Отметим, что данные о массовых преступлениях, которые совершали австро-венгерские регулярные армейские формирования невозможно встретить, например, в отчетах Фонда международного мира Карнеги. Многочисленные злодеяния, голод, эпидемии, убийства военнопленных, депортации населения и вывоз детей в период с 1914 по 1918 гг. в Земуне и Среме, в Бачке и в Сентендре, в Мачве, Топлице и Прокуплью, а также в Черногории и в Боснии и Герцеговине не нашли отражение в документах подобного рода, поэтому сегодня у исследователей нет точных данных за этот период. В целом, в Первой мировой войне Сербия только в рамках своих старых границ без Косово и Метохии и Македонии потеряла 43 % населения, причем потери среди мужского населения составляли 56 %. Совокупное

количество жертв в Первой мировой войне у унитарного югославского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев составило по разным оценкам составило от 1 100 000 до 1 300 000 человек [7]. В период после объединения южнославянских народов наблюдался рост численности сербского населения, однако ко времени Лозаннской конференции 1922–1923 гг. его влияние на демографическую картину снижается прежде всего на территории Косово и Метохии.

Во время Второй мировой войны немецкие войска напали на Югославию из направления Венгрии и Болгарии, а итальянские подразделения пришли из Албании и Далмации. Военная капитуляция была подписана в условиях общего упадка страны: было захвачено около 370 000 солдат, затем католики и мусульмане были освобождены, а 30 000 пленных было угнано в Италию. В это же время сербы изгоняются из Загреба и, по меньшей мере, у 30 000 сербских семей, которые в процессе аграрной реформы и колонизации получили участки в Славонии, Среме, Бачке, Баранье и Банате были отобраны имения [27]. Была сформирована Великая Албания, в которую вошли Косово и Метохия без Косовска-Митровицы и Западная Македония с Охридом, при этом по разным оценкам из Албании было тогда переселено от 150 000 до 200 000 человек [7].

В 1941–1945 гг. «Хорватия стала неким огромном баптистерием, но одновременно и гигантской живодерней — немецкое общество тогда воспринимало эту страну именно так» [10]. Действительно, в этот период активно проводилось насильственное обращение в католическую веру — по данным Министерства иностранных дел Италии, в новом хорватском государстве Католической церковью была крещена четверть миллиона сербов. Также во время войны хорватскими уставами была создана система лагерей смерти, самым крупным из которых был концентрационный лагерь в Ясеновце. Такая ситуация явилась следствием преследований сербского народа, целью которых было насильственное изменение этнической и религиозной структуры населения в Боснии и Герцеговине и на побережье Адриатического моря, особенно в Дубровнике.

В этот период «итальянская армия получила от своих разведчиков сведения о том, что главный штаб хорватских фашистов в Загребе распорядился в обязательном порядке в период с конца августа до 6 сентября 1941 г. завершить полную ликвидацию всего сербского населения: мужчины с женщинами и детьми должны были быть убиты, а их дома, скот и иное имущество должно было быть передано в собственность мусульманских и католических семей» [10]. В связи с этим, первой сербской организованной акцией на оккупированных территориях была петиция итальянскому правительству о ревизии границ Независимого государства Хорватия. Так, из Книна поступали петиции о его изъятии у хорватов и включении в состав Италии. Похожая петиция была направлена и в соответствии с инициативой о присоединении восточной части Герцеговины к Черногории. Общее количество жертв геноцида власти созданного в 1945 году государства Югославия не обнародовали. По оценке военных структур, оно составляло 750 000 человек, при том, что совокупные жертвы во Второй мировой войне насчитывали 1 700 000 человек. С тем, что больше всего массовых преступлений было совершено в Хорватии, в целом они имели место во всех областях Сербии. Например, в Бачке, окрестностях Крагуевца и Вальево проводились регулярные облавы [7].

Таким образом, уже в 1944 году в Сербию прибыло 270 000 беженцев из Хорватии, тогда же в Черногорию прибыло 5 000 беженцев с Косово [28]. В Боснии и Герцеговине в этот же период по различным оценкам миграционные движения охватили от 550 000 до 650 000 человек, некоторые из которых впоследствии вернулись на родину. Всего в Сербию во время войны перебралось около 400 000 человек: с Косово прибыло 100 000 человек, из болгарской оккупационной зоны — 25 000 человек, из итальянской оккупационной зоны — 40 000 и из немецкой оккупационной зоны — 30 000. Крупная миграция, обусловившая важные изменения этнической структуры населения, имела место и после окончания Второй мировой войны [29]. Считается, что из Югославии выехало 380 000 граждан Италии, из которых 50 000 человек

были хорватами и словенцами. Из Риеки, население которой составляло всего 66 000 жителей, уехало 58 000 человек. Из Баната и Срема эмигрировало от 150 000 до 200 000 немцев. При этом югославский лидер Йосип Броз Тито не хотел установления сербского этнического состава Воеводины, поэтому из Срема не были возвращены хорватские колонизаторы, которые переместились туда после прихода к власти усташей [30]. При этом изгнанным из Македонии и Косово и Метохии сербам не было позволено вернуться на родину. «Коммунистические власти Югославии времен Тито в соответствии с законом от 1945 года запретили сербскому населению возвращаться в их родные края. С тех пор и до настоящего времени отток сербов и приток албанцев практически не прекращался» [9].

Период Социалистической Федеративной Республики Югославия считается временем цивилизационного прыжка в некое новое общество: известно высказывание о том, что в странах Восточной Европы после окончания Второй мировой войны «машины съели крестьян» [31]. В течение индустриализации югославские села покинули 9 200 000 человек и 1 000 000 сербов переехал в Сербию из других республик. Модернизация общества не повлекла за собой результатов только у албанских и боснийских мусульман, так как была задушена демографическим взрывом. К концу Второй мировой войны на Косово численность сербского населения была сведена к 5 %, а в период с 1961 по 1981 гг. с Косово уехало 42,2 % сербов и 63,3 % тех, кто декларировал себя как черногорцы [32]. В 1957 году Эдвард Кардель меняет исторический смысл восстания против немецких оккупационных сил в период Второй мировой войны, говоря о том, что его целью было строительство социалистических отношений и предоставление каждому народу права на отделение и выбор какого-то другого государственного союза. В 1963 году была принята новая Югославская Конституция и, по словам британского посла в Белграде, тенденция превращения государства из федеративного в конфедеративное обусловила раскол в верхушке руководства страны. Действительно, в соответствии с этой конституцией Югославия была провозглашена объединяющей на добровольной основе равноправные народы Социалистической Федеративной Республикой. Именно после этого начался внутренний процесс разделения наций в югославском сообществе [33].

Иллюстрируя ситуацию с миграционными движениями, отметим, что однажды, в ответ на высказывание президента США Джона Фицджеральда Кеннеди о коммунистических обществах как о закрытых, И. Б. Тито заявил, что Югославия — это открытая страна. При этом имелась в виду доступность паспорта для путешествий за границу — последствием этого стало переселение за рубеж 400 000 югославских граждан, причем к 1974 году их число выросло до 700 000 человек (больше всего людей переселялось в Германию). Таким образом, несмотря на сохранение тенденции переселения этнических сербов непосредственно в Сербию (в переписи 1981 г. представлены данные о том, что общий прирост численности сербского населения за прошедшие двадцать составил 2 000 000 человек, причем только из Боснии и Герцеговины в Сербию переселилось 266 000 человек), это государство впервые в своей истории стало территорией активной миграции, так как население не только въезжало, но и выезжало [7]. В этих условиях, разразившаяся затем гражданская война имела ту же историческую цель, что и Вторая мировая война, а именно создание независимой хорватской европейской нации. Задачей тут было разрушить возникшую исторически «органическую аномалию» присутствия на части хорватской территории православного населения и принадлежности Хорватии 50 километров мультиэтнической Славонии.

В 1991 г. количество возвращающихся в Сербию лиц начало расти и уже в 1992 г. достигло количества 1 000 000 человек (причем после начала военных действий только из Хорватии в Сербию переселилось 350 000 человек), а с 1992 до 1995 г. беженцы составили 750 000 человек [34]. Мы можем говорить о том, что этнические чистки сербов в Хорватии и Косово и Метохии привели к их почти полному вытеснению с этих территорий [35]. В этническом смысле Хорватия стала самой гомогенной страной после

Словении после 1995 года вследствие насильственного изгнания 276 000 и убийства более 2 000 сербов, сопровождавшихся сожжением 380 сел и 40 000 сербских домов. Сегодня в этой стране свыше 90 % населения имеет хорватскую этническую принадлежность и исповедует католическую веру. Что же касается Косово и Метохии, то первая волна гонений на этнической и религиозной основе началась в 1999 году после нападения НАТО: в бегство было обращено 287 000 представителей неалбанских народов, из них 207 000 были сербами (212 781 беженцев было зарегистрировано в Сербии, а 29 500 беженцев — в Черногории) [36]. Мы видим, что значительная миграция населения в Югославии стала последствием бомбардировок как в ходе межэтнических войн, так и в ходе внешней агрессии [37].

Отметим, что, хотя процессы изменения государственных границ и передвижения населения имеют незавершенный характер, возникают идеи некой новой интеграции [38]. Например, мы можем отметить, что очень результативным экспериментом стало включение Воеводина в 1997 году в особый Еврорегион, в который также входят три венгерских области и четыре румынских округа [39]. «Страны, которые не вошли вовремя в процесс евроатлантических интеграций, движутся к дезинтеграционному процессу» [9]. При этом происходящие события: падение авторитета правительств, возникновение квази-государств, эскалация религиозных конфликтов, расширение криминальных организаций мафии, беженцы, терроризм, этнические чистки объясняет только парадигма модели хаоса [40]. В дополнение к этому, международные организации принимают на себя многие функции государств, что делает границы «проницаемыми» [41; 42]. «Мы являемся свидетелями высокой цены нового в современной европейской истории долгоиграющего и поразительного континуитета, в рамках которого произошел не только кровавый распад Югославии, но и насильственное отделение части Сербии, которое все еще дает отголосок в целом государстве как территориальная, экономическая, институциональная, политическая и общественная декомпозиция, окончание которой все еще нельзя точно предсказать и регрессивный процесс, который диаметрально расходится с европейскими интеграциями» [9]. Влияние на данный процесс могла бы оказать интеграция большого количества мигрантов в Сербии.

Выводы

Подводя итог нашей работе, подчеркнем, что социология реализует свою функцию науки, в частности, таким образом, что на основе изучения исторического опыта представляет обзор и прогноз возможности дальнейшего развития общественного взаимодействия больших социальных групп. Отметим и то, что в академическом сообществе имел место прогноз событий на Украине в 2014 г., и вместе с вышесказанным, это дает нам право серьезно рассматривать другие основанные на исторических аналогиях прогнозы, как, например, о том, что исторические источники конфликтов достаются в наследство тем, кто намеревается использовать их для разжигания новых конфликтов, но, при этом, история сама по себе не может дать научного объяснения «крушения мира». Однако такое объяснение могут дать именно социально-демографические изменения, о которых, в частности, шла речь в нашей работе, и, которые в настоящее время имеют место в постюгославском хронотопе. Такие изменения достаточно схожи с теми, которые имели место в прошлом, с участием тех же или аналогичных общественных сил и структур. Поэтому, представленная с точки зрения социологии ретроспектива говорит в пользу того, что, если управление миграционным процессом не приведет к интеграции, намечающаяся тенденция геттоизации мигрантов и беженцев создаст необходимые и достаточные условия новой общественной коллизии на национальном уровне.

На основе вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что в исследуемой нами области имеет место следующий ряд феноменологических явлений. Прежде всего, на протяжении всей истории развития территории нынешней Республики Сербии мы можем отметить постоянные крупномасштабные перемещения населения. Как правило, результатом подобных процессов становились новые социальные интеракции или, в случае негативного

развития событий, отсутствие интеракций, что приводит к социальной коллизии. Затем мы можем говорить о периодическом возникновении новых нормативно-правовых регуляторных механизмов, которые, в зависимости от ситуации, либо благоприятствовали, либо противодействовали иммиграционным процессам в обществе (либо облегчали приток населения, либо затрудняли его). Также большие миграции, которые мы можем охарактеризовать как вынужденные, повлекли за собой формирование изолированных центров для беженцев как экстремальное проявление социальных трений. Помимо этого, исторические события неоднократно приводили к изменению демографической картины определенных территорий — до такой степени, что мы можем наблюдать почти полную замену коренного населения мигрантами. Такое развитие событий не устраняет социальный риск, а лишь немного сдвигает его к новой границе. Наряду со всеми этими явлениями имело место и смена вероисповедания в процессе взаимопроникновения социальных групп. Подчеркнем, что в каждый момент времени на территории, находящейся в фокусе нашего исследования, в большей или меньшей степени присутствует влияние внешних сил, которое мы считаем неизбежным. Это говорит нам о том, что общество давно стало глобальным, то есть намного раньше, чем появились теории глобализации. Можно говорить о том, что единственной постоянной величиной в исследуемом нами пространстве является само пространство постюгославского хронотопа.

Подводя итог представленной нами с социологической точки зрения ретроспективы миграции, мы считаем важным отметить, что, с одной стороны, хотя Сербия в постюгославском хронотопе и не представляет собой цивилизацию, самая южная ее граница является границей цивилизаций. С другой стороны, самая северная граница Сербии представляет собой закрытый путь в Европу. В этой связи можно сказать, что Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинается православие и ислам. Таким образом, очевидно, что проведенный нами исторический обзор позволяет определить постюгославский хронотоп как коммуникационную площадку восточного православия и ислама. Мы уверены в том, что полученные нами данные могут в будущем способствовать дальнейшим социологическим исследованиям ученых и разработке эффективных рекомендаций, так как в ином случае неизбежно возникнут серьезные предпосылки общественного конфликта. Это особенно важно, принимая во внимание то, что мы можем говорить о том, что религии, в отличие от экстремизма, который в большей степени можно рассматривать как проект, в теологическом смысле неизменны, что обуславливает задачу социологии по принятию на себя ведущей роли в формировании социальной гармонии представителей различных конфессий. Хотя «исламский фундаментализм» отрицает национальное государство в пользу единства ислама, мы можем подчеркнуть, что на сербской территории имеет место всецело успешная социальная интеграция части местного населения, являющейся приверженцами этой религии. Однако необходимо отметить, что в этой ситуации без эффективного управления новоприбывшие мигранты станут неизвестным фактором в существующей социальной системе государства, если только их пребывание не будет транзитным, что, как мы уже обосновали, маловероятно, поскольку имеет место закрытие северных границ Республики Сербия, где эта граница также является и межцивилизационной.

Библиографический список

- [1] Elias, N. Retreat of sociologists into the present // *Theory, Culture and Society*. – 1987. – Vol. 4, № 2–3. – P. 223–247.
- [2] Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие // Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – Москва: Центр миграционных исследований, 2007. – 370 с.
- [3] Smith, D. Norbert Elias and André Breton: Surrealism, Shock and the Civilizing Process // *Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen*. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. – pp. 159–170.
- [4] Чиркович С.М. История сербов /; пер. с серб. Ф.Б. Альбрехт и др; под общ. ред. А.Л. Шемякина. – Москва: Весь мир, 2009. – 409 с.

- [5] Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. – Београд: Нар. библ. Србије, 2012. – 562 с.
- [6] Hrabak, B. Širenje arbanaških stočara po ravninama i slovenski ratari srednjovekovne Albanije // Stanovništvo slovenskog porijekla u Albaniji. Zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa održanog na Cetinju 21, 22. i 23. juna 1990. godine. / Bojović, J.P. (ed.). – Titograd: Istorijski institut SR Crne Gore, 1991. – P. 85–130.
- [7] Географија Србије / Уредник Радовановић Москва. – Српска академија наука и уметности, Географски институт «Јован Цвијић»; књ. 91. – Београд: 3D Plus. – 870 с. (Посебна издања).
- [8] Цвијић Ј. Метанастазичка кретања њихови узроци и последице // Насеља и порекло становништва, књ. 12. – Српски Етнографски зборник, књ. XXIV. – Београд: Државна штампарија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, 1922. – 106 с. [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.google.com/file/d/0B3ma9plMXxAEUjk1S2tNTTV2Qlk/edit> (дата обраћања: 18.07.2020 г.)
- [9] Бојовић Б.Б. Византија – Балкан – Европа: припадност и оностраност. – Београд: Службени гласник (Гласник), 2014. – 436 с.
- [10] Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку. – 5. изд. – Београд: Euro Book, (Пирот: Пи прес), 1492–1992. – 606 с.
- [11] Holborn L.W. Refugees, a problem of our time. The Work of the United Nations High Commissioner for Refugees, 1952–1972 / L.W. Holborn, P. Chartrand, R. Chartrand. – Vol. 2 – Metuchen: Scarecrow Press, 1975. – 1525 p.
- [12] Терзич С. Старая Сербия (XIX – XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. – Москва: Вече, 2015. – 480 с.
- [13] Forcade O., Nivet P. Pour une histoire des réfugiés dans l'Europe moderne et contemporaine. In O. Forcade, P. Nivet (Eds.), Les Réfugiés en Europe du XVIe au XXe siècle. – Paris: Éditions Nouveau Monde, 2008. – P. 7–10.
- [14] Čakić S. Velika Seoba Srba i Patrijarh Arsenije III Crnojević. Povodom 300-godisnjice Velike Seobe Srba. – Novi Sad: Prometej I Kulturno-prosvetne zajednice Vojvodine, 1990. – 437 s.
- [15] Gavrilović S. O Srbima Habzburške monarhije. – Beograd: Srpska književna zadruga Beograd, 2010. – 420 p.
- [16] Šviker J.H. Istorija unijaćenja Srba u Vojnoj krajini. – Novi Sad: Arhiv Vojvodine, 1995. – 113 p.
- [17] Krestić V.Đ. Srbi u Ugarskoj 1790 – 1918. – Novi Sad: Matica srpska, 2013. – 534 p.
- [18] Arango J. Explaining migration: a critical view // International Social Science Journal. – 2000. – Vol. 52, № 165. – P. 283–296.
- [19] Ћоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку – Београд: Библиотека града Београда, 1992. – 860 с.
- [20] Шевцова Г.И. Русский гуманитарный поход на Балканы (1912–1913). – Москва: Фонд «Запад-Восток: интеграция и развитие», 2012. – 240 с.
- [21] Балкански рат у слици и речи: 1912–1913 / уз сарадњу српских књижевника и ратника уредио Д.М. Шијачки (друго изд). – Београд: Видов-дан (Штампарија Савића и Комп), 1922. – 624 стр. (Илустрована историја српских ратова за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца 1912–1920; 1). – Сакупљ. и прешт. 39 бројева листа „Балкански рат у слици и речи” од 1913 год.
- [22] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке). – Москва: Гея итэрум, 2000. – 480 с.
- [23] Розанов А. Безопасность Европы: Балканский вектор: по материалам семинара «Европейская безопасность: Балканский вектор» (Белград, 27 июня 2012 г.) и экспертного круглого стола «Черногория в современной геостратегии России» (Москва, Фонд исторической перспективы, 17 сентября 2012 г.). – Москва: Фонд исторической перспективы, 2013. – 254 с.
- [24] Радоевич М. Сербия в Великой войне 1914–1918: краткая история / Пер. А.И. Чароты, В.И. Чароты, И.А. Чароты / Под ред. И.А. Чароты. – Белград: СКЗ: Белградский форум за мир равноправных – Бачки-Петровац: ХЛ Принт, 2014. – 336 с.

- [25] Bell M., Ward, G. Comparing Temporary Mobility with Permanent Migration // *Tourism Geographies*. – 2000. – Vol. 2, № 1. – P. 97–107.
- [26] Минеев А. Наш дом — весь мир? Или только дом? Миграция и порожденный ею рост национализма раскололи Европу. // *Новая газета*. № 141 от 19 декабря 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/12/12/78918-nash-dom-ves-mir-ili-tolko-dom> (дата обращения: 16.06.2020 г.)
- [27] Бачко добро поле: горштаци у равници / Група аутора. – Посебна издања. Књ. 18. – Београд: Етнографски Институт САНУ, 1979. – 298 с.
- [28] Йович С.Б. Этнические чистки и геноцид славянской культуры на Косово и Метохии: свидетельство о страдании Сербской Православной Церкви и сербского народа с 1945 по 2005 год / Перевод И.М. Числов. – Москва: Паломник. 2014. – 224 с.
- [29] Holian A., Cohen, G.D. Introduction // *Journal of Refugee Studies*. – Special Issue: The Refugee in the Postwar World, 1945–1960. – 2012. – Vol. 25, № 3. – P. 313–325. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jrs/fes028>
- [30] Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / Коллектив авторов. – Москва: издательский дом «Звонница-МГ», 2005. – 432 с.
- [31] Тойнби А.Дж. Постижение истории: монография. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 1876 с.
- [32] Вуйович М. Расправа над истиной / Пер. с сербск. В. Соколов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 242 с.
- [33] Кузнецов Д.В. Югославский кризис: взгляд сквозь призму общественного мнения. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 344 с.
- [34] Бојовић Ј.Р. Избеглице из Албаније у Црну Гору 1991. године. – Титоград: Историјски институт Републике Црне Горе, 1991 – 256 с. (Посебна издања).
- [35] Батаковић Д.Т. Косово и Метохија – историја и идеологија. – Београд: Универзитетски образовни православно богословски – Ваљево: Хиландарски фонд – Србиње: Задужбина «Николај Велимировић», 1998. – 265 с.
- [36] Рыжков Н.И. Югославская Голгофа / Под ред. Н.И. Рыжков, В.Н. Тетекин. – Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 2000. – 445 с.
- [37] Демократия и бомбардировки. Есть ли будущее у демократии? / Под ред. З. Аврамович; перевод с сербской В. Соколов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 212 с.
- [38] Сербия о себе: сборник / М. Йованович (составитель). – Москва: издательство «Европа»: ИД КДУ, 2013. – 510 с.
- [39] Evroregion DKMT u prve dve decenije ispunio svoju misiju [Текст]. Официальный сайт Краевого секретариата по региональному развитию, международному сотрудничеству и местному самоуправлению Автономного Края Воеводина (Республика Сербия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://region.vojvodina.gov.rs/kabinet-sekretara/?lang=rs> (дата обращения: 03.10.2020 г.).
- [40] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Москва: Мысль, 1993. – 165 с.
- [41] Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World (Fourth Edition). – London: Palgrave Macmillan Limited, 2009. – 369 p.
- [42] Лебедева О.В. Организация объединенных наций в процессах дипломатического урегулирования межнациональных конфликтов // *Международная жизнь*. – 2018. – № 2. – С. 46-60.

References

- [1] Elias, N. (1987). Retreat of sociologists into the present. *Theory, Culture and Society*, 4 (2–3), 223–247
- [2] Zayonchkovskaya, Zh., Molodikova, I., & Mukovel, V. (Eds). (2007). *Methodology and Methods of Studying Migration Processes*. Moscow: Centr migracionnykh issledovanij.

- [3] Smith, D. (2018). Norbert Elias and André Breton: Surrealism, Shock and the Civilizing Process. In *Mitteuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen* (pp. 159–170). Berlin: De Gruyter.
- [4] Čirković, S.M. (2009). *Serbs among European nations*. Translation F.T. Albrecht, A.L. Shemyakina (Eds.). Moscow: Ves mir.
- [5] Cvijić, J. (2012) *Balkan Peninsula and South Slavic Countries*. Belgrade: Narodna Biblioteka Srbije.
- [6] Hrabak, B. (1990) The Spread of Arbanasi Cattle Breeders on the Plains and Slavic Farmers of Medieval Albania. Population of Slovenian Origin in Albania. In J.P. Bojović (Ed.), *Proceedings of the International Scientific Conference Held in Cetinje 21st, 22nd and 23th June 1990* (pp. 85–130). Titograd: Istorijski institut SR Crne Gore.
- [7] Radovanović, M. (Ed.). (2017). *Geography of Serbia*. Serbian Academy of Sciences and Arts, Geographical Institute “Jovan Cvijić”, 91. Belgrade: 3D Plus (Special Edition).
- [8] Cvijić, J. (1922). Metanastatic Movements, their Causes and Consequences. Settlements and the Origin of the Population. *Serbian Ethnographic Collection*, 12 (24), 106.
- [9] Bojović, B.B. (2014). *Byzantium – Balkans – Europe: Belonging and Otherworldliness*. Belgrade: Sluzhbeni Glasnik.
- [10] Ekmečić, M. (2017). *The Long Movement between Slaughter and Plowing: the History of Serbs in the New Century: (1492–1992). Fifth Edition*. Belgrade: Evro Book.
- [11] Holborn, L.W. (1975). Refugees, a problem of our time. In L.W. Holborn, P. Chartrand, R. Chartrand (Eds.), *The Work of the United Nations High Commissioner for Refugees, 1952–1972*. Vol.2. Metuchen: Scarecrow Press.
- [12] Terzić, S. (2015). *Old Serbia (XIX – XX Centuries). A Drama of a European Civilization*. Moscow: Veche.
- [13] Forcade, O., & Nivet, P. (2008). Pour une histoire des réfugiés dans l’Europe moderne et contemporaine. In O. Forcade, P. Nivet (Eds.), *Les Réfugiés en Europe du XVIe au XXe siècle* (pp. 7–10). Paris: Éditions Nouveau Monde.
- [14] Čakić, S. (1990). *The Great Migration of Serbs and Patriarch Arsenije III Crnojević. Povodom 300-godisnjice Velike Seobe Srba*. Novi Sad: Prometej i Kulturno-prosvetna zajednica Vojvodine.
- [15] Gavrilović, S. (2010). *About the Serbs of the Habsburg Monarchy*. Beograd: Srpska književna zadruga Beograd.
- [16] Šviker, J.H. (1995). *History of the Unification of Serbs in the Military Border*. Novi Sad: Arhiv Vojvodine.
- [17] Krestić, V.Đ. (2013). *Serbs in Austro-Hungarian Empire 1790 – 1918*. Novi Sad: Matica Srpska.
- [18] Arango, J. (2000). Explaining migration: a critical view. *International Social Science Journal*, 52 (165), 283–296.
- [19] Čorović, V. (1992). *Relations between Serbia and Austro-Hungary in the XX Century*. Belgrade: Biblioteka Grada Beograda.
- [20] Shevtsova, G.I. (2012). *Russian Humanitarian Campaign in the Balkans (1912–1913)*. Moscow: Foundation “West-East: Integration and Development”.
- [21] Shiyachki, D.M. (Ed.). (1922). *The Balkan War of 1912–1913, in Pictures and Words, Second Edition*. Belgrade: Vidovdan (Publisher Savich & Comp).
- [22] Vasileva, N., & Gavrilova, V. (2000) *Balkan Dead End? (Historical Destiny of Yugoslavia in the Twentieth Century)*. Moscow: Geya Iterum.
- [23] Rozanov A. (2012). *Security of Europe: the Balkan Vector. Based on the Materials of the Seminar "European Security: The Balkan Vector" (Belgrade, June 27, 2012) and the Expert Round Table "Montenegro in the Modern Geostrategy of Russia"*. Moscow: Fond Istoricheskoy Perspektivy).

- [24] Radojević, M., & Dimić, D. (2014). *Serbia in the Great War 1914–1918: a Brief History*. A.I. Čarota, V.I. Čarota (Transl.), I.A. Čarota, (Eds.). Belgrade: SKZ Belgradskiy Forum za Mir Ravnopravnykh. Bački Petrovac: KHL Print.
- [25] Bell, M., & Ward, G. (2000). Comparing Temporary Mobility with Permanent Migration. *Tourism Geographies*, 2(1), 97–107.
- [26] Mineev, A. (2018). Is our Home the Whole World? Or just a House? Migration and the Resulting Rise of Nationalism have Divided Europe New Newspaper, 141 (19th Decembre 2018). Retrieved from <https://novayagazeta.ru/articles/2018/12/12/78918-nash-dom-ves-mir-ili-tolko-dom> (accessed 16 June 2020)
- [27] Blagojević, O. (1979). *Bačko Dobro Polje: Highlanders in the Plain*. Special Edition, 18. Belgrade: Etnografski Institut SANU.
- [28] Jović, S.B. (2014). *Ethnic Purges and the Genocide of Slavic Culture in Kosovo and Metohija: Evidence of the Suffering of the Serbian Orthodox Church and the Serbian People from 1945 to 2005*. I.M. Chislov (Transl.). Moscow: Polomnik.
- [29] Holian, A., & Cohen, G.D. (2012). Introduction. The Refugee in the Postwar World, 1945–1960. *Journal of Refugee Studies. Special Issue*, 25(3), 313–325. <https://doi.org/10.1093/jrs/fes028>
- [30] The Balkan Knot, or Russia and the “Yugoslav Factor” in the Context of the Politics of the Great Powers in the Balkans in the Twentieth Century (2005). Group of Authors. Moscow: Publisher Zvonitsa-MG. Retrieved from https://bookdomain.at.ua/news/balkanskij_uzel_ili_rossija_i_jugoslavskij_faktor_v_kontekste_politiki_velikikh_derzhav_na_balkanakh_vasileva_gavrilov_mirkiskin/2018-01-13-311
- [31] Toynbee, A.J. (2007). *Study of History*. Moscow: Direct-Media.
- [32] Vujović, M. (2017). *Debate over the Truth*. V. Sokolova (Transl.). Saint Petersburg: Aletejya.
- [33] Kuznetsov, D.V. (2009). *The Yugoslav Crisis: a View through the Prism of Public Opinion*. Moscow: Publisher “Librokom”.
- [34] Bojović J. (1991). *Refugees from Albania to Montenegro in 1991*. Titograd: Istorijski Institut SR Crne Gore.
- [35] Bataković, D.T. (1998). *Kosovo and Metohija – history and ideology*. Belgrade: Univerzitetski obrazovni pravoslavni bogoslovski. Valjevo: Hilendarski fond. Srbine: Zaduzhbina “Nikolaj Velimirović”.
- [36] Rizhkov, N.I., & Tetekin, V.N. (2000). *Yugoslav Golgotha*. Moscow: Fond Sodejstviya Razvitiyu Socialnukh i Politicheskikh Nauk.
- [37] Abramović, Z. (2017). *Democracy and Bombing. Is there a Future in Democracy?* V. Sokolova (Transl.), Saint Petersburg: Aletejya.
- [38] Jovanović, M. (Ed.). (2013). *Serbia about Itself: a Collection*. Moscow: Publisher “Evropa”.
- [39] The DKMT Euroregion has fulfilled its mission in the first two decades. Provincial Secretariat for Regional Development, Interregional Cooperation and Local Self-Government, Autonomous Province of Vojvodina (Republic of Serbia). Retrieved from <http://region.vojvodina.gov.rs/kabinet-sekretara/?lang=rs>.
- [40] Spengler, O. (1993). *Decline of the West*. Moscow: Moscow: Mysl.
- [41] Castles, S., & Miller, M.J. (2009). *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Fourth Edition*. London: Palgrave Macmillan.
- [42] Lebedeva, O.V. (2018). United nations organization in the processes of diplomatic settlement of interethnic conflicts. *International Affairs*, 2, 46–60.

Получена / Submitted: 05/10/2020

Доработана / Revised: 12/11/2020

Принята к публикации / Accepted: 26/11/2020

Подписано в печать 10.12.2020. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,12. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 500. Заказ № 2035
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.